

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DM 10,- 3 руб.

D 21651 F

POSSEV 1/1991

Популярность этой идеи растет

№ 1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1991

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха, А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина...

Условия подписки на 1991 год:

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм
В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

А. Артемов. Призрак диктатуры (3)

НТС В РОССИИ

НТС: год 1990. Информация ИБ Совета НТС (7). - **Юрий Булгари.** Всё смешалось в Российском доме (12). - **Ирина Максимова.** Чего они боятся? (16)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Никита Сергеев. Горбачевiana (19). - **И. Ильин.** Перестройка как мимикрия большевизма (25). - **Кирилл Александров.** Самоуничтожение демократической оппозиции? (27)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Андрей Деревянкин. Необходима декоммунизация (30). - **М. Лапыгин.** Им нечего терять (35)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Владимир Батшев, Михаил Горбаневский. Красная армия, марш-марш вперед? (40). - **Георгий Кокунько.** Возрождение казачества (50)

ЭКОНОМИКА

Александр Югов. Бег на месте (55)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

Фридрих Незнанский. Заряд осторожного оптимизма (61). - **Николай Привалов.** О программных документах Объединенного фронта трудящихся России (70)

КОММУНИЗМ НА ИСХОДЕ

М. Странский. Польский выбор: пейзаж после битвы (73). - **Ян Подолян.** Закат марксизма-ходжизма (78)

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

Д. Штурман. Время и слово (81). - **В. Жедилягин.** Национально-государственная альтернатива (93)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Олег Соснин. Проблемы самоопределения: быть или не быть русской нации? (97). – **Юрий Сидоренко.** Вырываясь из большой тюрьмы... (103)

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Д. Балашов. Читайте первоисточники! (106)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Ив. Толстой. Эмиграция и мы (110)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Роман Редлих. Здравый смысл в столкновении двух безумий (115). – **Юрий Фельштинский.** Бриллианты для диктатуры пролетариата: жизнь и смерть Джона Рида в России (130)

60 ЛЕТ НТС

Б. Пушкарев. Как наше прошлое формировало наши идеи (134). – **Ярослав Трушнович.** Предвоенная обстановка. К истории Народно-Трудового Союза (146). – **В. Поремский.** Наши нравственные устои (152)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

А. П. Столыпин (155)

ПИСЬМА

Андрей Васильев, Андрей Окулов. О гимне, гербе и исправлении истории (157). – **Б. Сергеев.** О выборах в земство (158)

Фото на обложке В. Филимонова

В основе нового устройства общества мы видим прежде всего отказ от всякого утопизма, от любой попытки строительства «земного рая» при помощи государственной власти. Счастье - предмет частных забот. Задача же политики - оградить жизнь от конкретного зла на земле, избежать ада. Какая-то мера принуждения неизбежна, чтобы оградить зло, но принуждением нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит границы государственной власти и подчиняет политическую деятельность ценностям, которые выше ее.

В обществе не избежать конфликтов. Но первичны в нем не борьба, а сотрудничество и солидарность, без которых и борьба невозможна. Общество, ставящее во главу угла солидарность, стремится не подавлять конфликты, ущемляя одну из сторон, а разрешать их, выявляя общие для обеих сторон ценности и соподчиняя им столкнувшиеся интересы.

**"Путь к будущей России". Политические основы
Народно-Трудового Союза российских солидаристов**

Призрак диктатуры

А. АРТЕМОВ

Призрак бродит по "Союзу" – призрак диктатуры. Был ли "Союз ССР" подлинным союзом, единением народов, будет ли он обновленным сообществом, да и насколько существует он ныне в действительности, а насколько пребывает в стадии распада и каковы тут "продукты распада", – всё это определяется характером режима, ныне переживающим глубокий кризис. В конечном счете – кризис власти.

В теперешней фазе кризиса открыто заговорили об угрозе установления диктатуры. Одни видят ее в непрерывном усилении президентских полномочий, другие – в недовольстве военных кругов. Но страх и надежда причудливо переплетаются в этих настороженных ожиданиях.

Сильная власть – это потенциальная и реальная угроза для процесса либерализации и демократизации, угроза торможения, подавления или даже пресечения его развития. Но при нынешнем живом интересе к истории люди вспоминают весну и лето 1917 года: нерешительность Керенского и неудача генерала Корнилова привели к разгулу темных элементов и к победе террористического режима. А сильная власть была бы гарантом нормального курса на правопорядок свободы.

И многие одобряют экстраординарные прерогативы центрального руководства. На IV Съезде народных депутатов СССР группа депутатов, более 50 человек (включая патриарха Алексея), обратилась к Горбачеву с просьбой ввести чрезвычайное положение, чтобы "положить конец хаосу в стране". Очередная перестройка верховной власти, предложенная Горбачевым съезду, предусматривает сосредоточение под президентом Кабинета министров, Совета Федерации, Совета обороны и Совета безопасности (с включением в него руководителей ведомств внешней и внутренней политики, армии и КГБ). Так что полномочий у него достаточно.

"Соратники" считают даже, что это уже чересчур. Ельцин намекает на личное честолюбие Горбачева, Рыжков сказал, что дело сводится к "войне законов" между центром и республиками и надо лишь добиться эффективного претворения директив в жизнь (но ведь для этого все-таки нужна сильная власть).

С другой стороны, министр иностранных дел Шеварднадзе внезапно на съезде заявил о своей отставке и при этом прямо обвинил военные круги (в частности, "молодых полковников") в антиреформистском, консервативно-реакционном давлении на центральное руководство. Такие молодые полковники (Алкснис, Петрушенко) действительно в кулуарах съезда похвальнось, что они свалили двух важнейших горбачевских помощников: Бакатина (министра внутренних дел) и Шеварднадзе. Последний, по их мнению, зря "проиграл"

ГДР, подписав договор об объединении Германии, который-де теперь не надо ратифицировать. В свое время Хрущев заявил западным державам насчет ГДР: "Что с возу упало, то пропало"; теперь это можно сказать советским ястребам.

В самом деле, кто такой новый министр внутренних дел Пуго, пришедший на смену "мягкотелому" Бакатину? Закоренелый латышский чекист, бывший глава латвийского КГБ, в последнее время председатель Центральной контрольной комиссии КПСС (партийной охраны). При своем назначении на пост, выступая по Центральному телевидению, он обещал, что под его руководством "милиция, внутренние войска МВД отдадут все свои силы для наведения порядка в стране" ("Правда", 7.12.90).

Выученик Андропова, нынешний председатель КГБ В. Крючков, выступая на съезде, сосредоточился, в особенности, на "источниках угроз нашему развитию" и, нарочито смешивая деятельность иностранных "спецслужб" с деятельностью российской антикоммунистической оппозиции, разразился такой гневной тирадой:

"В частности, продолжает активно действовать с территории ФРГ против СССР Народно-трудовой союз (НТС), который отводит себе роль главного объединителя антисоциалистических сил. Он также щедро финансируется Центральным разведывательным управлением. Этим союзом на территории СССР распространяется политическая программа "Путь к будущей России", другие антисоветские документы. К слову, в Октябрьском районе г. Москвы НТС зарегистрировал свое представительство издательства "Посев". Оно занимается печатанием и распространением в СССР пропагандистской литературы" ("Правда", 23.12.90).

Крючков повторил, в основном, характеристику НТС, данную Андроповым на праздновании 50-летия ЧК в 1967 году, где НТС был определен как "враг № 1" для советского коммунистического режима.

Выступление Крюčkова вызвало смятение на Западе как признак обращения к порядкам из времен "холодной войны". Ему пришлось "уточнять" и "корректировать" сказанное, но слово - не воробей. А такие прыжки могут повлиять на продовольственную помощь Запада, откуда идет широкий поток посылок под позорным для советского режима лозунгом "Помогите России!" (даже крохотный Люксембург с населением в 370 тысяч человек кинулся спасать великую советскую державу).

Заявление Крюčkова означает намерение КГБ превратить страну в "лагерь усиленного режима". И атаки на НТС, как и на другие "антисоциалистические силы", имеют чисто политическую направленность: почему НТС не может распространять свои программные материалы, предлагающие реальные пути выхода из государственного кризиса родной страны? Даже если они поступают из-за рубежа, мало ли ценной и полезной литературы имеет зарубежное происхождение. Но антинародный полицейский режим предпочитает пресекать поток конструктивных идей, избегая диалога по существу.

Между тем, положение в стране ухудшается. Рыжков, глава союзного правительства, сообщил на съезде:

"Нам предстоит при богатом урожае закупить 30 млн. тонн зерна, что составляет 45% к общему объему государственных закупок".

"Обязательные платежи по иностранной задолженности увеличатся к 1991 году до 9 млрд. инвалютных рублей. Западные кредиторы отказываются предоставлять нам кредиты на коммерческой основе. И главная причина отказов не столько в росте задолженности, а в нашей государственной и политической нестабильности" ("Правда", 20.12.90).

Итак, плохое экономическое положение вызывает нестабильность, а нестабильность мешает помощи извне. Заколдованный круг.

Основная продовольственная база, сельское хозяйство остается в тисках "социалистического сектора", то есть практически – в ежовых рукавицах у совхозно-колхозных бюрократов, современных помещиков, отпускающих крепостных крестьян под непосильный оброк. Так, например, "мясо закупают по 1 рублю 63 копейки за килограмм, молоко по 33 копейки за литр... в колхозе же это мясо стоит уже 7–10 рублей, молоко рубль-два" ("Лит. газета", 19.12.90).

Отношение к частному крестьянскому землевладению отрицательное на самых верхах. Выступая на встрече с деятелями культуры, Горбачев сказал:

"Я за рынок всегда выступал и выступаю. Но, будучи за рынок, однако я, например, не приемлю частную собственность на землю – хоть что вы со мной делайте. Не приемлю. Аренда – хоть на 100 лет, даже с правом продажи арендных прав, с наследованием. Да! А частную собственность с правом продажи земли – не приемлю. Это, кстати, традиция сельской общины, нашей сельской общины" ("Правда" 1.12.90).

С последним (общинная собственность с семейными наделами) сразу же согласился писатель Можаяев.

Да ладно уж, пусть общественное владение, как при нэпе, так и на это не идут. А положение на продовольственном рынке все ухудшается. И куда же делся рекордный урожай, даже при обычных потерях? По различным наблюдениям, его совхозно-колхозные администраторы припрятали "про запас" (на возможный "тощий год" или в видах спекуляции).

Но тогда, видимо, хочешь не хочешь, придется пускать в ход опять "командные рычаги": открыто вводить повсеместную карточную систему, облагать жесткими заготовительными обязательствами "социалистический сектор". И снова, уже постепенно, вводить рыночные элементы "еще при жизни экономики директивной", как предлагал НТС в свое время ("Основы обновления народного хозяйства", 1982).

Для этого нужна-таки стабильная власть, способная командовать "командной" системой и вызывать хоть минимальное доверие внутри страны и вовне.

Решающие для "Союза" национальные проблемы (их много разных) в результате десятилетий коммунистической практики тюрьмы народов, а теперь еще из-за лицемерной и непоследовательной тактики горбачевского руководства обострились до крайности. И приходится уже думать не об оптимальных решениях, а о минимальных возможностях, о спасении того, что еще можно спасти в качестве стартовой базы на будущее.

Внешние имперские претензии, которые нам вовсе не нужны, пора отбросить решительно: не только ГДР, но и прочие бывшие восточно-

европейские "народные демократии" ушли безвозвратно, и еще слава Богу, что нам не приходится расплачиваться за преступления навязанного им режима.

Но и в границах нынешнего "Союза" почти наверняка придется смириться с болезненными утратами. Насилие (по методам "военной диктатуры") лишь затянуло и обострило бы конфликтные ситуации да привело бы к изоляции нашей страны в мировом сообществе. И тут скорее нужна авторитетная власть, которая сумела бы убедить патриотическую общественность в непреклонности сурового закона: "политика есть искусство возможного".

Разработан проект "Союзного договора", где речь идет о перестройке "на новых началах", но - "Союза Советских Социалистических Республик". Одновременно республики одна за другой выкидывают из своих названий определения "социалистическая" да и "советская". Противоречие налицо.

Условия "договора" отвергают республики, начиная с Российской, правительство которой заключает прямые двусторонние договоры с другими, что создает базу для иной конструкции.

В любом случае придется искать решения для русских национальных меньшинств во внесоюзных республиках, где русским надо будет либо принимать местное гражданство, либо жить на положении иностранцев, либо переселяться в Россию (из-за политики республиканских властей не исключено такое переселение и для других нацменьшинств).

Есть и другие острые проблемы для новоотстроенного режима президента Горбачева. В опоре на верные ему реформистские силы в правящем слое и армии, на аппарат МВД и КГБ он может сломить саботаж реакционной мафии номенклатурной пирамиды. Но решающий успех, думается, будет зависеть от взаимоотношений между государственным управлением и народно-общественным самоуправлением, которое развивается и растет, явочным порядком руководя важнейшими областями бытия страны и народа. Независимая общественность, ее пресса еще больше влияли бы на жизнь страны, если бы Запад, помимо prodovольственного потока, оказывал полиграфическую помощь (печатная техника, бумага).

Но и так активные силы общества постепенно проникают в выборные органы на разных ступенях государственной системы, и это еще скажется на всеобщих выборах, которые следовало бы провести досрочно. При этом просто необходимо изменить надуманную систему формирования законодательных органов, отбросив посторонние включения представителей "общественных организаций", начиная с ЦК КПСС (тем более если взят курс на многопартийность).

Мудрая авторитарная власть, испанская или чилийская, в свое время загода искала диалога и сговора с конструктивными силами оппозиции - для спуска на тормозах к демократическому правопорядку. Тут было бы чему поучиться нынешнему государственному руководству нашей страны, если оно не хочет ни обоюдоострой террористической диктатуры, ни разрушительных революционных потрясений.

НТС: год 1990

Еще 19 лет назад, в январе 1972 года, Совет НТС заявил: "Главная задача НТС - участие в устройстве российского будущего на основе права, свободы и солидарности... В силу противодействия коммунистической диктатуры НТС вынужден важнейшие отрасли своей работы вести закрыто. Однако по своей сущности НТС - организация открытая, уважающая право, стремящаяся к свободному и широкому распространению своих идей".

Рост открытой организации

Реально открытые действия живущих в России членов НТС стали возможны лишь с 1987 года, когда вышли из заключения Р. Б. Евдокимов и В. А. Сендеров. За ними, поначалу осторожно, потянулись другие. В декабре 1988 года в своем отчетном докладе ("Посев" № 12) Ю. Б. Брюно назвал фамилии пяти открытых членов Союза. Год спустя, в сентябре 1989, в интервью газете "Атмода", В. А. Сендеров оценил численность открытых членов Союза в России в 15 человек. Осенью 1990 года их число (включая и утвержденных членов Союза, и подавших заявления) превысило 150 человек.

Окрепла связь между внутрirosсийской и зарубежной частями организации. До 1989 года визиты членов Союза из России на Запад были редкостью и проводились по всем правилам конспирации. В 1990 году зарубежный центр посетили более десяти членов Союза из России, и в сентябре впервые члены Союза из России (Евдокимов и Сендеров) участвовали в заседании Совета НТС.

Участились и поездки с Запада на Восток: в 1989 году в Россию ездили лишь два члена Совета, а в 1990 году ездило пять человек, плюс более десяти других членов Союза. Большим событием стала поездка Бориса Георгиевича Миллера: за три месяца он посетил членов НТС в 13 городах, 24 раза выступал на открытых собраниях и демонстрациях, 10 раз - по телевидению и дал многочисленные интервью газетам. Благодаря этому, НТС перестает восприниматься как нечто таинственное и становится естественной частью политического спектра в стране. Этим, возможно, объясняются меры, принятые против Б. Миллера, Ю. Миллера и Ю. Брюно органами КГБ, продолжающими искать опасность для государства вовсе не там, где ее искать следует.

Увеличилось размножение литературы НТС в стране. Прежде почти вся союзная литература (за исключением самодельных листовок) поступала из-за границы, что резко ограничивало ее объем. В 1988 году впервые началось размножение в стране - поначалу было напечатано 3.000 экземпляров "Пути к будущей России". В 1989 году удалось уже наладить размножение не только "Пути", но и журнала "Посев", нескольких книг и брошюр, всего 76.000 экземпляров. В 1990 году в стране было напечатано 124.000

экземпляров зарубежной литературы НТС ("Посев", "Воля", "Путь к будущей России", "Три резолюции Совета", "Рабочее дело" и др.). Кроме того, после многих задержек, удалось наконец наладить печатание в России журнала "Грани". Номера 155 и 156 вышли тиражом в 10.000 экземпляров. Помимо размножения зарубежных изданий, члены Союза в России начали создавать собственную прессу. В течение года вышли номера следующих газет: "Третья сила" в Самаре, "Всходы" в Новосибирске, "Славяне" в Киеве, "Диссидент" во Владивостоке, "Прямое действие" в Твери, "Обзор", позже "Солидарист" в Москве.

География и деятельность

1. Центральная Россия. На группы НТС в Москве, Петербурге и Твери приходится более 30% всех членов организации. При Московской группе есть секретариат, ведающий рассылкой материалов в другие города и связью с общественностью; имеется союзная библиотека (около 600 книг), склад литературы, и ведется обширная переписка. Помимо группы НТС, в Москве существует также представительство издательства "Посев", получившее в начале 1990 года известность благодаря устройству открытых вечеров "Посева" и "Граней". Члены Петербургской группы, кроме связи с другими городами, сосредотачивают свое внимание на издательской и молодежной деятельности, выступают на демонстрациях и по телевидению. В Москве официально зарегистрирован Фонд Свободной России, в Петербурге - Петербургское общество солидаристов, в которое, помимо членов НТС, входят и представители других дружественных групп. Группа в Твери была, в свое время, создана посредством переписки с ныне покойной Ариадной Ширинкиной; есть члены Союза во Пскове, в Новгороде и других городах центральной России.

2. Поволжье. Группы НТС есть в Самаре, Казани, Нижнем Новгороде; члены НТС есть и в Саратове, и в Набережных Челнах. Всего на Поволжье приходится почти 20% членов организации. Самарская группа издает "Третью силу" - газету отличного типографского качества, - которая, как указано во втором номере, распространяется в Москве, Петербурге, Самаре, Саратове, Оренбурге, Симбирске и Смоленске, тиражом в 10.000 экземпляров. В Саратове члены Союза участвуют в координационном центре демократических организаций, у которого есть свое постоянное помещение в Доме общества трезвости.

3. Сибирь. Группы НТС есть в Новосибирске, Иркутске, Омске, Барнауле и Кемеровской области; отдельные члены Союза разбросаны по другим городам. На Сибирь тоже приходится почти 20% всей организации. Газета "Всходы" (тираж 10.000) издается членами НТС совместно с Новосибирским областным профсоюзом "Солидарность", объединяющим работников негосударственных предприятий. Некоторые группы НТС обладают связями на уровне исполкомов и в рабочей среде.

4. Север и Дальний Восток. Группы НТС есть в Магадане, на Воркуте, в Южно-Сахалинске и во Владивостоке; они составляют около 10% всей организации. Магаданская группа одна из самых

деятельных. Как и большинство групп НТС вне Петербурга и Москвы, группа при демонстрациях и различных акциях протеста тесно сотрудничает с Демократическим Союзом (ДС).

5. Украина. На Украине есть группа НТС в Киеве, и издается газета "Славяне"; отдельные члены Союза живут в Днепропетровске, Донецке, Кривом Роге и других городах; в Крыму есть группа в Севастополе. Вместе они тоже составляют около 10% организации. Остальные 10% разбросаны по другим частям страны - Прибалтика, Белоруссия, Урал (где есть группа в Свердловске).

О задачах организации НТС в России

Создающаяся сейчас открытая организация Союза выросла, в значительной мере, на основе "молекул" - отдельных, не связанных между собою членов Союза. В новых условиях многие из них ощутили потребность знакомства между собой и совместного обсуждения назревших вопросов. С этой целью Петербургской группой НТС 10 ноября была организована конференция членов и друзей Союза из разных городов. Организация встречи была проведена отлично: по телеграфу было разослано 120 приглашений, всем участникам были приготовлены места в гостинице и обеспечено питание за счет Петербургской группы. Заседание состоялось в Малом зале музея Октябрьской железной дороги (Литейный, 62). Место встречи указывалось приезжим лично. Прибыли 51 человек из 29 городов. Собрание открыл и вел прибывший из Лондона через Донецк член Совета НТС Ю. Б. Миллер. КГБ смог воспрепятствовать продолжению встречи лишь на второй день, после того, как были уже обсуждены резолюции. Вот ключевые места из них.

Ситуация в стране и тактика организаций Союза

"Надежды народа на коренные политические и экономические улучшения в результате успеха т. н. "демократических сил" на выборах в республиканские и местные Советы в 1990 году практически не оправдались. Это произошло в результате многих причин, важнейшие из которых следующие:

- отсутствие подлинно свободных выборов на многопартийной основе;
- отсутствие или слабость инфраструктур гражданского общества и вызванное этим отсутствие реальной многопартийной системы;
- постоянное блокирование решений, принимаемых советами, партийно-государственным аппаратом всех уровней;
- недостаточная компетентность этих решений, отсутствие опыта у "демократических" депутатов и несостоятельность самой системы советов".

"Следствие этого - жесточайший политический кризис... Коммунистическое руководство не способно решить коренные проблемы, стоящие перед страной. Оно пытается спасти власть и само существование правящего слоя тоталитарного режима следующим образом:

- трансформацией режима из тоталитарного в авторитарный, например, путем передачи большинства функций от Политбюро ЦК КПСС президенту СССР;

- "перекрашиванием" функционеров КПСС в члены различных "демократических" партий и в работников советского аппарата;
- перекачкой имущества и денежных средств КПСС различным предприятиям, создаваемым под эгидой коммунистических функционеров".

"В этих условиях важнейшей задачей подлинно патриотических сил России является создание альтернативной политической силы, способной вывести страну из глубокого всеобщего кризиса. Для этого необходимо объединение усилий и подчинение личных, групповых, узкопартийных и национальных интересов и позиций целям возрождения России как демократического содружества свободных народов. Исходя из этого, Народно-Трудовой Союз российских солидаристов как организация, проповедующая идеи солидаризма, соборности, свободы и преобладания общественного сотрудничества над классовой борьбой, приобретает важнейшее значение и роль объединяющего фактора в построении гражданского общества".

О развитии форм организационной работы Союза

"Для того, чтобы наша организация смогла играть существенную роль в общественно-политической жизни страны и более полно соответствовать стоящим перед ней задачам, необходима поэтапная передача функций временного центра НТС за рубежом организациям на территории России..."

"Мы рекомендуем создавать на территории России общества, клубы и другие организации солидаристов; осуществлять прием в Союз, как правило, из этой среды, действуя при этом методом строгого отбора, а не набора"...

"Мы ходатайствуем перед Советом НТС о внесении в Устав изменений с целью более жесткой регламентации приема новых членов НТС..."

"Мы рекомендуем всячески поощрять самообеспечение организаций и членов НТС..."

О просветительской работе среди молодежи

"Крушение идеологических догм в России привело не только к положительным результатам, но и к отрицательным. Больше всего стагнация общества ударила по молодежи, по будущему возрождающейся России. В умы подростков хлынула безудержная пропаганда голого потребительства, насилия, не уравновешенная духовными и нравственными началами".

"С другой стороны..., отсутствие информации и исторической грамотности приводит к формированию групп шовинистической направленности, дискредитирующих Россию, русский народ и христианское движение. Зачастую подобные организации создаются и инспирируются КГБ".

"Исходя из вышесказанного, мы считаем необходимым:

- Активизировать работу среди молодежи, особенно студентов вузов. Каждый студент, желающий вступить в НТС, обязан создать в своем вузе информационное представительство по распространению литературы и идей Союза...

- Всячески поощрять и помогать развитию скаутского движения.
- Членам НТС самим необходим высокий уровень политического образования. Поэтому необходимо создание регулярных курсов."

*

В порядке комментария к этим положениям следует сказать, что поэтапное перенесение функций зарубежного центра НТС в Россию в течение ближайших лет – это курс, принятый Советом НТС. Но для успеха дела надо, чтобы сперва окрепли, приобрели опыт и авторитет на местах низовые звенья организации.

Так, создание местных газет – это большой успех наших групп. Когда на этом основании будет накоплен опыт, привлечены близкие нам по духу журналисты, можно будет переносить в страну зарубежные издания.

Члены и друзья Союза участвуют в ряде издательских начинаний. По мере того, как они окрепнут, в сотрудничестве с ними будет развиваться издательская база "Посева" в России; шаги в этом направлении делаются.

Сейчас выходит из печати сборник альтернативных документов НТС 1980–90 годов. Центр тяжести таких разработок необходимо перенести в Россию, при сохранении контакта с зарубежными специалистами. Но для этого на местах, в вузах и НИИ должны возникнуть рабочие группы, занимающиеся конкретными проблемами с наших позиций.

В первой из резолюций резонно говорится о "несостоятельности самой системы советов", об эфемерности их власти в нынешний, переходный период. НТС никогда не запрещал своим членам баллотироваться в советы от своего собственного имени, если они в этом видят пользу. Но выставлять кандидатов от имени НТС преждевременно: НТС – не политическая партия периода перестройки, время его – в будущем. НТС желает быть союзом строителей новой России, а для этого надо сперва посвятить себя реальным "малым делам" на "малой родине", на местах.

Создание газет и издательств, устройство докладов среди студенчества, создание обществ и клубов солидаристов с учебно-просветительной программой, библиотек, содействие отрядам юных скаутов-разведчиков, организация помощи детским приютам, больницам, частным школам, работа в независимых профсоюзах и церковных приходах, поддержка нормальных, пользующихся уважением торгово-промышленных предприятий без жульничества и мафии, борьба за обеспечение им нормальных условий деятельности, забота о производстве, а не о перераспределении, борьба за улучшение среды обитания не голым запретом, а более совершенной технологией, политикой цен и налогов – вот то безграничное поле деятельности, на котором можно принести реальную пользу людям и приобрести реальный авторитет на будущее.

Голое отрицание и голый протест, которые ширятся сегодня в обществе, вызывают обоснованную тревогу и отталкивание среди членов Союза. Не надо и претензий, которые превышают наши возможности. Один из участников встречи в Петербурге 10 ноября пишет: "Я вынес убеждение, что максимум усилий надо направить не на конституирование центров, координационных советов, съез-

дов и т. п., а на текущую работу. И надо, не доводя Союз до клерикализма или святости, усилить христианское начало в повседневной деятельности Союза, во взаимоотношениях членов Союза между собой". Несолитарные солидаристы служат дурным примером. В условиях рушащегося режима, настало наше время переходить от противостояния - к созиданию.

*Информация Исполнительного Бюро Совета
Народно-Трудового Союза российских солидаристов*

Всё смешалось в Российском доме

Юрий БУЛГАРИ

За пять дней до того, как у него заканчивалась виза, Борис Георгиевич Миллер вместе с Натальей Александровной Маковой был в буквальном смысле выдворен из страны. Вечером 8 ноября в квартиру, где проживал Миллер, вломилась сотрудники Комитета государственной безопасности, посадили Миллера и Макову в темные автомобили, отвезли в аэропорт и почти без денег выдворили за пределы страны. Всё как в старые добрые времена...

В России

А начиналось всё так неожиданно...

Совершенно невозможно было себе представить, что член Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов будет пользоваться в СССР такой свободой. Выступления перед массовыми аудиториями, в лучших залах, весьма большая свобода передвижения по стране. Москва, Кемерово, Тверь, Рига, Иркутск и еще 9 городов страны посетил Миллер. Свободное распространение НТСовской литературы и многое, многое другое. Впервые приехав в Советский Союз, Б.Г. и представить себе такого не мог. Что, впрочем, было заметно, когда он выступал в первый раз, на открытии выставки "Царский архив" в музее этнографии Петербурга. Потом было открытие Христианской библиотеки, где выступление было уже более откровенным. С этого выступления Б.Г., как говорится, вошел во вкус.

Интерес к выступлениям Б.Г. был огромен. При нынешней ситуации в стране, когда население сыто по горло разговорами о политике, его выступления сопровождались неизменным успехом. Большинство, скорее всего, просто хотело знать, что же это за организация такая - НТС. По отношению к ней в Советском Союзе был создан вполне определенный стереотип, до сих пор нередко мешающий воспринимать НТС как реальную политическую силу. То, что говорил Миллер, а чаще всего он говорил об истории организации, о том, какой видит НТС будущую Россию, превосходило ожидания людей. Холодность, характерная для начала почти всех встреч, сменялась полным доверием. В Твери, например, когда Б.Г. появился на заседании клуба "Возвращение" и его представили, у всех просто вытя-

нулись лица. А под конец его не хотели отпускать, засыпая все новыми и новыми вопросами.

Вполне можно было ожидать, что реакция на выступления одного из лидеров НТС у различных аудиторий будет разной. Ведь вряд ли кто станет спорить с тем, что шахтеры Кузбасса и Народный фронт Латвии, общество "Радонеж" и Демократическая партия несколько поразному смотрят на цели и методы своей работы. У них чаще всего просто разные интересы. И тем не менее, реакция зала на выступления Миллера везде была практически одинаковой. Были, конечно, попытки возражать. Но функционерам это чаще всего не удавалось, а простым коммунистам (представители именно этой организации чаще всего пытались возражать) просто не хватало аргументов.

В целом же практически любая аудитория могла найти ответы на свои вопросы в документах НТС. Даже, назовем их так, "розовые" "на ура" воспринимают идеи Союза. "Всё смешалось в доме Облонских"! И причина такого успеха НТС в России находится довольно легко. Наличие положительной программы, знание того, что нужно строить в России. Многие здесь уже перепробовано, но жизнь для большинства людей день ото дня становится все хуже. И каждое новое предложение правительства (теперь даже речи нет о его поддержке) встречается в штыки, люди ему не верят. Да и, откровенно говоря, правительству нечего предложить в последнее время. А программа НТС вполне конкретна и реальна, что может заметить даже неподготовленный человек. "Путь к будущей России" и другие документы Союза вполне способны ответить на самые разные вопросы. Это — то и привлекает людей.

Легче, наверное, сказать, где Миллер не выступал. И тут дело, конечно, не только в том, что НТС стремится распространить свои идеи как можно шире. Наталья Александровна Макова часто сокрушалась, как много людей принимает Борис Георгиевич и часто тех, кого, по ее мнению, принимать не стоило бы. Миллер и рад бы отказать, но люди к нему все шли и шли. А в Москве к нему просто выстраивалась очередь, доходившая иногда до шести человек, только с одной целью — поговорить. Б.Г. постепенно превращался в своего рода мессию, у которого, по мнению людей, есть ответы на все вопросы.

Между тем Телеграфное агентство Советского Союза передает на Запад информацию о пребывании Миллера в России. Информация вполне нейтральная, даже с долей симпатии, что ранее было совсем несвойственно этому информационному агентству... И вообще, всё оказывается очень странным. С одной стороны, большинство людей в Союзе воспринимают НТС (и визит Миллера дал этому повод) как вполне реальную силу, выходящую на политическую арену России. На документы НТС опираются сегодня многие организации самых разных направлений (выступавший сразу же после Б.Г. в Моссовете народный депутат России Аксютин подчеркнул, что НТС и, в первую очередь, его так называемые "пропагандистские" материалы сыграли огромную роль в его становлении как политического деятеля). А с другой — рассматривается пока "соответствующими органами" в качестве организации, ведущей подрывную деятельность на территории Советского Союза.

Не без чувства удовлетворения рассказывал Б.Г. об ответе, данном КГБ на его интервью еженедельнику "Аргументы и факты". (Кстати, именно это интервью во многом позволило Борису Георгиевичу

первым из руководства НТС приехать в Советский Союз. Так, по крайней мере, считает он сам.) Ответ был дан в газете с ничего не значащим названием "Алтайская правда". Впервые Комитету пришлось признать, что за годы своего существования НТС создал прекрасную положительную программу перемен в стране. Но КГБ предлагает судить об НТС не по его программам (мало ли что, мол, можно придумать), а по тем лицам, которые являются его членами. (Тут они сорвались, привычно "пройдясь" по биографиям многих членов и руководителей НТС, Миллера в том числе.) Маневр в принципе не сложный. В центральных газетах такой номер скорее всего не прошел бы, читатель нынче пошел грамотный. А в глубинке пока едят и не давятся... Но стоит отметить уже это признание качества работы Союза солидаристов.

Я уже говорил об информации, которая была передана ТАССом на Запад. В Союзе на протяжении всего своего пребывания Б.Г. вызывал огромный интерес у средств массовой информации. Его постоянно снимало телевидение. Были прямые трансляции. А сосчитать количество интервью, данных самым разным газетам и журналам, просто не представляется возможным. Чаще всего его просили дать оценку положения в стране. Иногда он поражал всех знанием ситуации: А ведь это был всего лишь первый его приезд в страну.

Самое большое впечатление на Б.Г. произвело рабочее движение в России. После своей поездки в Кемерово к шахтерам он заявил: "Шахтеры - это сила!". Такого ни о ком больше Борис Георгиевич не говорил. А первая встреча с рабочими у него произошла в Петербурге на Путиловском (Кировском) заводе. Сначала он был вынужден беседовать с партийными функционерами и представителями администрации завода - вместо встречи с рабочими, на которую его пригласили. Но Б.Г. все же встретился с представителями трудового коллектива днем позже. Его очень тепло встретили, проявив при этом огромный интерес к программным положениям НТС, особенно касающимся рабочего движения. А ведь это была аудитория, специально подобранная!

Потом, как я уже говорил, была поездка к шахтерам, производящая на Б.Г. огромное впечатление. Он с упоением рассказывал об их организации, дисциплине, политической стойкости, независимости. И с ужасом - о том, в каких нечеловеческих условиях они живут. Я видел фотографии, которые привезла с собой Наталья Александровна. Это, действительно, трудно представить.

Прибалтика, Центральная Россия, Крым, Сибирь... Б.Г. собирался на Урал, в Екатеринбург (Свердловск). Постепенно ситуация становилась странной. Его, представителя организации, борющейся против существующего в России строя, радушно приветствуют представители существующей ныне власти: народные депутаты разных уровней, областные руководители, его возят на черных "Волгах". Вроде как нет больше того строя, против которого борется Народно-Трудовой Союз...

Игра в шпионов

Захват Миллера вечером восьмого ноября был классическим: с взломом дверей, черными воронками, угрозами. Много, впрочем, стало ясным уже тогда, когда Б.Г. не пустили в самолет, на котором он должен был вылететь в Екатеринбург. Это - закрытый город,

и по советским законам ему как иностранному подданному въезд туда запрещен. Но свердловчане, во главе с мэром города, обратились с просьбой к центральным властям разрешить эту поездку. И визу туда Б.Г. получил, что интересно, довольно легко. Трудно сказать - почему. В аэропорту Миллера и Макову попросили "пройти" в служебное помещение, где им заявили, что их виза действительна. Причем письменно это так и не было подтверждено. Ссылки же на то, что, якобы, Свердловск отказал во въезде, оказались несостоятельными, о чем недвусмысленно заявил Свердловск. В городе были организованы акции протеста, а горсовет собирался требовать официального ответа от Комитета государственной безопасности. И уже тогда было дано понять, что будет лучше, если Борис Георгиевич и Наталья Александровна как можно скорее покинут страну. При этом офицер КГБ признался, что сам Б.Г. ему очень даже симпатичен, более того, он считает его патриотом России. Это уже что-то новое в тактике "компетентных органов".

А Миллер к совету так и не прислушался.

После этого всё немного успокоилось, и по заранее намеченной программе Миллер с Маковой вылетели в Иркутск, где были встречены не менее, если не более, горячо, нежели прежде. А председатель Иркутского облисполкома Ю. А. Ножиков вообще пообещал оформить группу НТС в Иркутске.

В Петербурге же по его возвращении начинается игра в шпионов. Вдруг предъявляется обвинение в шпионаже: якобы именно с этой целью Б.Г. пытался проникнуть в Екатеринбург. Но это, естественно, заявляется неофициально, во время дружеской беседы с офицером КГБ. А официально он - злостный нарушитель паспортного режима Советского Союза.

Уже будучи в Хельсинки, Б.Г. позвонил в Петербург, обеспокоенный тем, что что-то может случиться с теми, кто остался в России. И повод для беспокойства действительно был. Некий майор КГБ "Петров" пригрозил разобраться с теми, кто еще остался здесь.

Трудно понять логику действий КГБ. Стоило ли давать Б.Г. два с половиной месяца свободы, чтобы за пять дней до окончания визы со скандалом выдворить его из страны. Причем вопрос: скандално для кого? Что это, попытка зафиксировать тех, с кем контактировал Б.Г.? А может, они до сих пор убеждены в террористической сущности НТС и полагали, что он начнет организовывать в стране тайные боевые дружины? Первое бесполезно, ибо те, с кем общался Б.Г., себя не скрывают. Второе свидетельствует, мягко говоря, - о незнании ситуации. Что ж тогда? Мелкая месть? Впрочем, ответ на этот вопрос не столь уж важен.

Поездка Миллера в Советский Союз показала, насколько легко, словно карточные домики, рушатся существовавшие до сих пор мифы и стереотипы в отношении НТС от одного лишь соприкосновения с аргументами противоположной стороны. А казались они такими незыблемыми... Б.Г., конечно, не всемогущ, и только его усилиями невозможно донести правду до всех. Но положено начало, и в этом главная ценность его приезда. На одной из встреч про Б.Г. сказали, что он более русский человек, чем мы. И это не просто комплимент, скорее, это оценка той работы, которую все годы вел НТС.

Новые методы?

Перед самым своим отъездом Б.Г. намеревался принять участие в конференции организаций НТС России, на которую съехались члены организации со всех концов страны. Хоть и без него, но конференция все же состоялась. Запретить ее на нынешнем этапе оказалось не под силу даже столь могущественной организации, как КГБ. А вот насолить да попытаться скрыть, кто это сделал, — это пожалуйста. Похоже, что это становится методом борьбы против НТС... На второй день работы конференции было заявлено, что в зале для заседаний от дождя обвалились потолки, а потому работать в нем не представляется возможным. Это было, конечно же, ложью. А заключительную часть конференции провели уже стоя в фойе.

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов видел на своем веку многое. И вряд ли нынешняя кампания против него может кого-то напугать. Это понимают все. КГБ стремится к другому: как можно сильнее опорочить Союз с тем, чтобы ему было как можно трудней продолжать работу в России. Союз завоевывает всё новых и новых сторонников, полных решимости внести идеи солидаризма на политическую сцену России. А к борьбе НТС был готов всегда.

Петербург, декабрь 1990 г.

Чего они боятся?

Ирина МАКСИМОВА

История эта началась после нашего приглашения Борису Миллеру и Наталье Маковой посетить Екатеринбург (официально, к сожалению, все еще числящийся Свердловском). Всё решили сделать строго в рамках закона, чтобы комар носа не подточил. Своевременно были оформлены все необходимые документы, а к ним приложены ходатайства председателя Комитета по свободе совести, вероисповедания, милосердию и благотворительности Верховного Совета РСФСР В. С. Полосина и председателя Свердловского городского Совета народных депутатов Ю. Е. Самарина.

Зная методы работы ОВИРа и КГБ ("зачем разрешать, если проще запретить?"), мы с самого начала были уверены, что разрешения нам не дадут. И были безмерно удивлены, когда нам официально объявили, что приезд Б. Г. Миллера и Н. А. Маковой разрешен. Переменяя ощущения подвоха и радости, мы начали готовить приезд двух известных деятелей НТС. Через депутатов сняли зал в горисполкоме для встреч с местной общественностью, расклеили по городу афиши, объявив в них, что вход свободный и могут прийти все желающие. Наметили встречу со студентами в Уральском государственном университете. Кроме того, было запланировано множество встреч в узком кругу и активное участие в предстоящем "Дне политзаключенных". За три дня (а визы были даны всего на этот срок) успеть надо было много.

Итак, в ночь с 26 на 27 октября с лозунгами и флагами мы приготовились встречать в аэропорту дорогих гостей. Но 25-го

вечером мне позвонил Борис Георгиевич и сказал, что им с Натальей Александровной только что по телефону сообщили из ОБИРа, что их визы аннулируются и визит их в Екатеринбург запрещен. 26-го утром мы с адвокатом Сергеем Котовым и корреспондентом газеты "Вечерний Свердловск" Виктором Смирновым пришли в ОБИР в приемные часы начальника ОБИРа Студиловского. Собственно, цель была одна - получить письменный аргументированный ответ на вопрос: разрешен визит Б. Г. Миллера и Н. А. Маковой в Свердловск или нет, и если нет, то кем и почему разрешение отменено.

Не могу сказать, как долго длился наш, мягко говоря, разговор. У нас есть пленка с записью этой беседы, и желющие могут с ней ознакомиться. Здесь же приведу лишь некоторые перлы начальника Свердловского ОБИРа. Например, на коротко и ясно сформулированное требование дать письменный ответ было сказано следующее:

"Мы никому письменных ответов не даем, но если вы хотите получить письменный ответ, то подайте мне письменное заявление об этом, и тогда мы вам ответим письменно".

"А народные депутаты вместо того, чтобы заниматься неизвестно чем, лучше бы думали о том, что у народа нет колбасы".

"Я ничего не обязан, а требовать будете у своей жены".

Понятно, что в таком стиле можно говорить очень долго. Все же в конце концов нам удалось объяснить Студиловскому его, Студиловского, обязанности, а также то, что он, Начальник ОБИРа, не знает советских законов, как будто они не для него написаны. Решив посоветоваться со своим начальством, Студиловский предложил нам прийти в 15 часов за ответом.

До этого мы успели побывать в горисполкоме и в облисполкоме и поговорить с мэром города Ю. Е. Самариным и официальным доверенным лицом Б. Н. Ельцина в Свердловске, народным депутатом СССР Г. Э. Бурбулисом. И тот, и другой приняли самое активное участие в решении вопроса о дальнейшей судьбе наших гостей.

А ровно в 15.00 мы опять были в ОБИРе, где на сей раз нас провели в кабинет начальника паспортной работы полковника Иманкулова. И вот тут началось самое интересное. Настолько интересное и вместе с тем не характерное для ОБИРа, что об этом стоит рассказать поподробнее.

Беседу с нами вели на сей раз четыре человека: тот же начальник ОБИРа Студиловский, Иманкулов и двое неизвестных - один в военной форме, другой в штатском.

Вежливы они были до безобразия, ни ругани, ни базара не было. Зато в избытке было другое: вязкая, забивающая уши резина, которой они давили нас все время нашего разговора. Наша цель была конкретная и ясная, как телеграфный столб: получить или письменное разрешение, или письменный аргументированный отказ. Ни того, ни другого они нам дать не хотели. А послать нас очень далеко, как бы им, наверное, очень хотелось, - не могли. Поэтому в четыре голоса, вернее, в три с половиной (Студиловский говорил крайне мало, видимо, устав за утро), они объясняли нам, что Свердловск - город, закрытый для иностранцев. На вопрос, почему же неделю назад город был открыт для наших гостей, а сейчас опять закрылся, они ответить не смогли. Зато стали говорить о том, что ситуация изменилась, что им-де позвонил компетентный человек из Ленинграда и сказал, что господин Миллер и госпожа Макова нарушили правила проживания иностранцев. И сейчас решается вопрос о со-

крашении им срока пребывания в СССР. Наша реакция была для них, видимо, неожиданной: мы заявили, что, во-первых, это ложь, мы в это не верим. А во-вторых, – нас такой ответ устраивает, и мы хотим, чтобы все это было изложено в письменном виде. "Нет, – сказал тогда полковник Иманкулов, – мы должны официально запросить Ленинград, чтобы они подтвердили все письменно, сегодня мы можем вам написать только то, что Свердловск – закрытый город. Другой ответ вы можете получить в понедельник". На это возразили: если по звонку можно аннулировать визы, то можно дать и письменный ответ, а если нельзя, то звонок неофициальный, и все действия ОВИРа надо считать чистейшим произволом. Иманкулов и двое неизвестных ответили: "Мы просто поторопились дать разрешение. Но что же теперь делать? Каждый может ошибаться". Здесь последовала реплика корреспондента "Вечернего Свердловска": "Следовательно, я должен объяснить читателям газеты, что ОВИР не компетентен решать вопросы въезда и выезда? И поставить вопрос, чем же он в таком случае занимается и нужен ли он вообще?". "Ну, я думаю, мы с вами не будем ссориться", –отреагировал на реплику Иманкулов.

Короче говоря, ОВИР готов был стоять насмерть и корчить из себя шута горохового, лишь бы не выдать страшной тайны о том, что это не они, а их любимый КГБ "сел в лужу" (заметим, далеко не в первый раз).

А истинной причиной аннулирования виз была телеграмма из Москвы, подписанная неким Рожновым: "Приезд гражданина Чили Миллера Бориса Георгиевича и гражданки Франции Маковой Натальи Александровны в Свердловск нежелателен". Телеграмма была с грифом "секретно".

Теперь становится понятным, почему ни Самарин, ни Бурбулис ничего не смогли добиться от местных ОВИРа и КГБ, как ни пытались. Становится понятным и то, почему Б. Г. Миллер и Н. А. Макова с открытыми визами на въезд в Свердловск были задержаны в Ленинградском аэропорту после оформления билетов и предъявления багажа. Обычные методы работы КГБ. Они, как и прежде, не утруждают себя хотя бы видимостью законности, действуя по своему любимому принципу – "против лома нет приема".

Вопрос один: чего же так испугались работники КГБ, что срочно отменили разрешение на посещение Свердловска, задержали в аэропорту иностранных граждан, а через несколько дней, потеряв всякое представление о гражданских правах, действуя в нарушение всех законов сразу, взломали топором дверь квартиры, где проживали Б. Г. Миллер и Н. А. Макова, и в прямом смысле слова похитили их, увезя в неизвестном направлении (как потом выяснилось, в аэропорт)? Неужели КГБ испугался двух человек настолько, что в панике не успел подумать (а если это трудно, то хотя бы посоветоваться), что своими противоправными и противозаконными действиями они создают хорошую рекламу НТС и подчеркивают значение и важность работы, проведенной Б. Г. Миллером и Н. А. Маковой за их почти трехмесячное пребывание в Советском Союзе? Да, действительно, резонанс от проведенной работы двух видных деятелей НТС велик, о чем свидетельствуют радио, телевидение и пресса. Но насколько весомей стали заслуги перед русскими людьми Бориса Георгиевича и Натальи Александровны, когда их признал и оценил Комитет Государственной Безопасности!

Екатеринбург, декабрь 1990 г.

Горбачевiana

Никита СЕРГЕЕВ

Русский интеллигент, не потерявший своей индивидуальности, не оглуленный беспрецедентной советской пропагандой, выработал у себя иммунитет против любой информации, исходящей от его многочисленных вождей. Вожди менялись, как в калейдоскопе (сталины, хрущевы, брежневцы, черненко), но живая и антинародная их сущность оставалась неизменной. А это вело к неприятию всего, что от них исходило.

И вот на вершину партийного Олимпа взошел Горбачев. Вроде бы с его приходом ничего не изменилось в стране. Ничего и не должно было измениться, ведь к штурвалу стал человек из старой брежневской команды, так сказать, один из жрецов-хранителей большевистского огня. Однако, несмотря на это, в застойной стране стал подниматься легкий ветерок.

То, что новый лидер пришел без программы и без планов реформ, стало видно сразу. Однако одно новое обстоятельство сразу вызвало к нему интерес у мыслящей публики: Горбачев не ограничился, как его предшественники, авторитетом, полученным им вместе с властью, а стал искать популярности у народа своими собственными, иногда абсурдными, иногда авантюрными средствами.

Но даже эти очевидно негативные средства первое время работали на него, возбуждая к нему всеобщий интерес.

Желание политической деятельности при отсутствии четкой программы и глубокого знания темы непременно вызывает вереницу проб и ошибок. Ошибки же в масштабах такого государства, как СССР, носят катастрофический характер. Сегодня мы имеем тому много примеров: госприемка, которая с треском провалилась, так как не была достаточно продумана и подготовлена. Борьба за качество продукции проводилась лишь на последнем этапе производства, оставляя в тени всю предыдущую производственную цепь, экономические, политические и социальные отношения/1/. Ярчайшим примером авантюрности политики этого этапа стала правительственная антиалкогольная программа, принятая Горбачевым и его ближайшим окружением. Вследствие вырубки виноградарников и прекращения производства спиртного в стране усилился алкоголизм и принял извращенные формы, а на этом фоне усилилась и преступность/2/.

1/ См. статьи А. Ряднова "Государственная приемка" ("Посев" № 1, 1987) и Р. Кириенштейна "Контроль качества" ("Посев" № 8, 1987). - *Ред.*

2/ См. статьи Ф. Дозорцева "К сияющим вершинам антиалкоголизма" и В. Ламздорфа "А как же бороться с пьянством?" ("Посев" № 3, 1986). - *Ред.*

Видя, что его авторитет стал падать, генсек провозгласил никем не рассчитанную и ничем не подкрепленную кампанию: к 2000 году каждая семья в СССР получит отдельную квартиру. Очень интересно, как Горбачев в 2000 году будет смотреть в глаза жителям бесконечных коммуналок и вообще бесквартирных!

Ускорение – еще один парадокс доперестроечной эры. Руководитель страны не мог не знать того бедственного, кризисного положения, в котором находится экономика, промышленность, финансы страны. Студент I курса экономического факультета, получив точные статистические данные, сразу понял бы, что в таких условиях ускорение производства приведет к его полной самоликвидации. Что мы сегодня и имеем/3/.

Следующей правительственной кампанией было "ускорение и перестройка". Все правительство СССР плюс Политбюро КПСС даже не задумались над тем абсурдом, который они так активно поддерживали: как можно одновременно и ускорять производство, и перестраивать его? В результате крах и этой кампании/4/.

Но генсек не сдается. В лозунге "перестройка" есть что-то манящее. И он начинает импровизировать по ходу пьесы. Опять без четкой программы действий меняются действующие лица, декорации, места действия, художественные приемы. Одно остается неизменным – система. Верховный перестройщик – сам продукт этой системы. Он понимает, что вне ее ему тоже места нет. И он изо всех сил пытается ее реставрировать снаружи, оставив всё как было внутри. Не получилось. Сегодня система уже не та, что вчера. Она еще стоит на ногах, как гранитный истукан на площади, но под натиском возродившейся политической активности народов трескается и рушится на глазах.

В том, что система лжи, насилия, угнетения начала разрушаться сегодня, заслуга лишь проснувшегося народа, но никак не правительства. Как препятствует Горбачев и его кабинет прогрессивным переменам в стране, свидетельствуют сессии Верховного Совета СССР (на которых при участии президента сторонники реформ не получают слова, а конструктивные предложения отклоняются) и президентские указы и постановления. Очень интересно вкратце перечислить некоторые из них.

Закон от 8 апреля 1990 года запрещает под угрозой серьезного наказания критику в адрес должностных лиц высокого ранга.

Закон об ответственности за оскорбление личности президента так расплывчат, что почти любая критика в его адрес может быть расценена как оскорбление.

Указ президента о применении армии и спецвойск для разгона мирных демонстраций.

Новый закон о государственных преступлениях, который в завуалированной форме повторяет сталинский вариант.

3/ См., например, статью А. Ряднова "Тупта с ускорением" ("Посев" № 3, 1987). – Ред.

4/ См., например, статью Романа Редлиха "Гласность-Ускорение-Перестройка" ("Посев" № 10, 1987). – Ред.

Вся эта законотворческая деятельность направлена к одной цели: сохранить тоталитарно-бюрократическую партийную систему, не дать ее разрушить. Находясь на ее вершине, продолжать править страной, как и все предшественники.

А в то время, как генсек-президент ищет пути к популярности и к сохранению в неприкосновенности системы, народы просыпаются, сбрасывают с плеч иго десятилетий рабства, бурлят, ищут собственные пути, взывают о помощи в решении скопившихся проблем и, не найдя ее у власти, идут своим, часто ошибочным путем.

Затяжка решения проблемы Нагорного Карабаха привела там к длительной и кровопролитной войне, жертвам, беженцам, к созданию нелегальных вооруженных формирований как в Армении, так и в Азербайджане. Еще до начала конфликта армяне предложили Горбачеву проект урегулирования кризиса из 12 пунктов. Этот проект наверняка предотвратил бы трагедию в регионе и привел к обоюдному согласию и миру. Ответом армянскому народу было молчание президента. Кризис нарастал: блокада, частые перестрелки, нападение на военных и милицию превращали мирный регион в зону военных действий. Беспрецедентная политика проволочек и оттягивания срочных политических решений привела, как и следовало ожидать, к вспышке гражданской войны в НКАО, которая вскоре распространилась на обе республики. Принятые вслед за этим поспешные и расплывчатые политические решения уже не могли удовлетворить ни одну из сторон.

9 апреля 1989 года в Тбилиси произошла кровавая расправа армии над мирными демонстрантами (преимущественно женщинами). Весь мир содрогнулся, узнав подробности и увидев документальные кинокадры этого геноцида. Особая депутатская комиссия, расследовавшая это преступление, вскрыла цепь виновных: генерал Родионов, командующий внутренними войсками генерал Ефимов, министр внутренних дел СССР Бакатин, министр обороны СССР Язов. Однако все эти чиновники без прямого приказа президента действовать не могли. Депутатская комиссия вскрыла и доказала их виновность. И то, что грубейшие нарушения конституции страны этими должностными лицами не повлекли за собой ни малейшего наказания, — прямое подтверждение личного участия Горбачева в этом кровавом инциденте.

Не явился исключением и Азербайджан: сначала антиармянские выступления, блокада Армении, антиармянские погромы с большим числом жертв, грабежи, насилие, беженцы, нападение на военных и милиционеров. В течение почти полугода. И никакой реакции Москвы, полная безнаказанность.

Но стоило народу Азербайджана перейти к активной политической деятельности в республике и поставить под сомнение дееспособность местной партийной олигархии, как в Баку врывается армейские танки и город захлебывается в крови. Опять анонимный приказ. Опять правительство не знает, кто его отдал... Длинные ряды гробов, усыпанных цветами, в дни похорон в Тбилиси и Баку — плоды бездарной и лицемерной антинародной политики Кремля.

Больше года бьются как в клетке народы Прибалтики за свою независимость, похищенную у них вероломным сталинско-гитлеровским пактом. Их права на самоопределение и свободу уже документально подтверждены. Народы в своем выборе едины. Правительства прибалтийских республик, избранные демократическим путем,

уже больше года безуспешно добиваются встречи с президентом, чтобы решить неотложные вопросы. Каждый месяц промедления может обернуться необратимыми последствиями.

Реакция президента в этих экстремальных условиях: длительное молчание в ответ на список конструктивных предложений правительства Литвы, прямые угрозы республике, публичная брань в адрес руководства прибалтийских республик, экономическая блокада, искусственное раздувание этнической розни в республиках Прибалтики, создание вооруженных антиправительственных группировок из русскоязычного населения прибалтийских республик, раскол компартии, массированная клеветническая пропагандистская кампания во всех советских центральных средствах массовой информации.

Да, изобретателен и изощрен президент СССР. Тонко чувствует, в какое больное место надо вбить клин, чтобы спровоцировать национальные беспорядки в республиках Прибалтики, а затем, хорошо отработанным анонимным приказом, потопить в крови стремления к свободе и национальному самоопределению прибалтийских народов. Но с этими прибалтами одни неприятности – не дают себя спровоцировать. Никаких беспорядков. Последовательно и спокойно настаивают на переговорах с президентом. Есть от чего впасть в отчаяние и поручить эти переговоры Рыжкову, лишь бы самому с ними не связываться.

Кроме перечисленных регионов, и в остальных республиках обстановка взрывоопасная. Во всей огромной стране национальные вопросы правительством не решаются. А их – то, наряду с экономическими, следовало бы решать в первую очередь.

Нерешенные национальные проблемы копились в стране десятилетиями и теперь напоминают вулкан накануне извержения. Если и дальше правительство будет делать вид, что не замечает этого, вулкан извергнется гражданской войной, которая поглотит и самое недалекое видное правительство, и страну.

Если к данной ситуации применить диалектический принцип о переходе количества в качество, то сегодня налицо новое качество межнациональных отношений в СССР. Это новое качество ярко проявляется и в нарастании напряжения между республиканскими властями и Горбачевым, не понимающим исторической ситуации. А ситуация эта такова, что сегодня назрели все политические, экономические, социальные и исторические предпосылки распада советской империи. "Единство" народов, составляющих империю, цементировалось насильем, жестокостью, страхом. Проведя анализ внутренней политики в стране сегодня, я прихожу к выводу, что если даже завтра власть в государстве переменится и всё вернется снова к сталинским методам правления, – процесс распада империи и выхода из нее республик уже ничем не остановить! Ни кровью, ни насильем, ни страхом! Так стоит ли правительству, не способному разрешить назревшие национальные проблемы, препятствовать их разрешению самими народами?!

Если бы советское правительство во главе с президентом обладало даром политического предвидения, то они давно бы пришли к выводу: колесо истории не повернуть вспять, а если ему препятствовать, – раздавит. За долгую историю совместного существования (еще с царских времен) между советскими республиками сложились настолько тесные взаимоотношения, что никаким сепаратистским и националистическим движениям их не разрушить. Сегодняшний союз,

основанный на насилии, неминуемо распадется. Обретя полную свободу и независимость, свободные и равноправные республики добровольно сами создадут новый союз (возможно, в нынешних государственных границах), основанный на равенстве и взаимоуважении.

Однако кроме разрушительной силы просыпающихся национальных движений, в стране есть еще одна: это любимое детище партии — ее армия. Больше полувека вся страна работала на армию, но, как теперь выясняется, любимое дитя партократии тоже в лохмотьях и без глаза. Сегодня налицо загнивание и распад советской армии: дезертирство, наркомания, алкоголизм, преступность, торговля оружием и тотальное воровство, правовая незащищенность военнослужащих и произвол начальства — вот неполный список цветов, ярко цветущих в закрытых армейских оранжереях. Армия остро нуждается в радикальных реформах, в то же время правительство предоставило самой армии (в лице наиболее ортодоксально-сталинских генералов) готовить себе проект реформы. Не трудно предвидеть результат!

К неразрешимым армейским проблемам добавляются еще две: возвращение воинских контингентов из-за рубежа и подключение армии к подавлению национальных движений в республиках. Первое вызывает у военных и членов их семей справедливое возмущение бытовыми условиями, в которые они здесь попадают. Второе открывает путь к активному вмешательству во внутреннюю политику страны.

Сегодня в армейском командовании очень много просталинских ястребов. Советская армия — этот агонизирующий монстр — с каждым днем становится всё более неуправляемой. Среди генералитета найдется много горячих голов, способных на военный переворот, предпосылки к которому уже назрели. Весь вопрос лишь в том, кто его возглавит. От этого будут зависеть ход и последствия переворота: генералы, недовольные деидеологизацией, демократизацией и либерализацией режима, непременно возложат вину за экономический кризис и развал компартии на прогрессивные демократические силы в стране. При этом они вполне могут, оперевшись на президента, учинить физическую расправу над прогрессивной демократической интеллигенцией и, сняв, так сказать, сливки с общества, железной рукой задушить в стране все ростки свободы и демократии. Тем самым ввергнув страну в большевистское безвременье. Правда, долго им будет не продержаться.

Но возможен и другой вариант: армия, недовольная бездарной политикой правительства, приведшей государство к тотальному кризису, и своим безнадежно отчаянным положением, — сбросит самое правительство, расчистив тем самым дорогу долгожданным полноценным реформам.

Сегодня в стране все противоречия завязались в один тугой узел: политика, экономика, социальная сфера, национальные отношения. Невозможно решить ни одно из них в отрыве от других. Так, например, экономика теснейшим образом связана с политикой: невозможно разрешить экономический кризис, не разрушив до основания старую партийно-бюрократическую государственную систему. Тем более, что сам президент цепляется за нее, как утопающий за соломинку (стремление Горбачева сохранить кабинет Рыжкова; новый указ об укреплении под прокурорским надзором старых командных методов в экономике и т. п.).

С другой стороны, невозможно требовать от трудящихся повышения продуктивности их труда, оставляя 85% трудового населения страны в тех отвратительных, унижающих человеческое достоинство социальных условиях, в которых они сегодня находятся.

Напрямую связана экономика и с международными отношениями. Это ярко продемонстрировал армянско-азербайджанский конфликт: многомесячная блокада республики, длительные забастовки, срыв договорных поставок, необрушенный урожай и т. п.

Сегодня в стране слышны многочисленные голоса: мол, до горбачевской перестройки мы жили лучше, не было такого ужасного развала. Во всех бедах виноват Горбачев и его приближенные перестройщики!

Нет, друзья, перестройка здесь ни при чем! Перестройка — это лишь абстрактное название того неизбежного исторического периода, который мы сегодня переживаем. Был бы на месте Горбачева Лигачев, он бы назвал это другим именем, Воронников — третьим, но нынешнего развала страны и им избежать бы не удалось. С ними было бы еще хуже: на фоне голода и запустения цвела бы пышным цветом ложь и партпропаганда, на площадях, как и раньше, стояли бы "кривые зеркала", из репродукторов гремели бы бодрые партийные марши, а концлагеря были бы забиты политзэками. Спасибо Горбачеву, что сегодня этого нет!

Однако, подводя итог, могу с уверенностью констатировать, что Горбачев — не тот человек, который вывел бы страну из кризиса. Его цель — не слом старой системы и построение нового цивилизованного общества, а лишь внешняя реставрация "светлого здания социализма". В своей хитрой политической игре он делает шаг вперед, чтобы потом сделать шаг назад и в сторону. И неспроста столь глубоки разногласия между Горбачевым и более радикально мыслящими политиками новой волны: Собчаком, Ельциным, Поповым и др.

Горбачев сформировался как личность в высших эшелонах брежневской партократии, впитав в себя все пороки менталитета и особенности мышления того "круга первого". Сегодняшняя ситуация требует нового мышления от руководителя. Требует осознания каждым человеком своей роли в возрождении страны. Вплоть до отказа от своих титулов и должностей ради спасения отчизны. Горбачев же, понимая, что вне родной старой системы он (как руководитель) существовать не сможет, всеми силами, во вред стране пытается сберечь старую партийно-командную систему (прежде всего для самого себя), лишь видоизменив ее снаружи.

Именно этот момент является ключом к пониманию всей горбачевской политической деятельности.

Самый последний и самый яркий тому пример — поездка президента в страны Европы за новой валютной инъекцией для агонизирующей социалистической системы. Увы, в результате этой деятельности лишь возрастет внешний долг, но ни жизненный уровень народа, ни экономика в целом, ни социальная сфера не улучшатся. И здесь политика Горбачева полностью копирует политику его критикуемых предшественников.

Но если глава государства в столь критической обстановке действует вслепую или бездарными методами, не лучше ли ему самому подать в отставку?!

Петербург, ноябрь 1990 г.

Перестройка как мимикрия большевизма

И. ИЛЬИН

Вся история большевизма суть история насилия и лжи: насилия, прикрываемого ложью. Поначалу насилие и ложь были неосознанными и камуфлировались вполне искренним "синдромом осчастливливания", но тем хуже для первой генерации революционеров, ибо это означало, что они глубоко прятали – в том числе и от самих себя – свое главное вождение и главную свою цель, открыто провозглашенную Лениным лишь в канун революции: "большевики должны взять власть". Это открытое провозглашение спрятанной в недрах подсознания цели было необходимо Ленину для того, чтобы у его "гвардии" не осталось сомнений в отношении того, ради чего делается революция на самом деле.

О насилии и лжи большевиков сказано столько, что вряд ли есть необходимость развивать эту тему. Вопрос по существу сводится к тому, понадобилась ли перестройка для отказа от лжи и насилия или она изначально представляла собой очередной виток всё того же процесса. Можно, конечно, с ходу отместить намерение "перестроить" ложь в правду и насилие – в милосердие. Но не будем спешить: ведь история знает и раскаяние лжецов, и замаливание грехов насильниками. Но тот ли это случай?

Начнем с инициатора: насколько искренним в своих намерениях был человек, вышедший из недр аппарата насилия и лжи и 33 года карабкавшийся к его вершинам? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, ибо та же история изобилует примерами диссидентства и еретичества, взрывающих систему изнутри. Вполне допустимо, что инициатором двигали всё те же "благие намерения", что и первой генерацией большевиков. Но трудно себе представить, что человек, десятилетиями варившийся в дьявольском котле двоемыслия, двоедушия и сумевший в этом котле не только не свариться, но стать первым поваром, отличался той кристалльностью, которая требуется от Прометея. Надо было либо тщательно скрывать свои настоящие убеждения, за "чистотой" которых Система так пристально следила, либо быть как все, то есть широко и часто пользоваться приемами, выработанными Системой, теми же насилием и ложью. Есть третий вариант, так сказать хрущеве-манильовский: да, как все, но зато какой полет фантазии, какие замечательные мечтания на диване, какая мощь разоблачения соучастников!

Не хотелось бы упрощать, но человек слаб и неоднозначен. Видимо, было всё: и срастание с Системой, и понимание ее обреченности, и утопическое желание ее перестроить. Чего не было, так это понимания – как и с какими последствиями. Чего не было, так это желания прислушаться к подлинным первопроходцам перестройки, к настоящим еретикам и диссидентам, к А. Д. Сахарову. Чего не было, так это прометеева огня. Хотелось всё изменить, ничего по существу не меняя, всех задобрить, никого не обидев, хотелось убить гадину так, чтобы гадина осталась довольна.

Мимикрия перестройки с того и началась, что аппарат насилия и лжи получил индульгенцию даже не на отпущение грехов, а на въезд в новый рай на старых лошадях. Если бы это было не так, то как можно себе представить, что "убиваемая гадина" не только не проглотила своего убийцу, а наоборот, с энтузиазмом XXVII и XXVIII съездов поддержала "инициатора" и расширила его полномочия...

Мимикрия перестройки изначально состояла в том, что административно-командная система, или номенклатура, или бандократия, или "класс промежуточных людей", не только не почувствовали опасности, а скорее наоборот, ощутили новый прилив сил, еще большую свободу насилия и лжи. А заодно - и вкус наживы, которую обещивали перестроечные хаос и бесконтрольность.

Даже такие результаты перестройки, как частичная демократизация и ограниченная гласность, достигнуты не в соответствии с намерениями партии, а вопреки им. Свидетельство тому - сопротивление, которое партократия оказывала либеральным кандидатам на выборах и независимым изданиям. Свидетельство тому - продолжение лжи и насилия: лжи "Правды" и насилия Тбилиси, Баку, Молдовы и иже с ними. Свидетельство тому - оставшиеся в тюрьмах, лагерях и психушках диссиденты и само бесчеловечное положение заключенных в этих заведениях.

Мимикрия перестройки проявляется буквально во всем: в сохранении и упрочении всех первоначальных структур, в отсутствии каких бы то ни было реальных экономических реформ, в безвластии новоизбранных советов, в том числе - прокоммунистических, в опоре центральной власти не на советы, а на всё те же инструменты силы - армию, КГБ, МВД. Хотя в этих органах нет былого единства, их руководство наиболее ярко демонстрирует нежелание "поступиться принципами" и не собирается даже частично отказываться от своих функций "карающего меча партии". Дело Ельцина, дело Гддяна и Иванова, дело Калугина, как бы ни относиться к персоналиям этих дел, наглядно демонстрируют, что ничего не меняется, разве что власть становится еще наглей, беспардонней и пренебрежительней к "гласу народа".

Деградация, происходящая в стране во всех областях, своим происхождением обязана не переходу от централизованной экономики к рыночной (где этот переход?), не демократизации и гласности, не борьбе за власть, а открытому сопротивлению "перестройщиков" реальной перестройке. Сегодня можно констатировать консолидацию самых махровых партократов и усиление их противодействия так и не начавшейся перестройке. Виден конец мимикрии: многие "перестройщики" уже открыто отказываются от камуфляжа.

А могло ли быть иначе? Могла ли быть перестройка не мнимой? Можно ли было перелицевать дьявола в Саваофа? Можно ли противоприродную утопию согласовать с природой?

Нет, перестройка была изначально обречена на провал именно по самым фундаментальным соображениям: из-за несовместимости коммунизма с человеческой природой, из-за принципиальной неперестраиваемости лжи и насилия в правду и ахинсу*, фанатизма - в

* На санскрите - непричинение вреда, воздержание от нанесения вреда живому. - *Ред.*

терпимость, из-за противоестественного большевистского кадрового отбора, выталкивающего вверх Полозковых и Яриных, из-за полного государственного окостенения всей системы, из-за неотделимости от нее даже лучших ее людей.

Перестройка изначально должна была привести к бандократизации страны, к пиру во время чумы, к последнему торжеству коммунизма – тризне.

Когда здание приходит в полную ветхость, его не перестраивают, а сносят. Если с большевистской химерой не будет покончено раз и навсегда, страну ждет только одно – дальнейшее углубление хаоса и разрухи.

Что и имеем...

Рига, декабрь 1990 г.

Самоуничтожение демократической оппозиции?

Кирилл АЛЕКСАНДРОВ

Сейчас на НТС многие смотрят. Я не имею в виду "патриотов", кричащих на Невском о том, что русская эмиграция умерла в 1945 году, а во всех существующих зарубежных русских изданиях окопались сионисты, финансируемые ЦРУ и Израилем. На нашу организацию смотрят те демократические силы, которые сегодня осознают, что на волне криков, пронзительных митингов с сжиганием красных флагов далеко не уедешь. Необходима духовная и нравственная основа для борьбы с Системой, вступающей в новый этап. Подобные идеи, основы, сохранившиеся в русском зарубежье, несет в себе НТС.

Сегодня и Система, и борьба с ней вступили в новый этап, который будет гораздо сложнее и труднее, чем всё прожитое с 1985 года. Сложность сегодняшнего дня заключается в *реальном самоуничтожении* демократической оппозиции, демократических сил. Ранее тактика режима была проста: всё запрещать. И запрещали, и били дубинками, сажали на "сутки", устраивали обыски, реквизируя "сам-" и "тамиздат". Потом они стали умнее. Сегодня режим разрешает всё, что несет призрачную свободу, реальную бездуховность и внутреннее озлобление. А помогают им стать "умнее" вступившие на гибельный путь демократы.

Хотите жесть флаги и "разрушать стереотипы"? Жгите. Хотите искусства Запада? Да, пожалуйста! И рынок захлестнула волна порнопродукции и низкого эротического ширпотреба, рассчитанного на животную массу. За 1 рубль сегодняшний люмпен унесется в мир Запада, где много денег, красивых женщин и смелых мужчин, совершающих, пусть в видеofilmах, безнравственные и уголовно наказуемые поступки. Внутреннюю озлобленность приносят пустые магазины, длинные очереди, пьяные подростки и девочки-проститутки. И здесь же, на площади, у микрофона беснуется какой-то истерик из какой-то "демократической партии", заканчивая тираду разрыва-

нием портрета Ленина. Нет, это не демократия. Поскольку демократия – не только стремление отразить многообразие интересов в обществе, но и умение уважать свой народ.

Общество приближается к опасной черте. Либерально-думающая интеллигенция, с ужасом наблюдая, как себя ведут и что делают демократы, сознает, что грядет Страшный Суд. Чиновники из Коммунистической партии, Государственной безопасности, то есть те, у кого якобы отобрали власть, и те, кто якобы выпустил из темницы Свободу, потирают руки. Общество пирует во время чумы.

Сегодня в России терпеливо и последовательно взращивается истерический, пещерный антикоммунизм. При этом забывают, что термин "антикоммунизм" выдуман большевиками, чтобы наклеивать на спины своих противников политические ярлыки. Сегодняшние митинги и трибуны напоминают сцены из романа Дж. Орвелла "1984 год", где герои присутствуют на "пятиминутках", учатся ненавидеть и убивать. Именно убивать – поскольку человека от убийства предохраняет психологический барьер ценности отдельно взятой чужой человеческой жизни. И если такой барьер будет сломан, тогда, по словам Н. Бердяева, "человек превращается в дикого зверя". На нынешних митингах у людей именно ломают и прожигают души "ниспровергатели большевизма".

КГБ не дал насытить рынок, но зато развязал языки. И началось... На "демократических" митингах полупьяные подростки жгут красные флаги, изображая попутно пляску святого Витта. На "патриотических" собраниях грозятся "перевешать жидов" и записывают в отряды русской самообороны. На "коммунистических" – призывают Макашова и Громова вкуче с Крючковым на помощь. Режиму выгодно сегодня раздувание и нагнетание массового антикоммунистического психоза, чтобы спровоцировать возрождение посттоталитарного государства, введение чрезвычайного положения. Демдвижение своими "акциями по ломке стереотипов" (как я их называю) дискредитирует себя и лишается нравственной поддержки интеллигенции, то есть тех, кто издавна, в годы "стагнации и застоя" формировал общественное мнение.

Сегодняшняя российская интеллигенция видит, что о человеке начинают судить по цвету партбилета, что в корне аморально. В. И. Новодворская на конференции бывших политзаключенных, проходившей в Ленинграде 10–11 августа 1990 г., гневно обличала тех диссидентов, кто пошел сотрудничать с властью. Это не беда, гораздо страшнее те, кто в отличие, например, от того же М. Молостова, который помогает как может попавшим в беду людям, занялись свистом и улюлюканием.

Кажется, что мы в каком-то сне. Просто Главный пропагандист закрыл рот одним и открыл другим – а общая картина не изменилась.

*И каждый проходит по кругу,
И всем подливают вина.
И мы что-то врём, и себе, и друг другу,
А наша ли в том вина?*

– поёт Андрей Макаревич. Не правда ли актуально? Абсолютно справедливы слова, сказанные в поддержку позиции автора на союзной встрече председателем петербургской группы НТС Р. Б. Евдокимовым:

"За последние пять лет очень часто были примеры, когда верховная власть преднамеренно разжигала антикоммунистические настроения, доводя их до животных инстинктов, чтобы затем силой раздавить оппозицию".

Так сегодня выглядят квинтэссенция тактических действий большевиков. И в этих условиях демократы идут в ногу с политиками из ЦК КПСС и КГБ СССР. И в том числе, увы, самая радикальная организация "Демократический Союз".

НТС оказался чуть ли не единственной организацией в России, которая в силу своей немассовости и своей идеологии пока избежала участи превратиться из борца в статиста театра, где пятый год идет фарс, скатывающийся к трагедии. НТС отличается от прочих оппозиционных структур: философский комплекс идей, эволюционирующий со временем, и обоснованное неприятие "ценностей" большевизма. Отсюда следует одна из главных тактических задач сегодняшнего периода: не давая вовлечь себя в животную истерию антикоммунизма, постоянно и настойчиво разъясняя опасность и гибельность психологии толпы, — делать главный упор не на разрушение, а на созидательный характер идей, распространяемых Народно-Трудовым Союзом российских солидаристов.

Пусть каждый из нас запомнит: созидательность — прежде всего, даже на митинговой трибуне. А если кто из наших соратников по борьбе будет поддаваться истеричности толпы, напомним ему 1937 год, но не в СССР, как сейчас модно, а западнее — в Мюнхене.

Не разрушительная работа нужна сегодня, а созидательные реформаторские действия, достойные реформ Александра II и П. А. Столыпина. Вместе с Россией НТС вступает в эпоху Великих Потрясений. Но нам нужна Великая Россия, а не великие потрясения.

Петербург, ноябрь 1990 г.

"Ленин сознательно не хотел бороться за власть мирным путем или разделить ее с другими социалистическими партиями. Ленину было необходимо осуществить вооруженное восстание, чтобы большевистский Военно-Революционный Комитет стал орудием организованного насилия. Из этого Комитета и выросли ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, стержень власти коммунистической партии. Ликвидация независимых образований гражданского общества превратила страну в бюрократическую пирамиду, подчиненную правилам: «не высовывайся», «перестраховывайся», «важен не результат, а отчет», «за тебя думает начальство». Язык бюрократии остался языком насилия: за урожай идет «борьба», план «штурмуют», идут «атаки» на трудовом и культурном «фронтах». Это оставило глубокие следы в сознании людей:

- иллюзию, что хозяйственную жизнь можно построить по команде;
- страх перед незапланированными социальными явлениями;
- миф о «хаотичности» открытого общества;
- «массовую психологию», которая снимает с человека ответственность за его поступки, перекладывает ее на различные силы;
- склонность видеть источник инициативы не в личности и не в самостоятельных группах людей, а в государстве;
- представление, что мир разделен на «пролетариев» и «буржуев», «друзей» и «врагов», «своих» и «чужих», отрицание цельности человеческого общества."

(*"Путь к будущей России". Политические основы НТС. "Посев" № 2, 1987*)

Необходима декоммунизация

Андрей ДЕРЕВЯНКИН

Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немного. Гораздо труднее выкорчевать это дерево со всеми его корнями. Однако только это в конечном счете приведет к добру...

Т. Тейлор, обвинитель от США на Нюрнберском процессе над главными нацистскими преступниками /1/

Эпоха мирового коммунизма, по-видимому, все-таки близится к закату. Каким он будет, этот закат, и что нас ждет после – можно только гадать. Но уже великие соблазны одолевают человека ввиду близкого крушения коммунизма. И хотя остерегает Исповедник земли русской – "...как бы нам вместо освобождения, не расплещиться под его развалинами" /2/, – кружит головы развевшаяся бездна.

И силен соблазн представлять уже коммунизм как всего лишь некий фантом, призрак, бродивший по Европе да по окраинам мира, обреченный на бесследное исчезновение при утверждении в жизни политических и экономических реалий. Коммунизм, этот злоторный "призрак", – спутник греховного человека до конца времен. Неизбывная порочность Адама, сублимированная в "передовой идеологии", делает зловещую утопию неистребимой. Спасти может только непрестанное беспощадное самоочищение. История не прощает повторения ошибок.

Когда наконец пал злодейский третий рейх и раздавленное зло лежало в прахе у ног победителей, когда миллионы загубленных еще лежали пеплом в крематориях, – тоже казалось: история для немцев кончилась. И спорили тогда в антигитлеровской коалиции – кто виновен: фюрер, РСХА, ОКВ или весь немецкий народ? Многие доказывали – повинны все немцы. Некоторые долго и нудно исследовали отношения вождя с народом, народа с вождем, народов между собой и т. д. Но ведь когда весь народ тяжело болен – это видно хорошо.

Из заявления немецких епископов, 1945 год:

"Многие немцы позволили обольстить себя ложными учениями национал-социализма, остались равнодушными к преступлениям против человеческой свободы и человеческого достоинства; многие своими действиями способствовали совершению преступлений; многие сами стали преступниками. Тяжкая ответственность ложится на тех, кто в силу своего положения мог знать о том, что у нас происходит, кто благодаря своему влиянию мог предупредить преступления, но не сделал этого. Более того, сделал эти преступления возможными и тем самым был солидарен с преступниками" /3/.

Немцы должны были покаяться перед Богом, перед миром, перед самими собой. Но покаяние их было не в юродствующе-грустиловском

взаимопрощении палачей и жертв, к коему призывают ныне некоторые советские политиканы и даже (стыдно сказать!) иные бывшие диссиденты, а в беспощадном истреблении своего преступного прошлого – национал-социалистической идеологии, в справедливом возмездии ее слугителям.

"Конституцией Западной Германии была запрещена нацистская деятельность. К уголовной ответственности были привлечены 87765 нацистов. 3 июля 1979 года бундестаг принял закон о неприменении к нацистским преступникам сроков давности"/3/.

Трудное лечение пошло Германии на пользу. Насилие над фашистами, разумно дозированное правовым государством, вовсе не породило какое-то новое зло. Во имя спасения нация должна была оторгнуть гангренозные члены, "ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну" (Матф. 5, 29).

Многие в России сейчас пишут о всеобщем покаянии. Но истинное покаяние – это озарение, это мучительное прозрение, дарованное немногим избранным. Одно покаяние страну не очистит. Ведь советский коммунизм, как справедливо указывает Александр Зиновьев в "Манифесте социальной оппозиции", есть результат активной творческой деятельности широких народных масс/4/. И семидесятилетний советский генотип глубже "перестроечного" антикоммунизма демократий и фронтов.

России необходима глубокая д е к о м м у н и з а ц и я. Не вдаваясь пока в описание всех сторон декоммунизации, особо подчеркнем: важнейшим ее шагом будет безусловное и полное запрещение коммунистической идеологии и ее партии, под какими бы масками они ни скрывались.

Но всякое цивилизованное общество, запрещая какие-либо общественно опасные деяния, юридически подтверждает их преступность. Казалось бы, что может быть преступнее и ужаснее коммунизма? Сумма его зверств давно превысила результаты неудачливых фашистов: по некоторым данным, 60 млн. трупов в России, 95 млн. – в мире. Но при всем том коммунизм до сих пор не вызывает к себе однозначного отвращения мира. Отвращения, сравнимого хотя бы с реакцией на фашизм. Что значит простоватый и грубый фашизм в сравнении с двусмысленной обольстительностью дьявольской идеологии? Не одного "великого мира сего" залучила она в свои сети: "Если опыт, который Ленин предпринял, – опыт социализма – не удастся, то современная цивилизация погибнет..." (Б. Шоу)/5/. И по сей день миллионы глуповатых "прогрессивных деятелей", "борцов" за мирное сосуществование и т. п. маршируют под продырявленные кремлевские барабаны.

Так пусть же, наконец, Россия на суде народов заклеит коммунизм как убийцу, разбойника, насильника. Ведь прецеденты есть.

Нюрнберг, 1946. На скамье подсудимых – идеология, партия, государство. Все трое признаны виновными в совершении преступлений против мира. Одно "передовое учение" уже квалифицировано в соответствии с нормами международного уголовного права.

"Закон № 10... статья II, § 1...о. Преступления против человечности. Зверства и враждебные действия, включая (но не ограничиваясь этим): убийства, истребление, обращение в рабство, высылку, заключение в тюрьмы, пытки, изнасилования или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения,

преследование на политической, расовой или религиозной основе, независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет..."/6/

Отныне "политика" массового уничтожения поставлена вне закона.

Нюрнбергский процесс не может не вызывать двойственных чувств – ведь он олицетворяет собой отвратительное сотрудничество прагматичных демократий со сталинской тиранией. Но будем реалистами: в самом порядочном государстве вряд ли отыщется хоть один абсолютно праведный судья, дабы безупречно вершить земное правосудие. И как ни мерзок флирт демократов со Сталиным, Нюрнбергский процесс вошел в основание нового мирового порядка.

Важнейшим итогом процесса стало окончательное ниспровержение тысячелетней доктрины абсолютности государственного суверенитета. Было принципиально подтверждено верховенство норм солидаризованного мирового сообщества над законами отдельного государства. Всякие "законные" глумления деспотических правительств над своими "законными" подданными сталкиваются не только с Божьими Уставлениями, но превращаются в прямое посягательство на принципиальные нормы мирового сообщества.

Появляется понятие международного преступления – "международного противоправного деяния, возникающего в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом"/7/.

Государственный макиавеллизм в эпоху агрессивных психопатических идеологий и тотальных убийств себя изжил. И Объединенные Нации, заклеймив государственную уголовщину, подведя деятельность нюрнбергских фюреров-паханов висьельный итог, определили: наиглавнейший критерий легитимности всякого государства XX века – его приверженность нормам международного сообщества, основным правам человека. Конфликт с международным уголовным законом, даже во имя "светлого будущего", неизбежно превращает государство или партию в заурядное уголовное преступное сообщество, находящееся вне всякой политики как таковой.

Впервые это было засвидетельствовано приговором нюрнбергского трибунала: в разделе "Обвиняемые организации" преступными были признаны руководящий состав НСДАП, СС, гестапо и СД.

Раз и навсегда рассеивались иллюзии о безликой безответственности "винтиков", покладистых тружеников великих экспериментов, эскекуций, экспроприаций. Рутинное "пребывание в рядах", дисциплинированная уплата членских взносов, сидение на партсобраниях оказались опасной уголовщиной, "принадлежностью к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной..."/8/.

Принципы международной уголовной ответственности преступных партий и государств, закрепленные уставами Нюрнбергского и Токийского трибуналов, были подтверждены специальной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года и являются ныне действующими нормами международного права.

Итак с точки зрения международного закона история советского государства и КПСС – сплошной криминал. Не будем пока вдаваться в тонкости квалификации деяний советского коммунизма, несомненно будущее обвинительное заключение будет содержать не

один состав преступлений. Но уже сейчас ясно, что центральным пунктом обвинения будет совершение преступлений против человечества - "...убийства, истребление, высылка, заключение в тюрьмы, пытки... преследования на политической, расовой или религиозной основе". Исторический курьез: преступник будет судим по закону, в создании которого он принимал участие.

Предвижу возражения либерально-благодушных перестройщиков:
- Да, но ведь КПСС, Горбачев начали перестройку...

А вы уверены, что эта "перестройка" - последняя? А если даже и последняя - разве добровольная сдача в плен освобождает от ответственности многократного убийцу-террориста?

Велик соблазн для "оппозиционеров"-горбачевцев компартию непартийную да перестроечную противопоставлять компартии эпохи больших чисток, "ястреба" Лигачева - "голубю" Яковлеву, злого Берия - доброму Крючкову. Да, конечно, в одной НСДАП состояли и шеф Освенцима Эйхман, и легендарно-загадочный Канарис. Но в конечном счете всякая тоталитарная партия представляет собой единый социальный организм, подобно организму отдельного человека, составляющий единое целое во времени и пространстве.

Вполне оправдано методологически, изучая Маркса или Ленина, расчленять жизнь их и творчество на ранний, зрелый и поздний периоды. Но в конце концов это завершается составлением облика единого Маркса, единого Ленина, единого Сталина, единого Гитлера и т. д. Объективная оценка большевизма совершенно не допускает расчленения истории КПСС для противопоставления периодов массовых душегубств периодам слезно-крокодиловых псевдопокаяний и "перестроек".

России и миру противостоит единая КПСС, объединяемая во времени и пространстве общими принципами своих программ, уставов, результатами своей деятельности.

Когда встает вопрос о персонализации уголовной ответственности за "чистки" 30-х или афганскую мясорубку, не надо, конечно, боясь опоздать, в спешке разыскивать какого-нибудь ветхого Кагановича, или следователя Хвата, или еще довольно свежего Тихонова. Но не стоит и вдаваться в еще более глупую крайность, заявляя: дело, дескать, прекращено ввиду смерти всех обвиняемых. Единая КПСС - это и непрерывающаяся преемственность дел: от Сталина к Горбачеву, от Ягоды к Чебрикову, Крючкову и т. д. (В г. Саратове на одном заборе висит лозунг: "Перестройка - это продолжение великих свершений, начатых Октябрем". Сказано просто, но метко.) Преемственности исторических дел соответствует преемственность исторической уголовной ответственности.

Каждый рядовой коммунист, каждый генсек, вступая в "ряды", заступая на высокий партпост, отчетливо сознавал, с к а к о й организацией он себя связывает. Самим актом вступления капеэс-эсовец выражает свое принятие всего злодейского прошлого партии и свое согласие разделить ответственность за все совершенные партией преступления.

И в пространстве едина партия - самый серый, самый тихий коммунист, технолог тамбовского треста "Промвентиляция" И. И. Иванов, солидарен в ответственности с тов. Крючковым и тов. Язовым. Верховный суд Германии, признавая в 1924 году нацистскую партию преступной, определил:

"Совершенно безразлично, все ли члены организации преследовали запрещенные цели. Достаточно, если только часть из них занималась запрещенной деятельностью... Совершенно безразлично, согласны ли члены группы или ассоциации с ее целями, задачами, методами деятельности и средствами борьбы... Подлинная точка зрения участников организации не имеет значения. Даже если они имели намерение не принимать участия в преступных действиях или собирались препятствовать им, это не снимает с них ответственности за членство в них"/9/.

В последнее время наблюдается массовое бегство, простите, – "выход" коммунистов из "руководящей и направляющей". Как относиться к этим беглецам и перебежчикам? С одной стороны, политически вроде бы хорошо, что перебегают. Ведь сказал же очень именитый диссидент Б.: "А хоть бы и все перебежали – все ж лучше, чем драться с такой оравой". Действительно – все бы, а? И цекисты, и гебисты... Что, кстати, уже и наблюдается в разных формах – взять ту же ДПР. И морально перебежчики вроде неуязвимы: "Мы прозрели!!!". (Это, конечно, дюже хорошо.) Вчера был Петров секретарем парткома и гвардейцем пятилетки, был где-нибудь на невидимом фронте, а сегодня он тоже секретарь и гвардеец – но уже в антикоммунистической партии. Вроде паспорт и прописка те же, но Петров уже совсем другой, как бы уже потерпевший от режима. Прозрел!

Но должны перебежчики знать: если бандит, прозрев, перебегает из своей "бригады", то, с точки зрения закона, он, этот урка, будет нести ответственность за членство в банде вплоть до своего прозрения. Прозрение, покаяние – это всегда осознание собственной вины, готовность понести кару за свои беззакония.

Итак, вопрос решается просто: груз преступлений КПСС лежит на всех партиях как вышедших, так и ныне состоящих. Слишком много виновных? Но разве вопрос об ответственности банды решается в зависимости от ее численности? Разумеется, далеко не все из этих 20 миллионов пожалуют на цугундер, а лишь отпетые. Разнится вина каждого в массе КПСС. Но совместная их ответственность пред-полагает, что будет выяснена роль каждого в российской трагедии.

Само собой разумеется, исключена ответственность тех, кто формально пребывая в КПСС, боролся в антикоммунистическом подполье, стрелял в Брежнева, организовывал стачки, защищал права человека или просто клеил антисоветские листовки...

Возможно, кто-то усмотрит здесь желание делить шкуру еще не убитого дракона и сочтет все это преждевременным. Но надобно наконец показать народу, потерпевшему насилие, всему миру, что он имеет дело не с покаявшимися мафиози, "завязавшими" со своим прошлым, не с респектабельным джентльменом Горби, а с ловким и по-прежнему дерзким уголовником. Что узаконить и признать ненаказуемыми его бесчисленные злодеяния ввиду давности совершения первых преступлений н е л ь з я н и к а к .

Не может быть ничего преждевременного в признании фашизма фашизмом. Исторически зверь обречен. Раньше или позже трибунал народов вынесет свой окончательный вердикт, чтобы трагедия не повторилась никогда.

"И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою" (Апокалипсис 19, 20).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по кн.: В. К. Молчанов. "Возмездие должно свершиться". М., 1984, с. 212.
2. А. И. Солженицын. "Как нам обустроить Россию", спецвыпуск "Комсомольской правды", сентябрь 1990, с. 2.
3. Цит. по кн.: В. К. Молчанов. "Возмездие должно свершиться". М., 1984, с. 215.
4. "Континент" № 60, 1989.
5. Цит. по кн.: "Владимир Ильич Ленин". М., 1963, с. 683.
6. "Ни давности, ни забвения... (По материалам Нюрнбергского процесса)". М., 1985, с. 265-266.
7. Э. Х. Аречага. "Современное международное право". М., 1983, с. 414.
8. Закон № 10 КСГ о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности - ст. II, § 1, п.
9. "Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками". Сборник материалов в семи томах. М., 1960, т. 6, с. 314.

Саратов

Им нечего терять

М. ЛАПЫГИН

Никто, думаю, не оспорит заявление о том, что СССР находится в глубочайшем кризисе. Этим термином можно обозначить и состояние экономики, и экологии, и внутренней политики. Самое же главное – утечка умов, людей, чьи чаяния и надежды возлагались на свежий ветер перемен, который, как поначалу показалось многим, принесла с собой перестройка.

Увы. Иллюзии развеялись слишком быстро, а в запахах, приносимых "свежим ветром", все больше чувствовалась гнилая влажность застоя. Многие мои товарищи с грустью замечают, что стало больше разговоров об эмиграции, причем уже не только в демократической среде. Люди, ранее и не задумавшиеся о самой таковой возможности, сейчас часто касаются этой темы. Все чаще узнаешь по телефону: тот-то – подал анкету в американское посольство, а тот-то – уехал по визе в Израиль, вспомнив, что по материнской линии в нем есть еврейская кровь.

Стоит ли их винить? Принять решение об эмиграции достаточно сложно. Сложно покидать насиженные места и отправляться в неизвестность. Еще сложнее оформить это юридически – в Союзе надо пройти тысячи инстанций, унижений, бюрократических закорючек. А в западных посольствах утверждают, что у нас демократия, свобода, гласность, и вообще – всё нормально. Около посольств стоят очереди, продаются ксерокопии анкет (на этом тоже делают бизнес). Напротив гостиницы "Россия" целый палаточный городок с беженцами, требующими от правительства справедливости, жилья, а к иностранным туристам с надеждой – "Разрешите жить в нормальной стране, в нормальных условиях, с нормальным к нам отношением!". А туристы проходят мимо, улыбаются, фотографируют и идут дальше – смотреть очередные достопримечательности "Советского зоопарка".

Вот недавно по телевизору была передача на тему - "Как остановить отток умов из СССР?". Я думаю, что надо сначала установить, "почему это происходит", а потом будет яснее и как это остановить. Вот одна из, как мне думается, заурядных и обычных историй: молодая талантливая женщина с маленькой дочкой уезжает на Запад. Уезжает в неизвестность в прямом смысле. На визе, выданной в Московском УВИРе, нет страны назначения, но числится, что она, Роза Новикова, уезжает из СССР на постоянное место жительства и должна уехать до 31.10.90, после этой даты ее ждут штрафные санкции. Посольства же не принимают ее с такой визой - у нас ведь все хорошо!

Спрашиваю ее: - "Что толкнуло на это? Да еще с ребенком! Неужели совсем немоготу?"

- Приняла я это решение по совокупности факторов. Здесь все накопленное вылилось: сложности с мужем, неудача с квартирой в МЖК, здоровье дочки, отсутствие безопасности - что самое главное, последняя капля. И политические взгляды.

- Роза, поподробнее можно?

- Пожалуйста. Первая, самая большая сложность - жилищная. Попыталась решить ее через МЖК.

В СССР существует такое движение - МЖК (молодежный жилищный комплекс), которое помогает выполнять горбачевскую программу "Жилье-2000". Это очень специфическое объединение, свойственное только Советскому Союзу.

Что же такое МЖК? Молодежный - значит работает молодежь, жилищный - значит строит себе жилье. Собираются вместе молодые инженеры, строители и просто специалисты, оставляют свою основную работу и идут на 2-4 года на стройку, на наименее оплачиваемые работы, тяжелые и грязные. Получают заработную плату по самым низким тарифам: вместо обычных 140-200 рублей - 50-60, и так несколько лет подряд. Есть еще такое понятие, как привлеченные специалисты, которые должны работать в сфере социального обеспечения МЖК. Например - учителя, досуг, воспитатели. Их набирают на конкурсной основе: в течение трех-четырех месяцев люди работают на стройке бесплатно, и кто из них лучше физически приспособлен или больше ворочает грязи, того и принимают в МЖК.

Так проходит примерно 3 года. Перед получением квартир начинается ажиотаж: кто угоден начальству - получают квартиры, а кто нет - не получают. Я считаю, что МЖК - это рабовладельческая система, поскольку людей за гроши заставляют работать в течение нескольких лет, а потом неизвестно - получают они квартиру или нет.

Вот такой случай произошел и со мной. Я работала как привлеченный специалист. Для того, чтобы вступить в МЖК "Измайлово", который находится в Первомайском районе Москвы, в течение трех месяцев я совершенно бесплатно работала по социально-бытовой программе. Занималась воспитанием детей: разные экспериментальные программы, изостудия, музыкальные программы, дни МЖК... А так как работала в МЖК я после основной работы и приходила домой после часу ночи, не раньше (а у меня еще маленькая дочь), то это было страшно тяжело. Кроме того, работала на субботах, что требовалось в рамках соревнования.

После всего этого нас вызывали на бюро МЖК и решали – кто из нас достоин войти в МЖК, а кто нет. Я оказалась достойна. Мало того. Я была маленьким начальником группы из 5 человек по воспитанию подрастающего поколения, этакий педагог-новатор. Все шло замечательно. Вплоть до того момента, когда в РК КПСС Первомайского района позвонили из Киевского района и сообщили, что эту девушку, то есть меня, держать в МЖК нельзя, ее надо удалить, так как этот человек – жалобщик и вообще влезает не в свои дела.

Я не поверила, что меня могут выгнать, поскольку по юридическим, жилищным и прочим нормам я полностью подходила под МЖК. Кроме того, все программы по МЖК я выполнила, к тому времени отработала 2000 часов, и у меня оставался недоработанным какой-то хвостик в 200-300 часов.

– То есть выгнать тебя было нельзя?

– Просто невозможно! Ни юридически, ни по работе, так как работала я хорошо. Даже выиграла конкурс и по системе МЖК поехала в Америку для "обмена опытом". А через некоторое время после возвращения из Америки я узнала, что в течение недели объявлена покинута МЖК: я там более не работаю. То есть мои 2 года работы, мои 2000 часов пошли коту под хвост...

– А работа эта оплачивалась?

– Нет. Привлеченным специалистам работа в МЖК не оплачивается никогда, он трудится бесплатно в свободное от основной работы время. За работу на стройке, организацию досуга, оформление, проведение мероприятий мы не получали ни копейки. Мало того, мы подчас сами тащили туда игрушки для детей из дома, деньги: наш МЖК был небогатый.

Более всего меня поразил способ моего изгнания. Сперва мне сказали, что вся моя работа – преждевременна, что оставаться в МЖК мне смысла нет, и чтобы я уходила по собственному желанию. Я была так поражена... все же неплохо работала, наша группа выполняла программу, да и дело свое жалко кидать. Я рассчитывала, что, когда построят МЖК, я буду работать в системе детского воспитания. Я приехала из Америки с интересными предложениями, и мне казалось что это абсурд. Но оказалось, что совсем не абсурд: в течение недели меня выгнали.

Выгоняли очень интересно. Собрали собрание, сказали, что вот, мол, она была в Америке непонятно зачем...

– Но в Америку тебя посылал сам МЖК?

– Да. Послал меня по конкурсу, который я выиграла. Но что интересно, представители МЖК, за 2 дня до отлета, после того, как получили указание от РК КПСС, выступили против моей поездки. К сожалению, я не смогла отказаться от поездки, чтобы выяснить свои дела: было уже поздно. А пока я была в США, они все решили. Хотя решать было нечего – они меня предупредили, что когда я приеду из Америки, то должна буду из МЖК уйти.

– Ты все время говоришь "они". Они – это кто?

– Хорошо, конкретнее. Главную роль во всем этом деле играл председатель МЖК Сергей Коротомышкин, зам. председателя МЖК по идеологической части Михаил Никитин, и еще была у нас женщина –

заведующая культурным сектором Вера Скукина. Она, в отличие от других членов МЖК, не работала на стройке, а сидела в конторе и получала далеко не 80 руб. из тех денег, что заработали люди на стройках.

Вот они собрали собрание из ничего не понимающих людей и стали объяснять: что я не работаю, а если работаю, то плохо, что меня надо выгнать, и вообще квартир – мало. Собрание, однако, проголосовало против моего увольнения. Тогда было собрано второе, а перед ним "поработали с людьми индивидуально". Занимался этим непосредственно Никитин (это его любимое занятие). Он говорил: "Ну что же, вроде бы человек и работал нехорошо, а вы за него заступаетесь. Вам что, квартира не нужна?". Не знаю, что нужнее – совесть или квартира, только народ решил, что квартиры. Всего было три собрания. На последнем я уже не была. Меня изгнали и дали бумажку, что, дескать, раз я так плохо живу – 9 метров на меня, мужа и дочь, а потолок грозит обрушиться на голову, – то обращайтесь в свой Киевский район и получайте площадь там. А в заключении начальника детского отдела Натальи Кржановской (хотя начальником была я) сказано, что я отработала всего 40 часов, хотя для того, чтобы заключить договор с МЖК, который у меня был, надо отработать минимум 400. И в связи с этим меня выгоняют из МЖК. Подпись стояла нашего начальника и начальника МЖК Москвы Цветковой.

Я была здорово возмущена этим и пошла в штаб МЖК Москвы, где долго пыталась добиться справедливости. Меня слушали, молчали и странно улыбались. Потом я узнала, что в этот день С. Коротомышкин назначен на должность председателя МЖК СССР. Ну, что ж. Я посмеялась вместе с ними и пошла домой. На этом моя эпопея с МЖК окончилась.

- Чем был вызван этот звонок из РК КПСС по поводу тебя?

- Мне сказали в Киевском исполкоме, что я "не достойна", так как много ругалась с этим исполкомом. Я очень интересовалась: куда на сторону уходят квартиры? В Киевском районе Москвы очень разный уровень обеспечения жильем. Например, на Кутузовском проспекте живут семьи высших начальников, цеховских работников – на двух человек четырехкомнатная квартира, приезжие (по знакомству или за деньги) получают квартиры и без прописки. А в исполкоме две очереди: очередь людей, которые живут ужасно – с крысами, на 7-8 метрах по 4 человека, и так живут по 25 лет. И там же вторая очередь: люди, живущие на Кутузовском проспекте, которые расширяют жилую площадь, когда представится возможность. А так как я была молодая и неопытная, то начала выяснять, почему существуют эти две очереди. Я обращалась в ОБХСС, прокуратуру.

Сейчас я понимаю, как наивны были мои надежды на справедливость. Вот из-за этой деятельности я и не понравилась председателю нашего исполкома, а также начальнику отдела учета и распределения жилой площади Киевского района тов. Демину, который, кстати, сейчас уже председатель того же исполкома.

Кроме того, когда я приехала из Америки, то привезла хорошие контракты, договоры о намерениях с американской стороны. Я порывалась воплотить это в жизнь, но оказалось, что это никому не нужно. Более того, мне заявили, что это идеологически вредно!

- А в чем заключались эти планы?

- Я хотела организовать выезд детей в США на обучение, воспитание, и вообще дать им посмотреть мир. Эти планы шли через кооперативное движение. Нашему небольшому предприятю постоянно вставляли палки в колеса, никто из начальства не был в этом заинтересован, никому ничего не надо, кроме взяток, и до детей нет никакого дела. В таких условиях я не могла заниматься кооперацией и вынуждена была оставить свои планы. У нас же полное отсутствие возможностей для частного предпринимательства, невозможность работать в принципе. И вот теперь я, к сожалению, уезжаю.

- Почему к сожалению?

- Потому что считаю, могла бы многое сделать для своей страны, для наших детей. Кроме того, у меня маленький ребенок, здоровье и жизнь которого меня очень волнуют.

- Ты беспокоишься за его жизнь? Ему что-то угрожает?

- У меня были несколько моментов, связанных с racketом. Был случай, когда мою девочку чуть не выкрали, и прочее. Я обратилась в 5-е отделение милиции, написала несколько заявлений, сообщила, что мне звонят, требуют денег, угрожают жизнью дочери. С первого захода у меня заявление не приняли вообще. Потом приняли, но через две недели сказали, что у них просто нет бумаги. А по третьему заходу в милиции мне сказали: "Ну, не хватало, чтобы мы защищали человека с манией преследования. И из-за вас мы дело заводить не будем". Я им предложила прослушать мой телефон, побывать у меня дома и прочее, наконец, давайте я вызову этих людей, а вы на них посмотрите... Нет. Отказались наглухо.

- А кто говорил с тобой в милиции?

- Фамилии я не помню, но он как работал начальником 5-го отделения милиции, так и остался там.

Кроме всего, когда буянят наши соседи (я живу в коммуналке), ко мне часто приставали. Был случай, когда я зимой вынуждена была убежать из дома с голой дочкой. Я оставила девочку в соседней квартире, а сама бросилась в нашу милицию. В милиции мне радостно сказали: "Ну еще мы вас защищать будем! Если вам делать нечего, посидите у нас, вон есть камеры свободные". Оставив дочь у других людей (я не могла зайти домой за ее одеждой), я вынуждена была уехать к матери, пока не пришел домой муж.

Так что защиты ждать не приходится, никаких гарантий нет, жилья нет, работать по-человечески не дают. Так зачем мне все это? Где гарантии, что если меня или дочь зарежут, то милиция хоть дело возбудит? Я в этом не уверена. Вот это, кстати, основной аргумент, толкнувший меня на отъезд - безопасность и здоровье дочери. Я подала требование о снятии с меня советского гражданства. Его удовлетворили. И я уезжаю.

Кто будет винить Розу? У кого посмеет подняться голос против матерей, детей которых заразили СПИДом в государственных поликлиниках, гепатитом в больницах? Они уезжают из страны безысходности, царства лицемерия, грубости и нужды и верят, что станут свободными. Можем ли мы упрекать человека за стремление к свободе и счастью для себя и своих детей? Лично я не посмею.

Москва

Красная армия, марш-марш вперед?

*Дилетантские разговоры двух интеллигентов
на московской кухне о грядущем военном перевороте*

Владимир БАТШЕВ, Михаил ГОРБАНЕВСКИЙ

В эти слегка тревожные и — что еще важнее для "масс"! — явно голодноватые дни мы, два московских интеллигента-литератора, по старой доброй традиции собрались на московской кухне поговорить о том, о сем — в первую очередь, возможен или нет военный переворот... Почему с н о в а на кухне? Пусть на этот вопрос отвечают психологи, летописцы диссидентского движения, а также специалисты из бывшего 5-го Главного управления КГБ: оно-то как раз не исчезло, а просто "перестроилось"... Сейчас это — управление "З", сотрудники которого успешно "защищают" конституционный строй в СССР...

В.Б. Давайте начнем с такого вроде бы ничего не значащего для московской кухни факта, как аннексия Кувейта Ираком. Ну, оккупировал Ирак эту небольшую страну. И что? А то, что в Ираке до сих пор действует группа советских военных советников, которую возглавил приснопамятный генерал Макашов, один из персонафицированных образов правого крыла в советском обществе, бывший командующий огромным военным округом. Разве случайно, что именно после его появления в Багдаде режим Саддама Хуссейна начал войну?

М.Г. Мимо этого факта действительно пройти невозможно, и я тоже размышлял о войне на Востоке — как раз с возможным отблеском погон генерала Макашова. Но я склонен думать, что его появление в Багдаде и война — всего лишь совпадение. Ведь само назначение Макашова в Ирак скорее всего — почетная ссылка, последовавшая за тем, как он задел "честь и достоинство" президента Горбачева, задел очень жестко, причем принародно. Обидчивость же Михаила Сергеевича скоро станет притчей во языцех. Кроме того, генерал Макашов явно хочет сделать шаг в дальнейшей карьере — маршалский жезл в его ранце просится наружу...

В.Б. Вы хотите сказать, что Макашова специально послали в Ирак, чтобы он там р а з р я д и л с я?

М.Г. Мне этот "мятежный" генерал чем-то напоминает левого эсера Муравьева. Правда, в 1918 году командующий Восточным фронтом Михаил Артемьевич Муравьев поднял мятеж с целью вовлечения России в войну с Германией!

В.Б. Следует это понимать как намек — Макашов подобно Муравьеву втягивает Советский Союз в большой конфликт, раздувая пожар из аннексии Ираком Кувейта? Мне тоже кажется допустимой версия о том, что Макашов мог подтолкнуть Ирак на войну с

Кувейтом. После втягивания СССР в военный конфликт неизбежным стало бы ужесточение режима внутри страны, *завинчивание гаек*. А одним из возможных вариантов завершения этого процесса стало бы появление генерала Макашова на политической арене снова – в качестве спасителя Отечества.

М.Г. Вот в этом-то я как раз сомневаюсь: человек, практически втянувший страну в войну, вряд ли смог бы в глазах населения стать спасителем – слишком дорого обходились России войны, в которых она участвовала. Что же касается ужесточения... Оно, думаю, возможно не в чисто военном варианте – это не пройдет по целому ряду причин. В том числе из-за очевидного нежелания органов ГБ даже в малом уступить армии или даже подчиниться ей. Скорее речь могла бы идти о замене партийно-административной олигархии на военно-партийную. И все же, Владимир, мне представляется, что вопросы, связанные с возможностью военного путча, необходимо ставить шире: возможен ли он в принципе? И пытаться подумать: если возможен – то почему? А если невозможен? Причины такой невозможности тоже нужно понять и попытаться узнать аргументы в пользу подобной версии.

В.Б. Вы правы, ибо слишком часто эта тема просто выстреливает, без серьезных или элементарных комментариев. Кстати, не могу не вспомнить, как в ночь на 1 октября 1990 года в популярной телепрограмме "Киносерпантин" еще более популярная современная прорицательница – астролог Тамара Глоба совершенно однозначно предрекла слегка озадаченным телезрителям военный переворот в стране и сослалась при этом на... Нострадамуса!

М.Г. А ведь такая обаятельная женщина... Хотя в ней постоянно чувствуется что-то бесовское. Но все же вернемся к серьезной ноте, ибо в случае военного путча как раз нас-то с вами в числе первых отправят на стадион в Лужники (если это будет чилийский вариант) или шлепнут прямо в подъезде – "при попытке к бегству". Это будет уже чисто по-русски и по-советски.

В.Б. Вы забыли еще французский вариант: термидор *а ля русс*. Ведь именно в месяце термидоре был совершен тот переворот, который, как пишут обычно отечественные учебники, "зачеркнул все завоевания Великой французской революции". После термидора началась настоящая вакханалия, в которой было всё – и жестокость, и реванш, и откровенные наветы, издевательства над памятью утопистов. А они-то, бедолаги, были людьми бескорыстными, которые хотели *перестроить* (извините, каламбур – случайный) мир, а заодно с ним – и человеческую природу. Между прочим, мне кажется, что сейчас в нашей жизни постоянно – то тут, то там – прорываются нотки термидора *духовного*... Это страшно как само по себе, так и в роли провозвестника других, более мрачных времен. И мне снова становится не по себе, я думаю о жене, о дочери, о сыне.

М.Г. На новой московской кухне мы вправе сделать такое наблюдение – то, что было построено в России за последние семь десятков лет, имело фундаментом триаду: страх, голод и бездуховность. Конечно, – в широком, философском смысле. Но и наш с вами бытовой страх – за близких людей, за себя, за возможность более-менее свободно трудиться – есть часть *большего*, я бы сказал

государственного, страха, который, думаю, можно отнести уже и к характерным национальным чертам. Или национально-культурным, ибо речь идет не только о русском народе. Мы привыкли бояться всего – от хамского окрика маленького чиновника до обращения "Гражданин!", от косога взгляда непосредственного начальника по работе до перспективы голодной старости. Прививку против страха пытались сделать наши диссиденты... Но им не удалось победить т р и а д у: у нас сложилось общество тотального конформизма. Советский гражданин становился конформистом уже в детском саду, если не в яслях; так и рос – до вступления в коммунистическую партию, не веря практически ни в один коммунистический идеал и лозунг, ненавидя жиревших партийных вождей и умирая от инфаркта в случае обыкновенной утери партбилета и следовавшего за ней "персонального дела".

В.Б. Мне кажется, Михаил, что вы взяли очень точную ноту в нашем кухонном дуэте. Общество страха и конформизма не может противостоят возможности военного переворота. А конформизм сам по себе является сильнейшим катализатором той "химической" реакции, имя которой – п у т ч. Во многих регионах, где недавно действовали войска, происходило одновременно возделывание почвы для нового страха. Начали рубить лопатками, продолжили в Баку давить танками. Возделывается страх не перед мифическим существом, а перед конкретной силой – а р м и е й. У жителей любого тоталитарного государства есть страх перед политической полицией. Сейчас это чувство изменилось – расширилось. У нас ГПУ–КГБ боялись издавна и всегда. Простые люди так не боялись милиции, как ГБ. Но это был какой-то "периферийный" страх типа будет – не будет: исключат из института за то, что слушал "вражий голос", выгонят с работы, если на рабочем столе найдут самиздатскую литературу. Мораль: не ходи по весне под карнизом – тогда ничего вдруг на голову не упадет, ни кирпич, ни сосулька. Не болтай лишнего по телефону. Не вступай в пререкания с пьяным хулиганом. Нынче же – новая форма страха. Армия! Из традиционной "защитницы", которой наши дети должны отдавать "конституционный долг", она теперь превращается в жупел.

М.Г. Мне довелось после окончания университета оттрубить ровно год в солдатских погонах. И психологически, и физически это были одни из самых тяжелых месяцев в моей жизни. Особенно психологически. И если бы не помощь отца, который через друга и соавтора "выбил" для меня б л а т н о е место в одной из подмосковных частей, то я, вероятно, вернулся бы из армии психическим калекой или физическим инвалидом. Если бы вернулся...

В.Б. Я часто вспоминаю трагедию Сергея Колосова. Он вместе с моим другом Евгением Кушевым в 1965 году издавал журнал "Тетрадь". Его арестовали гэбэшники, а потом Колосов был сдан в армию. Он был не очень здоровым человеком и мог скорее перенести тюрьму (как и мы все в те годы, кто был к ней готов...), чем армию. И вот трагический финал – со стрельбой из автомата и с его гибелью... Причем до сих пор я не знаю: то ли Сергей сам застрелился, то ли его убили после того, как он кого-то застрелил. Да и вообще судьба всей этой группы "Коммуна", которая издавала журнал "Тетрадь" (его полное название "Тетрадь социализма и демократии"), достаточно трагична. Сегодня мы не стоим под сосуль-

кой весной, не говорим лишнего по телефону, но на нас едет танк. Танк! Так что страх, о котором вы, Михаил, говорили, старый страх конформистов уже подготовил почву для нового, – он взрастил новый страх и передал ему эстафету.

М.Г. В ваших умозаключениях есть вещи, которые противоречат моим наблюдениям, впечатлениям. Я согласен с вами в том, что может родиться новый страх – на основе старого. Действительно, трагедии Тбилиси, Баку, Намангана, других мест рождают уже чуть ли не ужас перед "человеком с ружьем" – перед тем самым, не бояться которого гордо призывал вождь революции в соцреалистической пьесе (которая, впрочем, по нынешним меркам недалеко ушла от пьесы сюрреалистической).

В.Б. ...А теперь будем бояться человека с автоматом!

М.Г. Если внимательно следить за вашей логикой, то скорее – "человека на танке". Да, такой страх возможен, правда, на мой взгляд, у тех – кто в реальной жизни слышал не просто лязг гусениц, а видел, как на них наматывается человеческое тело. Повторяю, боязнь "человека на танке" возможна. Но она существует (или может существовать) на контрасте с общим уменьшением страха перед тоталитарной машиной подавления, перед режимом в целом, уменьшением страха перед Ее Величеством Системой! Думаю, существует такая "физическая величина", как единица страха. Она сейчас становится меньше (слабее?) по сравнению с давно минувшей сталинской эпохой, и недавней – брежневско-черненко-ской.

В.Б. Если в начале 80-х годов единицей страха был один "Андроп", то сейчас – один "Яз"?!..

М.Г. Даже несмотря на это, некая аура вокруг понятия "офицер", "армия", "военный человек" продолжает существовать. Хотя она явно потускнела...

В.Б. ...И дала трещину. Традиционная аура долгое время потихоньку вымывалась из сознания самой жизнью – этому помогли Чехословакия и Венгрия, а главное – Афганистан. Плюс – недавно узнанная большинством населения правда о многих исторических фактах – о "присоединении" Прибалтики, о расстреле в Новочеркасске, о многом другом. Горькими отрезвляющими символами стали и Тбилиси, Баку, Армения. Где армия "отличится" в следующий раз? В Молдавии? В Ташкенте, где вопреки разглагольствованиям местных царьков, антирусские настроения становятся все сильнее, русскоязычное население покидает "город хлебный": достаточно почитать доску объявлений где-нибудь в Новгороде или Загорске об обмене квартир или зайти в ташкентский букинистический магазин, заставленный дешевыми (по московским представлениям), но дефицитными собраниями сочинений русских писателей? Или, может быть, доблестные защитники привилегий административно-командной системы пройдут – "гремя броней, сверкая блеском стали" – по селениям и полям в предгорьях Кавказа, где давно глеет фитиль гражданской войны между осетинами и ингушами? А роль армии в Намангане? А где была армия в кровавых конфликтах в Карабахе? А во взаимной резне гагаузов и молдаван? А в конфликте русских и молдаван?

М.Г. Резкое неприятие властями критики положения дел в армии прессой, "демократическими" народными депутатами как нельзя

лучше доказывает, что режим крайне заинтересован в поддержании в умах людей псевдоидеализированных представлений об армии. Но существует ли почва для самой идеи возможности военного переворота? В августе 1990 года парижская газета "Русская мысль" опубликовала интервью, которое Елена Боннэр дала Симону Чертоку. "Демократические тенденции в нынешней России очень сильны. Никакой силе не перебороть их, в том числе - и военной", - считает Елена Георгиевна. Вдова академика Сахарова в данном случае высказывается однозначно. И в этой однозначности мне видится или какая-то ложная посылка или неверное восприятие ситуации в стране в целом. Я не могу согласиться с Еленой Боннэр. Однако не могу принять и ваш тезис о том, что в умы людей закладывается некое психологическое осознание чуть ли не неизбежности военного переворота. Скажу сразу: мне кажется, что вообще идея военного путча как возможного варианта развития событий в СССР во многом привнесена в наше сознание и з в н е...

В.Б. Увы, это - частое заблуждение, притом довольно распространенное именно среди интеллигентов. Управление властью руками военных - н а ш а идея. Стремление опереться на армию при всевозможных катаклизмах и пертурбациях типично для коммунистов. Как победил Сталин в борьбе за власть? Он отнял армию у Троцкого! Октябрь - опора на армию. Коллективизация - произведена при помощи войск и частей ГПУ. Чистку армии в 1937-ом провели, чтобы сделать ее еще более послушной: ведь по существу это был очередной сталинский переворот, заговор против старой гвардии большевиков. А позже? Берия попытался взять власть - ему нужна была поддержка в армии, но и ликвидация Лаврентия была осуществлена именно армейскими кругами. При устранении антипартийной группы в 1957 году решающей, как мы знаем, была угроза Жукова, что он с армией выступит на стороне Хрущева.

М.Г. Могу вашу мысль продолжить. Каждый лидер в нашей стране приходил к власти либо на плечах армии, либо на плечах системы государственной безопасности. Иногда поддержка ему этих двух гигантов была одновременной и смешанной, но такое положение долго длиться не могло: армия либо занимала главенствующее положение, либо уходила на вторые роли. И тогда какой-нибудь следовательно изувер в чине, соответствующем сегодняшнему званию майора (но это был следовательно НКВД!), мог запросто выбить глаз маршалу Блюхеру. После второй мировой войны в СССР вожди брали кремлевский трон уже без всяких временных союзов, без одновременной поддержки армией и ГБ. Лидера в его политических амбициях и притязаниях четко поддерживали либо военные, либо чекистские круги. Бразилия свергает Хрущева силами КГБ, не дав армии выступить...

В.Б. ...Разве этот известный факт не есть лучшее доказательство возможности переворота сейчас?

М.Г. Да, но не чисто военного путча! Что же касается попыток отстранения Горбачева от власти, то они не только возможны, но, вероятно, все-таки последуют и приведут к искомому результату. Вечно опаздывающий и мечущийся туда-сюда архитектор перестройки, несмотря на всю свою дьявольскую хитрость и осторожность, уже стал явным заложником своей непоследовательной внутренней экономической и социальной политики, своей ломаной (а не гибкой и

компромиссной) политической линии. Иногда мне его по-человечески очень жаль, ибо в 1991 году его карьера, думаю, завершится. Но вот как вспомню о всех его просчетах, которые принесли смерть, голод, страдания и унижения людям, и жалость к Горбачеву исчезает. Хотя, конечно, это и не по-христиански.

В.Б. Недавняя история действительно чрезвычайно показательна. За Андроповым стояли органы безопасности, которыми он руководил в течение долгого времени. Армия при лубянском графомане, создавшем вымышленный образ просвещенного чекиста, пишущего стихи, любящего музыку, иностранные языки, и человека философского склада, потеряла свое влияние. И была этим чрезвычайно недовольна! Что отчасти и повлияло на приход к власти Черненко, за которым, не скрываясь, стояли армейские круги, а от маршалских лампасов просто рябило в глазах... Когда на кремлевский трон сделал свой первый шаг Горбачев, его практически безоговорочно поддержал КГБ (чекистским генералам было хорошо известно, что Горбачева "двигал" Андропов и доверял молодому, энергичному и преданному ставропольцу). Но Горбачева поддержала и армия (пусть и в меньшей степени, чем госбезопасность), ибо военные бонзы в большинстве своем воспринимали Устинова на посту министра обороны как унижение и насмешку: Дмитрий Федорович был все-таки человеком партийного аппарата и военно-промышленного комплекса, им контролируемого (ВПК ЦК КПСС). Профессиональные военные часто даже не скрывали, что для них Устинов - как бельмо на глазу.

М.Г. Ну, что же - логика построения этой линии должна нас привести к объективной гипотезе и аргументам в ее пользу. Итак, Горбачев пришел к власти на плечах КГБ. Армия им недовольна: "героический" Афганистан (немало обогативший и продвинувший по службе многих высших офицеров, преимущественно под пулями не ползавших) завершен, Советская армия вынуждена уйти из Европы - из бывших стран-сателлитов, уровень жизни военнослужащих стремительно падает (как всех граждан страны), самодурство армейских комиссаров - партийных чиновников в погонах - продолжается, ореол славы и уважения вокруг офицерских погон тускнеет, "нападки" на армию в прессе, в Советах усиливаются (от повести "100 дней до приказа" Юрия Полякова, от разносных статей о смертности солдат срочной службы в м и р н о е время - до голодovieк и манифестаций матерей погибших солдат), разрядки на хозработы для воинских частей не уменьшаются и т. д. и т. п. Если армия недовольна нынешним властителем, то - по логике развития событий! - она должна поддержать о ч е р е д н о г о (президента? генерального секретаря? руководителя совета национального спасения?) лидера. Скорее всего, поддержка будет оказана кому-то из представителей партийных кругов, не слишком "замазанному" связями с вождями застойного времени.

В.Б. Почему вы предполагаете, что армия сделает ставку обязательно на партаппаратчика? Это может быть и советский Пиночет...

М.Г. Ну, вот видите, как в любой дискуссии нам необходимо вернуться к уточнению терминов, употребляемых спорщиками. Что же такое военный переворот? В нашем "советском понимании" это - обстрел танками дворца Ла Монеда, Альенде и соратники с автоматами в руках, последнее обращение к нации президента, прерываемое зву-

ками очередей и взрывов, генерал Пиночет в темных очках, мини-концлагерь на городском стадионе, провокации "военщины" против мирных граждан и так далее... Но это-то как раз и противоречит и а ш е й традиции: идея такого военного переворота вовсе не в традициях истории русской и советской армии, вооруженных сил.

В.Б. А разве невозможны исключения? И почему вы не допускаете р а з в и т и я традиций? Разве боины в Баку и Тбилиси не опровергают "устоявшиеся" традиции российской военной истории?

М.Г. Нет, не опровергают. О многих "традициях" мы просто не знаем или не знали. Вспомните покорение Кавказа! В тот период, когда Россия присоединяла к своей территории, скажем, земли осетин, покоряя сам этот гордый и древний народ, устраивались настоящие кровавые бани.

В.Б. "Национальные проблемы и армия" - это отдельная большая тема. Но как бы вы ответили на такой тезис: если Берия мог двинуть на Москву войска ГБ, то почему сегодня н е к т о вдруг не смог бы двинуть на столицу Кантемировскую и Таманскую дивизии?

М.Г. Мы с вами, Владимир, уже достаточно подробно "проговорили" тему с т р а х а населения по отношению к армии: не боялись "человека с ружьем", но стали опасаться "человека на танке". Но разве аналогичное чувство не может испытывать и сам военнослужащий?

В.Б. О каком страхе идет речь: кто кого боится и почему?

М.Г. Когда человек сидит в бронезилете на броне БТР или БМП, когда в руках его - "верный друг" автомат АК-74, впереди и позади - такие же бронемашинны в одной колонне с такими же однополчанами, когда вдруг нет реального и опасного противника, то этот военнослужащий испытывает чувство, схожее с ковбойским - "короля прерий". Ему нечего бояться. Но ведь это только так кажется... На самом же деле вдали маячит вполне реальная и мощная угроза новых массовых манифестаций, народных выступлений (в Киеве студенты, едва начав объединяться с заводчиками в колонны, быстро "скинули" украинского премьера Масола!). Это - с одной стороны. А с другой - вооруженным силам так же явно "угрожает" активизация парламентаризма, которая ведет в итоге к созданию в республиках новых достаточно сильных государственных структур (начинают, между прочим, с Закона о всеобщей воинской обязанности, с моратория на очередной призыв солдат для прохождения срочной службы, с обсуждения необходимости создания национальных вооруженных сил в республиках, - не все, но очень многие!). Разве это в свою очередь не рождает определенного синдрома боязни и даже страха у самих военных? Попытка выхода Таманской дивизии на улицы Москвы может стоить головы самим генералам: разгневанный народ (если его очень вывести из себя) может этим генералам и головы посворачивать, а парламентарии - в случае неудачной попытки демонстрации силы военными - рискнут устроить высшему военному руководству "Кремлингйт".

В.Б. Вот в возможности появления именно такого синдрома у наших "защитников" я очень и очень сомневаюсь. Ведь по законам человеческой психологии, причем весьма элементарной, мысли у них

должны быть примерно такими: "раз уж мы разогнали в Тбилиси огромные толпы обычными саперными лопатками и газами, то против танков, парочки-другой ПТУРСов, джоины огнеметов (кстати, зачем они хранились в Армении?) в сочетании с теми же или более действенными газами никакие м а с с ы не устоят! Парламентариев же генералы считают либо интеллигентными хлюпиками, либо люмпенизированными баранами. И в выступлениях в Верховном Совете маршалу Ахромееву, пожалуй, лишь телекамеры мешают говорить на привычном ему языке. Так что наиболее brave вояки наверняка думают, что два-три взвода автоматчиков в пятнистых комбинезонах в коридорах власти, то есть в Верховном Совете, будут вполне достаточным убеждением для "парламентских болтунов" выступить с заявлением "о выражении исключительного доверия в этот исторический час единственному гаранту защиты конституционного строя - доблестным Советским Вооруженным силам", а дальше делать все по р е ш е н и я м какого-нибудь Военного комитета национального согласия: вводить в действие новые законы, указы, отменять старые или накладывать на них мораторий (тут уж не одобровать ни Закону о печати, ни Закону об общественных организациях, ни многим другим...). Помните сакральную фразу нашей отечественной истории, произнесенную запекшимися от гнева на "псевдодемократов" устами матроса Железняка: "Караул устал"? И вот этот пример разрешения проблем весьма активно реанимируется на армейских политзанятиях как возможный (хотя открыто так не говорится) образец... "Армия устала слушать болтунов! Нужен твердый порядок, хлеб, мясо и водка в магазинах, шмотки для баб, конфеты для детей! Ах, не можете дать? Тогда - разойдись! Мы и только мы дадим уставшей стране п о р я д о к!"...

М.Г. Володя, я вынужден вас прервать: боюсь, что кинодраматург, сценарист, литератор в вас сейчас берет верх над обычным московским обывателем, какими мы хотим представить себя читателям журнала "Посев"! Все это действительно очень кинематографично, но... Вы тут сами себе противоречите. Порядок (в значении "нормальное существование, как при Брежневе") действительно связан в сознании обывателя в первую очередь с положением дел на продовольственном рынке, а также на рынке промышленных товаров. Пустые магазины - беспорядок, переходящий в б е с п р е д е л... Но что могут сделать военные? Пострелять в воздух и по окнам для острастки? Могут! Арестовать и даже срочно расстрелять "при попытке к бегству за рубеж" десяток-другой наиболее д е м о к р а т и - ч е с к и х народных депутатов? Могут! Вытащить из тайников мафии, сросшейся с партийным и государственным аппаратом (да еще в национальной "обертке"), кучи дорогих вещей, драгоценностей, заморских товаров, в том числе - и "съедобных"? Раздать всё это людям - прямо на улицах или через срочно организованные фонды или низовые ячейки Военного комитета национального согласия? Могут! Батальоны, полки и дивизии смогут даже "развернуть полевые кухни" и раздать утомленным, напуганным согражданам по доброму котелку каши с тушонкой (из стратегических запасов) или пюре из сушеного картофеля (все из тех же запасов) с горбушкой испеченного в полевой пекарне хлеба (мука на это пойдет в основном из таких же запасов). Но смогут ли, способны ли вооруженные силы накормить всю страну и сделать ее сытой на долгие времена? Разумеется - нет! Военные могут уничтожить элементы нового,

только еще складывающегося рынка как основы свободной экономики. Но насытить любой рынок – сталинский, хрущевский, горбачевский или язовской-ахромеевский товарами и продовольствием они просто не в состоянии! Между прочим, именно в этом я усматриваю невозможность организации в СССР чисто военного путча: генералы при всех разговорах об их ограниченности и многочисленных "армейских" анекдотах на самом-то деле достаточно дальновидны. Они понимают, что взятие власти – это условный и технический вопрос, если говорить о столь дорогих Ильичу почте, телеграфе, вокзалах, телефонной станции и пр. На самом же деле сейчас будет власть горбушки – кто даст ее народу, тот и будет править...

В.Б. Но все же часть населения верит в панацею: а вдруг от голода и полной разрухи спасет хоть твердая рука?

М.Г. Боюсь, что так наша дискуссия зайдет в патовую ситуацию. Но у меня в ушах, ей-Богу, продолжают звучать слова одного новгородского дедка, с которым бок о бок я прожил две недели: "Дайте мне м о й клочок сена на м о е м клочке земли. У внучки будет молоко, у старухи – сарафан, у меня – лекарства и чекушка с закусью..." Нужны ему большевики? Хотя дедок этот тоже – хитрован, со своим, хлебопашским конформизмом...

В.Б. Да, вашему новгородскому знакомому большевики не нужны, а их экономическая и политическая система просто противоположны, вредны. Не его ли имел в виду генерал Макашов во время нашумевшего телеинтервью по первой программе ТВ, когда он на фоне кремлевских башен, весь в нашивках и лампассах, под одобрительные улыбки окружающих буквально кричал в телекамеру: "Кто против коммунистической партии?! Ну, покажите, покажите мне его!"

М.Г. Вероятно, чтобы затем увидеть п р о т и в н и к а и в прорезь прицела... А вот генерал Родионов, "герой" тбилисской бойни, сейчас успешно возглавляет академию Генштаба, что на юго-западе Москвы. Какие домашние задания дает он своим слушателям? А полки и дивизии, возвращающиеся из Европы? Ну, допустим, солдат – раз у них истекают сроки службы – распустят по домам. А что будет с тысячами офицеров и их семьями? Офицеров куда-то нужно п р и с т р о и т ь ... Планы явно составляются людьми неглупыми. Один из секретов недавно выдала телепрограмма "На службе Отечеству" (бывшая "Служу Советскому Союзу", которую за неприкрытую лакировку любых рассказов о жизни армии и флота солдаты долго называли "В гостях у сказки") – устами одного из старших офицеров, участвовавшего в телебеседе. Он сказал следующее: "Да, нам предстоит м о б и л и з о в а т ь большое количество офицеров – тех, кто приходит из Восточной Европы..." Каков стиль! Не "трудоустроить", не помочь с "выбором гражданской профессии", а "мобилизовать"! Ну, а дальше этот бравый офицер высказался вполне откровенно: "Надо нам всем – и властям, и депутатам – учитывать, какой организаторский опыт они имеют, какими лидерами могут стать на производстве, в партийном аппарате!..."

В.Б. И такой вид переворота возможен – т и х и й путч! А совершится он вполне благопристойно – путем замены кадров: скомпрометированных аппаратчиков поменяют на уволенных в отставку "честных" офицеров – опытных, обученных...

М.Г. Это - один из вариантов, но не чилийский. Суть его в создании "пятой колонны".

В.Б. Она, может быть, нужна не столько для самостоятельных действий, сколько для поддержки. Армия выйдет на площадь, скажем, для ликвидации национальной резни, еврейских погромов (но с далеко идущими политическими целями), а ее поддержит "пятая колонна" новых аппаратчиков с военной выправкой и бывших "афганцев". Кстати, уж если речь зашла о поводе. В другом месте могут просто призвать армейские части - чтобы обуздать разбушевавшихся забастовщиков, которые, скажем, блокируют какие-то подъездные пути, и у "несчастных детей нет молока, масла и бумажек"... А разве учитываем мы опасность пр а в ы х забастовок? Вы не помните, что указывалось в официальном сообщении о занятии крымскими татарами земель в Симферополе? Говорилось что "русское население возмущено и выступает против". Против чего? Против захвата пустующих земель? Но почему же ты выступаешь против крымского татарина, но не захватил сам этот пустырь и не разбил на нем свой собственный огород? Вероятно, потому, что ты не сам выступаешь пр о т и в, а потому, что тебя з а с т а в и л и или спровоцировали. Русских на татар явно натравили дяди из ГБ и партаппарата... Но каков же результат? Вмешивается армия, чтобы предотвратить "межнациональные конфликты". Под такой маркой в некоторых регионах армия вполне может брать власть (что уже и делается...). Получаются этикие маленькие ярузельские в маленьких польшах черниговского разлива...

Вместо послесловия

В добрых традициях московских кухонь разговор наш продолжался тогда, когда на город упала глубокая ночь. А закончился он уже ранним утром. Ставя на плиту остывший чайник, - дело было в начале восьмого, - столица "начинала новый, трудовой день" - один из нас включил телевизор. В программе "120 минут" шел рассказ об опросе общественного мнения, проведенном осенью 1990 года Институтом социологии АН СССР по объективной западногерманской методике. Результаты опроса показали, что только 32% населения России верят в возможность "насильственного свержения власти". Из них 7% считают, что это сделает армия, а по мнению 12% насильственное свержение власти могут осуществить "народные массы".

Неспешно прокомментируй несколько неожиданную статистику, мы принялись за чай. Но ему было суждено оствовать в чашках: ведущий начал рассказывать о другом опросе общественного мнения - суть его сводилась к тому, чтобы определить, к какой политической партии, силе, социальному институту в стране сейчас больше всего доверия. Большинство информантов - 60%! - такой силой общества называли... Церковь. На втором месте (благодаря 42% голосов опрошенных людей) оказались по степени доверия и популярности экологисты ("зеленые").

Третье место на территории России с результатом в 10% голов сов заняла... армия.

Москва, декабрь 1990 г.

Возрождение казачества

В последнее время в советской прессе не раз встречаются упоминания о начинающемся возрождении Российского казачества, обращении потомков казаков к своим историческим корням, воссоединении оборванных связей между казачьими областями России. Трудно, однако, ожидать, что сегодня, в обстановке, когда политические и национально-территориальные противостояния в СССР захватывают буквально все слои населения, подъем казачьего движения не попытается использовать в своих интересах те или иные круги. И, прежде всего, — те, кто пытается всеми правдами и неправдами (в том числе и спекуляцией национальными интересами) удержаться у власти, незаконно присвоенной в 1917-м году.

Если поверить им, то можно подумать, что все наши казаки — убежденные национал-большевики, последователи одиозной Российской компартии, Полозкова и К°. То и дело встречаешь новые сообщения, что во главе еще одного казачьего объединения оказался офицер МВД... инструктор райкома КПСС... "Как к вам обращаться?" — спрашивают их. "Зовите меня просто — товарищ атаман!" — отвечают они. И это уже не смешно. Советская власть, нещадно резавшая казаков, теперь хочет вытравить из выживших остатки самого духа казачьего!

Между тем, именно создание в Москве нашего Землячества казаков, инициаторами коего выступили мы с друзьями два года назад, во многом дало толчок к пробуждению казаков на местах. Землячество поставило себе главной задачей объединение выходцев из областей казачьих войск и их потомков-москвичей для общения и работы по изучению и возвращению в жизнь культурно-исторического наследия и традиций казачества, поддержание связей с некогда оставленными родными местами, помощь им. Формально Землячество было учреждено при Центре общественных инициатив Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в январе 1990 г., однако задолго до этого уже складывались ряд неформальных казачьих коллективов — и фольклорные, и конный, и военно-исторический (Московский сводный казачий полк).

Когда мы задумывали Землячество, когда собрали людей — все, казалось, были едины в том, что необходима большая работа по возрождению памяти и культуры предков, России в целом, что такая работа способна объединить всех потомков казаков, независимо от их сегодняшних политических взглядов. А откликнулись на наши обращения самые разные люди, в том числе немало коммунистов, офицеров советской армии. К сожалению, оказалось, что для кое-кого из них в сознании продолжают отождествляться понятия социализма и патриотизма, служения нынешней политической системе (сделавшей все для уничтожения казачества как такового) и Отечеству. К тому же и их не минула, увы, страсть собирать и распространять нелепые слухи, разоблачать как "врага народа" всякого, кто мыслит не так, как они. Впрочем, сегодня, по моде, несогласные с фанатичным национал-большевизмом зачисляются в "provokatory", "члены Демократического Союза", "масоны"... И это вместо совместной культурно-возрожденческой работы, конкретных дел! Все встречи первого состава Правления Землячества новоявленные разоблачители пытались свести к постановке под свой контроль любой нашей работы — даже

командовать Воскресной школой пытались поставить офицера (читай – комиссара). Может быть, здесь не стоит называть конкретных людей – ведь они, в конце концов, оказались марионетками, носителями идеологии, привыкшей не терпеть возражений. Именно идеология эта толкала их на раскол. Сначала делали попытки прямыми оскорблениями вынудить покинуть Правление и Землячество тех, кто стоял у его истоков, кто пытался противостоять искусственному привнесению дешевого политиканства и наполеоновских амбиций в его работу. Когда же это не вышло – небольшая группа людей во главе с "атаманом" (писателем и почетным членом МВД), его помощником (поэтом и офицером – заведующим отделом Воениздата) покинула Землячество, сделав ставку на то, чтобы оседлать казачье движение уже по всей стране и командовать им из Москвы.

Таким образом и был собран в Доме культуры "Серп и молот" (символическое название!) так называемый "Всероссийский круг". Собран в обстановке большой тайги от несогласных, весьма спешно – пока действительно не поднялось казачество на местах, пока не прошли там большие и полномочные Круги, не выбраны действительно полномочные представители всех областей. Собирали на этот съезд большей частью выборочно, удобных его организаторам. И думается, совсем не просто так присутствовали на этом съезде сотрудники аппарата ЦК КПСС... Так называемый "Круг" был разыгран точно по сценарию. Сначала собравшиеся избрали "наказным атаманом" совершенно неизвестного им директора московского автокомбината коммуниста Мартынова, а потом уже стали и устав обсуждать под чутким руководством.

Верхом фарисейства было принятие новоявленным "атаманом" присяги на Библии – не имевшим (хотя бы для отвода глаз!) даже нательного крестика. А на вопрос, как он, коммунист, будет чувствовать себя во главе традиционно православного казачества, "товарищ атаман" отвечал: "Ничего, я веротерпимый!". Ну, а несогласным с таким оборотом дела просто не давали говорить. Когда известный исследователь трагедии рассказывания и судьбы Миронина, 80-летний Е. Ф. Лосев попробовал сказать о том, что кое-кто пытается здесь захватить власть над казаками, его силой оттащивали от микрофона, едва не выкручивая руки. Такая вот демократия, такие вот "казаки"! Похоже, это достойные идейные наследники палачей казачества; понимают они это сами или нет, но это так.

Понятно, почему немедленно предоставили свои страницы для освещения прошедшего "Круга" многие советские официальные издания. Правда, ни одна из газет почему-то не рассказала об эпизоде с журналистом Лосевым. Еще бы, он как-то не вписывался в радостный рассказ о советских казаках. Но дальше пошло еще интересней: с позиции инициаторов съезда заговорила и так называемая "независимая пресса", давая слово "товарищам атаманам". Так, довольно известная газета "Коммерсант" рассказала о встрече С. Станкевича, заместителя Председателя Моссовета, с "настоящим казачьим атаманом" Мартыновым – как будто все так и должно быть, и коммунисты всегда командовали казаками, а не резали их.

В поисках широкой общественной поддержки и Станкевич говорит сегодня о "национальном примирении", "примирении сословий" и т. д. Как будто не стоят до сих пор у власти наследники убийц, пришедших к власти в 1917-м, как будто покаяться палачи, как будто не празднуем мы уже годовщину Октябрьского переворота, после

которого и принялись уничтожать Российские сословия. Для фальшивого примирения, для обмана Запада (после чего могут последовать новый геноцид и новое строительство "светлого будущего") и нужны коммунистам "товарищ атаман" со компанией. В стране, правда, многие это поняли. Обидно будет только, если обманутся в своих надеждах на действительное возрождение казачества те, кто пока еще вообще ничего не знал о происходящем, в том числе и наши соотечественники в Русском зарубежье, если они решат, что все разговоры у нас здесь о казаках – лишь очередной маневр советской власти.

Наша Землячество тем временем продолжает свою деятельность, разбираемся с конной базой и хозяйством в Подмоскowie. Начали издательскую работу. Возвращается в наш быт и общение традиционная казачья форма. Выступают наши фольклорные коллективы, участвуют в проведении фольклорно-этнографических экспедиций. Действует в составе Землячества профессиональная конно-трюковая группа "Казачи", собирается Московский сводный казачий полк.

Особое значение в работе с молодыми мы придаем военно-историческому направлению. Казаки – сословие воинское, и сами внешний облик, одежда, культура и традиции его складывались в условиях походной жизни, опасностей пограничья и освоения новых земель, постоянной готовности оторваться от лемеха плуга и взяться за висящую на бедре шашку, ощущения себя христианским рыцарством и оплотом Православия, Отечества...

Что из воинских традиций наиболее важно для нас сегодня, тем более – в Москве? В первую очередь, может быть, – сам дух казачий, вольность казачья, всегда понимаемые как добровольное служение родной земле – и тесно связанные с идеей Российского самодержавия, с идеей необходимости восстановления его в России.

Иной раз, правда, услышишь недоумение: как же так, вольница казачья – и рядом "За Веру, Царя и Отечество!". Но вольность казака, русского – это ведь не свобода в современном расхожем смысле слова (что хочу, то и делаю, свобода ото всех обязанностей). Это изначальная свобода души и высокая ответственность: перед своими близкими, перед родной землей, перед памятью и Верой дедов и клятвами их. Это осознание и добровольно-жертвенное служение добру и истине. И всегда казаки ставили во главу угла защиту Православия, а для верующего, кстати, Монархия на земле – своего рода "калька" устройства небесного. И здесь еще раз вернусь к очерку С. Овчинникова, напечатанного в журнале "Кубань":

"Генеалогия казачества тесно связана с одной из форм христианского подвижничества, именуемого воинством или рыцарством... К идеалам служения «Вере», «Отечеству» казак с необходимостью добавлял и третий, нерасторжимый в совокупности – «Царю». Перед нами одна из загадок казачьего характера. Как получилось, что в символе служения Запорожской Сечи «За Веру, Отечество и вольность» позднее была произведена замена последней на «Царя»? Видимо, в представлении прошлого века между ними было нечто согласное, общее, что давало основание на их взаимодополнении и даже заменяемость. Это «общее» происходило от идеального религиозного осмысления понятий, когда истинная «Вольность» воспринималась как реализация предельного личного права на отсечение собственной воли, а «самодержавие» – как вольное изъятие Божьей правды и милости через монарха. Расширяя пределы представления об Отечестве от Запорожской Сечи до Российского государства, казак по необходимости должен был принять и идею государственности в той форме, в какой она испокон века существовала на Руси.

Принятие христианства на Руси сильно способствовало изменению великокняжеского единоначалия в сторону подотчетности надмирным принципам Православия, так что к XVI веку уже была выработана полная форма христианской монархической идеи: «Земля правится Божиим милосердием и Пречистия Богородицы милостию и Всех Святых молитвами и родителей наших благословением и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводи, и иже ипаты и стратиго» (В. Соловьев). Такое понимание самодержавия и было наследовано казачеством. Казак служил своему земному царю, зная, что и тот не свободен от службы Царю Небесному.

Уже во времена Александра Миротворца наследник Цесаревич почитался в России Августейшим атаманом всех казачьих войск. История сохранила нам много неподдельных свидетельств большой любви населения казачьих областей к своему монарху... «На то казак родился, чтобы Царю пригодился», – говаривали на Кубани: в теократической модели мира, каковой в известном смысле являлась всякая икона, казачеству соответствовал бы канон «Церкви воинствующей», оберегающей своего Домоправителя».

Так и было: личный конвой его Императорского Величества недаром набирался из казаков...

Поэтому-то, наверное, в день Покрова Божией Матери в этом году наши ребята совершенно осознанно после торжественного молебна по случаю общеказачьего праздника произносили текст грядущего: "...Споспешествовать, – по крайнему разумению, силе и возможности, – законному восстановлению Российского Императорского Престола и власти Помазанника Божьего, Православной Церкви и Всероссийским Земским Собором указанного...", а на освященном Российском трехцветном знамени был исторический герб державы нашей – двуглавый орел.

Разумеется, наследование великих традиций многовекового казачества накладывает особую ответственность: помимо чисто воинской подготовки (владение рукопашным боем, традиционным казачьим холодным оружием, конем), и даже в первую очередь была начата подготовка духовная, нравственная (наша воскресная школа, привлечение ребят к борьбе за сохранение и восстановление исторического наследия, традиций и памятников народа).

Здесь хочется остановиться на некоторых отличиях Московского Свободного казачьего полка от клубов и подразделений Военно-исторической федерации России. При всем глубоком уважении к знаниям специалистов ВИКа по Русской военной истории, стремлению до мелочей изучить и восстановить военную форму различных полков Русской армии, нельзя не отметить, что для многих из них это превращается в самоцель, в дешевый маскарад, в игру. Тут исчезает забота о том, что у человека под красивым мундиром, в душе, исчезает осознанное понимание, для чего и во имя чего существуют сами полки – ведь не для заполнения лишь досуга интересной игрой? Отсюда и случаи пьянства на мероприятиях (совершенно невозможные для казаков наших), и абсурд участия в них вместе с кем угодно (например, в форме императорской армии – под красным знаменем в какой-нибудь день 23 февраля). Мы не так, может быть, точны в деталях той же формы, зато стараемся помнить, что "казачество – не так по крови, как состояние духа!", что казачество – это служение Родине, служение в разных формах. Так, ребята одного из наших взводов летом остановили снос старинной усадьбы в центре Москвы, установили там круглосуточное боевое дежурство, предложили превратить усадьбу в культурный центр района и наше Казачье Подворье. И на это им не нужен никакой приказ, это

было подлинно веление души. И для меня лично это было в миллион раз важнее того, насколько соответствует выпущка на погонах у ребят положению армии на такой-то год.

Конечно, много трудностей: и разрозненность усилий различных патриотических организаций, и попытки претензий на руководство со стороны национал-большевиков, и сложность общения с государственной нынешней армией... Вот только последний пример. Московский Сводный казачий полк вместе с московским гренадерским полком и рядом других общественных объединений отмечает годовщину рождения знаменитого Белого генерала – М. Д. Скобелева. Приглашения и на построение у памятника Героям Плевны, и на вечер в Болгарском культурном центре раздаются в столичные военные училища. И – никого из советской армии на построении и вечере, как и потом в поездке к могиле Скобелева в селе Спасское-Заборово на юге Рязанской области. Чего же стоят тогда декларации, будто советская армия наследует традиции армии Русской? Зато в газете своей "Сын Отечества" Министерство обороны поспешило и посмеяться над порывом и формой ребят, промокших под дождем у памятника Героям Плевны, и оболгать их...

Из прошедших мероприятий хочется также отметить проведение панихиды по казакам Русской армии, "за Веру и Отечество живот положившим" – Корнилову, Каледину, Дугову, Шкуро, Мамонтову, Покровскому, Семенову, Краснову... участие в целом ряде встреч, выставок, посвященных памяти Государя Николая II и его семьи, в подготовке и проведении в Центре общественных инициатив ВООПИИК Дворянского Собраниа, организации торжественного молебна в день общеказачьего праздника Покрова Божией Матери в храме Большого Вознесения в Москве... Налаживаются тесные связи с местами (так, недавно провели митинг и демонстрацию в поддержку требований Сибирских и Уральских казаков, оказавшихся в результате произвольного проведения границ в 20–30-х годах в Казахстане, о воссоединении с Россией), в том числе и экономические. Участвуем в реставрации памятников, издании литературы.

Впрочем, обо всем не расскажешь – да и зачем? Мы только в начале пути. Само возникновение Землячества в Москве, послужившее примером для многих казачьих объединений, надеемся, сыграло свою роль в возрождении казачества на местах. А попытки увести казаков в сторону, поставить их на службу пытающимся удержаться у власти последователям Ленина-Троцкого, думаа, обречены на провал. Казаки возвращаются – значит, возвращается и Россия, как и прежде, казаки связывают свою жизнь со служением Отечеству.

Особые надежды наши – на непосредственные связи с потомками казаков за рубежом, привлечение их к совместной работе по возрождению и самого казачества, и России, на создание землячества казаков и россиян вообще за пределами Родины, сохранение в них культуры и традиций России.

В заключение хочется пригласить всех на выставку "Казаки: история и современность", которую наше Землячество проводит в зале Общества охраны памятников на улице Разина с декабря 1990 года. Будем рады встретиться на ней с нашими братьями, друзьями и единомышленниками. А связаться с нами можно по адресу: Москва, 103012, ул. Разина, 8, ВООПИИК, Землячество казаков. Телефон: 298-56.02.

Георгий Кокунько,

член Правления Землячества казаков в Москве

Бег на месте

Александр ЮГОВ

Издание рабочего движения Кузбасса "Наша газета" выходит всего год, с 11 декабря 1989 года. Ее соучредитель – совет рабочих комитетов Кузбасса. Рожденная во время потрясшей страну забастовки кузнецких шахтеров осенью 1989 года, "Наша газета" менее чем за год завоевала огромную популярность среди трудящихся Кузнецкого бассейна и даже за его пределами.

В конце октября 1990 года "Наша газета" опубликовала "Путь к будущей России" – политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Предваряя эту публикацию, она писала:

"В одном из предыдущих номеров "НГ" мы опубликовали интервью с одним из лидеров НТС Борисом Миллером. Эмигрантская организация, которой, как букой, столько лет пугали нас мастера дезинформации из КГБ, предстала в нормальном человеческом облике. Оказалось, что отнюдь не разрушение России – цель, которую преследуют эмигранты первого и последующего поколений, но ее возрождение, вход в семью цивилизованных государств, возвращение российской славы. Путь к этому – построение нормально функционирующей экономической системы, создание гражданского общества, правового государства.

В отличие от многих политических течений солидаристы создали за несколько десятилетий своего существования комплексную программу преобразований в России. В сущности, хочет она этого или не хочет, горбачевская перестройка идет путем, предугаданным именно солидаристами. Разумеется, спотыкаясь и оглядываясь на "завоевания социализма", но... Другого пути, похоже, просто нет".

Нужно добавить, что солидаристы не только предугадали путь перестройки, но и напряженно разрабатывали теоретические основы и последовательные вехи кардинальной (радикальной, революционной) перестройки народного хозяйства. Это выразилось в более чем тридцатилетнем совершенствовании Программы НТС (опубликована отдельным изданием в 1975 году издательством "Посев"); в разработанных в 1981 году "Основах обновления народного хозяйства" (опубликованы в "Посеве" № 4, 1982 г.; брошюра с "Основами" и дискуссионными статьями из "Посева" распространялась в стране в 1983–84 гг.); в политических основах НТС "Путь к будущей России", разработанных в 1986 году ("Посев" № 2, 1987). Неизменно, даже в годы горбачевской перестройки, все это распространялось в стране нелегально, лишь в последний год – полулегально.

Так что солидаристы не только "предугадали" путь, которым идет (или, точнее, должна идти) перестройка. Все гораздо серьезнее: они тщательно, в течение длительного времени, идейно и последовательно разрабатывали основные вехи этого пути. Если внимательно прочесть программные документы НТС, то легко убедиться, что в них в той или иной комбинации заложены основные принципы и этапы

перехода к социально-рыночной экономике и правовому государству. Как правильно пишет "Наша газета", другого пути просто нет.

"Ага! – воскликнет тут иной советский человек, человек из очереди, длинной и озлобленной. – Так вот кто главный виновник наших сегодняшних бед! А мы-то все ищем, кого только не называем! А главный виновник-то, оказывается, рядом!"

Идти по тому же намеченному пути можно по-разному. Можно ползти. Можно шататься, как пьяный, от одной обочины к другой, сваливаясь в канавы. Можно, наконец, как рак пятиться назад.

Перейдем от аллюзий к конкретным доказательствам. В мае 1987 года Совет НТС принял резолюцию "Не надеяться, а действовать". Эта резолюция, как обычно, была опубликована в "Посеве" (№ 8, 1987) и также распространялась в стране подпольно, "полумассовым" тиражом. Собственно, и по сей день материалы НТС, как и журнал "Посев", в "открытой и демократизированной" стране распространяются подпольно. Узаконивать их печатание и распространение власти явно не желают. Наверное, чтобы скрыть вторичность и подражательность горбачевских перестроечных программ...

В указанной резолюции были перечислены 8 конструктивных пунктов: то, что власть в тот момент должна была сделать. Какие-то пункты, признаем объективности ради, были затем выполнены – с той или иной мерой запоздания. Прекращена война в Афганистане и выведены оттуда войска (п. 7). Правда, продолжается помощь режиму Наджибуллы оружием и продовольствием: за свои ошибки верхушка КПСС расплачивается из народного кармана. Ликвидирован Главлит (п. 4). Правда, газеты, журналы и книгоиздательства на самокупаемость еще не переведены; сейчас, через 4 года, этот процесс лишь в самом начале. Лишь частично сняты "ограничения в области обмена научно-технической, статистической и прочей информацией" (п. 5). Главное, однако, в том, что абсолютно не выполнены три первых пункта резолюции. А ведь их порядок, с точки зрения важности для экономики страны, указан не случайно.

1. Предоставить колхозникам реальную возможность самим решать все вопросы производства, сбыта продукции и оплаты труда. Если в тех или иных местах крестьяне, работающие в колхозах и совхозах, считают более выгодным переход к единоличной обработке земли, - рассматривать это как "эксперимент" и не препятствовать ему.

2. Распространить закон об индивидуальной трудовой деятельности на сельское хозяйство и торговлю...

3. Восстановить производственные артели, закрепив законом их статус, права и обязанности".

Первый, основополагающий пункт конструктивных предложений НТС говорит о свободе выбора крестьянами системы землепользования. Именно в таком виде это требование входило во все редакции Программы НТС. Российские солидаристы всегда были непримиримыми противниками колхозно-совхозной системы, еще в 1930-е годы в газете НТС "За Россию" можно найти характеристику этому порочному марксистско-ленинско-сталинскому детищу - к ней и сегодня ни прибавить, ни убавить. Однако никогда Программа НТС не употребляла таких радикальных выражений, как "разогнать", "ликвидировать" и т. п., всегда говорила о свободе в ы б о р а. Что это означает на практике? А то, что крестьяне в зажиточных (по советским меркам) колхозах не сразу бы стали выделяться со

своим наделом земли. Такие колхозы (и трансформированные в них совхозы) скорее всего прошли бы промежуточный этап разукрупнения. В то время как полностью обанкротившиеся колхозы и совхозы наверняка распались бы сразу. Выполнялось бы правило: начинать капитальный ремонт там, где здание повреждено больше всего. Тем самым были бы самортизированы самые опасные первые годы обратного "великого перелома", годы, которых не без основания страшатся.

Необходимо отметить, что после напряженных и горячих споров общественное мнение страны все больше склоняется именно к такому гибкому, "амортизационному" решению проблемы. Однако минимум четыре года потеряно безвозвратно.

Второй пункт резолюции Совета НТС 1987 года естественно вытекает из первого. Смешно говорить о приватизации торговли, если нечем торговать. Приватизация торговли должна идти по пятам приватизации сельского хозяйства. С той или иной степенью полноты и последовательности это и произошло в процессе реформ в Венгрии, в Китае или в Польше.

Третий пункт процитированной резолюции говорит о производственных артелях. Интересна, кстати, семантика вопроса. Почему в народное сознание упорно внедряется иностранное слово "кооператив" вместо существовавшего русского аналога "артель"? Ведь речь идет об одном и том же - о групповой форме собственности. Не для того ли, чтобы не напоминать людям, что артели в дореволюционной России отлично работали и развивались, но после Великого Октября были начисто ликвидированы большевиками? Однако применение иностранного термина несет с собой вполне понятную отрицательную нагрузку. Тем более, если внедрение кооперативов в народное хозяйство происходит неправильно, как говорится, не с того конца.

В резолюции Совета НТС не случайно говорится именно о п р о и з в о д с т в е н н ы х артелях (кооперативах). Именно производственные, а не разного рода посреднические (зачастую просто прикрыто-спекулятивные) кооперативы нужны экономике страны в первую очередь. Именно они должны были стать конкурентным катализатором для разгосударствления мелких и средних предприятий, причем не только в сфере обслуживания, но и в области промышленного производства. Но как раз перед производственными кооперативами встают наибольшие преграды. Ими недовольны ведомственные и местные власти (переманивают лучших рабочих!); их разоряют непосильным налогом; они испытывают непреодолимые трудности в добычании сырья, топлива и т. д. Процветают совсем другие кооперативы, с ярко выраженным "шашлычным принципом": купить на государственной базе с наценкой тонну полутухлого мяса, скотить пережаренные шашлыки, получить 500% чистой прибыли, раскрыть ее от налога, поскорее перевести деньги в валюту, а затем - в иностранные банки. Так воспитываются не отечественные "менеджеры", но международные жулики.

Как видим, и в этом пункте НТС призывал совсем не к такому "развитию кооперативов". Половинчатость и неправильная последовательность - верный способ компрометации. В данном случае - групповой формы собственности.

Что же сделано в стране за четыре последних года по указанным конструктивным пунктам? Практически ничего. Ничего, кроме бесконечных разговоров на всевозможных высоких и полувисоких

уровнях. Так можно ли это считать "движением по тому же самому пути"? Это - имитация движения, бег на месте. Если не сказать хуже - полупьяное шатание от одной обочины дороги к другой. Так реформы не делаются. Что стало бы с земельной реформой Столыпина-Кривошеина, если бы ее "осуществляли" таким образом?

В феврале 1989 г. Совет НТС принимает резолюцию "Не перестраивать, а строить заново". В ней уже явно сквозит раздражение от пустопорожних разговоров за почти четыре года объявленной "революционной перестройки". В главе "Экономическое оздоровление" Совет НТС занимается уже буквально ликбезом:

- *Предприятия* должны иметь возможности сами решать, что, как, где, когда и сколько производить, сами находить поставщиков и покупателей, сами решать вопросы о найме и увольнении рабочих, капиталовложении, организационных и технических усовершенствованиях. Ответственность вести хозяйство можно, только добиваясь прибыли в условиях конкуренции, ограниченной общими законами о защите потребителя и окружающей среды.

- Рыночные отношения в первую очередь необходимы в *сельском хозяйстве*. Полновластное владение землей и средствами производства, свободный выбор форм землепользования, хозяйственная инициатива, свободный труд обеспечат продовольствие в объеме, достаточном для удовлетворения нужд страны.

- Нужна отстройка *правовой и хозяйственной структур* рыночного хозяйства, включая систему банковских кредитов и страховых учреждений. Система государственного управления денежным обращением должна в условиях свободного рынка противодействовать инфляции.

О том, что рыночные отношения в первую очередь нужно вводить в сельском хозяйстве, "Посев" писал неоднократно, подробно аргументируя эту первоочередность. И было это еще за несколько лет до начала горбачевской перестройки. В ходе ее зазвучали аналогичные голоса специалистов внутри страны (О. Богомолов, В. Тихонов, В. Узун, Ю. Черниченко, Н. Шмелев и др.). Сегодня, глядя на пустые полки продовольственных магазинов, о том же самом, уже как об аксиоме, говорят многие. Но лишь сейчас, через почти шесть лет после начала "революционной перестройки", вопрос о частной собственности на землю выносится на всенародное обсуждение и референдум. Сколько же еще времени займет эта грандиозная процедура? Тем более, что ее, согласно честных правил, нужно проводить лишь после длительного и объективного доведения до населения всех многочисленных "за" и "против", после развернутых газетных и телевизионных дискуссий. А пока - так все и останется? Как будто страна живет в безвоздушном пространстве, как будто мировая практика еще не доказала, что именно там, где существует полноценное хозяйское право крестьянина на с в о й участок земли, наилучшим образом разрешили продовольственные проблемы! Причем не только себя обеспечивают всем необходимым, но и вывозят излишки в бедные, перенаселенные страны, а также в страны победившего социализма, где частной собственности на землю либо не существует вовсе, либо она существенно ограничена.

Когда свыше 60 лет назад большевики осуществили полную коллективизацию, с отчуждением земли, скота, крестьянского инвентаря, - тогда они референдума не проводили. А теперь, видите ли, без него невозможно. Так что, если будет 51% голосов "за", то

приватизацию земли можно проводить, а если всего 49% - то нельзя? Где и когда архитекторы кардинальных реформ получали полную страховку прямым народным голосованием? При подобном подходе многие страны и по сей день ожидали бы необходимых реформ. Ибо почти всегда они связаны с непопулярными мерами, тем более в нашем случае - при испорченной за 70 лет народной ментальности.

Разумеется, при реформе землевладения должны быть приняты разумные ограничения: недопущение образования латифундий, продажи земли иностранным подрядчикам, использование наделов в несельскохозяйственных спекулятивных целях и т. п. Но это все давно учтено в законодательстве развитых стран, надо лишь разумно перенять, с учетом местной и переходной специфики. Сегодня же жизненно важно в кратчайший срок пробудить у крестьянина инициативу, энергию, хозяйское честолюбие. Если с такой реанимацией уже вообще трагически не опоздали.

Еще один пункт этой резолюции Совета НТС - о возможности для предприятий самим решать насущные проблемы своего существования. Об этом "прорабы перестройки" заговорили еще в 1985 году. Тогда в ходу была "само"-триада: самокупаемость, самофинансирование, самоуправление предприятий. Твердили об этих прекрасных вещах много, но ничего не менялось. Как вроде бы "прорабы перестройки" во главе с Горбачевым занимались самоудовлетворением. И лишь почти через пять лет, вслед за начальным громким "А" последовало необходимое "Б": в стране должно быть разнообразие конкурирующих между собой форм собственности! А следовательно - решительная денационализация.

Во что должна трансформироваться большая часть 46 тысяч государственных предприятий - вопрос очень сложный, не имеющий однозначного решения. Ясно лишь, что форма собственности предприятия не может не зависеть от его размеров, технологического цикла, предназначения, потенциальных перспектив развития. Не может быть шаблонов решения, одинаково подходящего для совершенно разных предприятий. Все предлагаемые сейчас варианты разгосударствления (аренда, широкое акционирование, акции только среди работников предприятия, групповая форма собственности в чистом виде, смешанные государственно-акционерные предприятия и т. д.) должны иметь конкретно-прикладной характер, должны наилучшим образом подходить именно для предприятий данного типа. А главное: все эти формы собственности не должны рассматриваться как окончательные, они могут и даже обязаны меняться - в зависимости от требований роста эффективности. Иными словами, на развалинах одной идеологической догмы не должна произрастать другая. Руководствоваться нужно исключительно здравым смыслом и инициативой производственного коллектива.

Однако еще более важным на сегодняшний день (увы, не на позавчерашний!) представляется порядок, последовательность перехода на рыночные рельсы. В свое время на страницах "Посева" не раз вспыхивали дискуссии на эту тему. В разработанных 9 лет назад "Основах обновления народного хозяйства" указывалось, что нереален одновременный переход на рыночные рельсы всех или хотя бы большинства промышленных предприятий. Хотя это и было бы, наверное, самым простым и быстрым решением. Однако для такого единовременного перехода абсолютно нет сопутствующих условий. Главное пре-

пятствие – нерентабельность огромного количества предприятий, по некоторым подсчетам, – до 60%. Как и положено при зрелом социализме, одни предприятия выпускают не нужную населению продукцию, а другие служат их смежниками, поставщиками либо вынужденными потребителями такой продукции. При переходе к рынку одним Большим Скачком все работники на них вдруг стали бы безработными. Ни с какой стороны – материальной, профессиональной, социальной, психологической – население страны к такому обороту событий не готово, и социальный взрыв при этом был бы неминуем.

В "Основах" выдвигался и последовательный принцип: в первую очередь к рынку должны перейти предприятия, *непосредственно работающие на частного потребителя*, выпускающие товары широкого и длительного спроса. После эйфории первых лет перестройки, охватившей даже многих известных экономистов, к аналогичному выводу приходят все чаще. Характерен, например, конечный вывод, к которому пришли три автора-экономиста в статье, опубликованной "в дискуссионном порядке":

"Свободу от административных пут поэтому должен первым получить тот трудовой коллектив, который непосредственно работает на потребительский рынок, чья самостоятельность может эффективно регулироваться населением путем ежедневного голосования рублем в магазинах. Шаг за шагом эту самостоятельность следует распространять на его смежников, "в глубь" экономики, доходя в конечном счете до нефтяников и шахтеров. Причем на каждом этапе хозяйственная свобода должна предоставляться предприятию в момент, когда его деятельность уже регулируется населением, то есть когда на место административного диктата заступает контроль потребительского рубля и не возникает столь опасной "мертвой зоны" безвластия, где не действуют ни старые, ни новые отношения и интересы" (П. Медведев, И. Нит, Л. Фрейнкман. Власть, деньги, свобода. "Коммунист" № 14, сентябрь 1990 г.).

Это фактически то же самое, что разработчики НТС писали в 1981 году. Сколько же лет можно топтаться на месте?!

Повторим, однако, что в условиях охватившего страну жестокого продовольственного кризиса не пройдет даже самая лучшая последовательность реформ в промышленности. Голодные нефтяники и шахтеры не будут ждать, когда до них дойдет перестроечная очередь. Да и уже не ждут. В ненакормленной стране никакие реформы невозможны – ни хорошие, ни самые лучшие. Сейчас, потеряв много лет, надо приниматься за сельское хозяйство уже в аварийном порядке.

*

Так кто же виноват в том, что после шести лет перестройки время "застоя" выглядит чуть ли не потерянными раем? Нет другого пути, кроме кардинальных экономических преобразований, это верно. Но это не значит, что на таком единственно верном пути можно топтаться на месте или, тем более, заворачивать не в ту сторону. Наоборот, чем труднее и неизведанней дорога, тем более выверенным должен быть каждый шаг. Бег на месте никого и никогда не приводил к успеху. Это только в шутку у Высоцкого "бег на месте – общеукрепляющий". В экономике бег на месте – общеразрушающий. Недостаточно "идти тем же путем", – надо действительно и д т и. И идти правильно.

Заряд осторожного оптимизма

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Человек издавна стремится к объединению. И это естественно: защитить групповые интересы удобнее всего коллективно. Если в древние времена люди, объединившись, убивали диких зверей, то в наше время, объединившись, побеждают идейных и политических противников. Интересы человека многогранны: от профессиональных и бытовых до региональных и политических. В коллективах люди имеют значительный шанс влиять на общественные процессы. Да и демократия, к которой мы все стремимся, невозможна без самоорганизации общества.

Еще Лев Толстой считал, что главными факторами социальной реформы являются самовоспитание, воспитание других и нравственное самоусовершенствование. Коренные перемены, наиболее прочные, происходят не там, где сороятся или убивают друг друга, но там, где происходят незаметные для глаз изменения. Это важно для российской оппозиции, добивающейся радикального переустройства общества.

Признак здорового общества – множество разнообразных и энергично действующих объединений людей. Среди объединений особое положение занимают политические партии. Особенно те из них, кто претендует на доступ к государственной власти. Тема эта сейчас стала животрепещущей: завершается безраздельное господство в политической жизни страны единственной организованной силы – массовой партии, реально построенной на началах строгого централизма, который обеспечивал политический контроль практически над всеми звеньями общества, а также эффективное распространение и дублирование исходивших из единого центра команд.

После многомесячных дискуссий Верховный Совет СССР принял 9 октября Закон "Об общественных объединениях" ("Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР", № 42, 17. 10. 1990), закладывающий правовые основы для развития многопартийности в нашей стране. Закон был принят парламентом весьма ощутимым большинством голосов, но удовлетворил далеко не всех депутатов. Со скрипом, к примеру, протекал процесс создания параграфов ст. 16. Они касались правового положения политических партий и их членов в вооруженных силах и в правоохранительных органах.

Отныне граждане нашей страны (если верить закону) официально допускаются к самостоятельной политической жизни. Введена в правовые рамки деятельность многочисленных партий и массовых движений, появившихся в последние годы. Законодательно определены принципы создания общественных объединений, их права и условия деятельности, запрещено вмешательство в их деятельность государственных органов и должностных лиц.

Правила игры

Каковы же правила игры, предусмотренные новым законом? Мы имеем возможность сравнить его с правовой регламентацией деятельности партий в западных странах, а также с проектом "Закона Латвийской Республики о партиях и общественно-политических организациях" и с Инициативным авторским проектом "Закона об общественных объединениях граждан (о свободе союзов) в СССР", созданным юристами С. Солдатовым, С. Станкевичем и М. Федотовым.

Полистаем закон, опирающийся, как это видно из преамбулы, на идеалы Всеобщей декларации прав человека. Сам перечень списка общественных объединений показывает, что законодатель ставит в один ряд и организации инвалидов, и детские организации, и политические партии. А разве это правильно? Роль партий в обществе столь велика, что описание характеристик, целей и задач партий требует самостоятельного закона.

Закрепление в правовых актах роли и функций партий – официальное признание со стороны государства их значимости в политическом механизме осуществления власти. Сами партии заинтересованы в юридическом закреплении их статуса. Это обеспечивает им определенную защиту от произвола административных и полицейских органов. Это создает формальные гарантии соблюдения их прав и законных интересов.

Отсутствие закона и четких положений уже привело к печальным результатам: в сфере многопартийности хозяйничает КГБ. Известный юрист Валерий Савицкий поделился на страницах "Литературной газеты" (14. 11. 1990) своими страхами. Он сказал, что подчиненный руководству КПСС политизированный КГБ по-прежнему занят политическим сыском: тотально внедряется не только в личную жизнь граждан, но и в государственные и общественные структуры (в том числе во вновь образованные партии).

Страхи правоведа не беспочвенны. Они основаны не только на разоблачениях бывших сотрудников и агентов госбезопасности, но и на мнении авторитетного лица, начальника управления Прокуратуры СССР по надзору за исполнением законов в КГБ СССР В. Илюхина. В той же газете ("ЛГ", 17. 10. 1990) он заявил, что, мол, без внедрения в структуры новых партий нельзя выявить те угрожающие конституционному строю хорошо законспирированные в разных партиях и движениях экстремистские группы.

Приведем эту часть диалога журналиста Игоря Гамаюнова с Виктором Илюхиным:

"И. Г. Не представляю себе, как может закон регулировать деятельность лиц, выдающих себя не за тех, кто они есть. Лиц, внедренных, например, в христианско-демократическое движение, в социал-демократическую и другие парламентские партии, стоящие на позициях ненасильственного преобразования общества.

В. И. Но почему вы не допускаете мысль, что и в таких партиях могут появиться группы экстремистского толка, в которых будут зреть тайные взрывные силы, неведомые даже руководящей элите той или иной партии? Такое экстремистское крыло может исподволь готовиться к насильственному захвату власти, формировать вооруженные отряды боевиков".

Исходя именно из этой чудовищной концепции, Прокуратура СССР и дала КГБ "добро" на внедрение шпионов во все формирующиеся в стране партии.

Такая политика КПСС-КГБ шизофренична. В западных странах подобные группы выявляются без тотальной слежки. Там экстремизм не может быть угрожающей государству силой, потому что развитая многопартийность порождает парламентские способы борьбы за власть. "А власть одной партии, - верно подмечает В. Савицкий, - загоняющая в подполье многообразие взглядов и мнений, неизбежно должна создать репрессивный механизм, истребляющий инакомыслие. Именно этот-то механизм и провоцирует ответное насилие. Такова диалектика".

Не откроем секрета, если скажем, что в цивилизованных странах государство само финансирует деятельность партий. Правда, финансирование сопряжено с контролем со стороны государства. Поэтому издание нормативных актов, посвященных деятельности партий, служит одним из способов поставить их деятельность в заранее определенные рамки.

Положения о политических партиях были включены в Основной Закон ФРГ (1949 г.), конституции Италии (1947 г.), Франции (1958 г.), Швеции (1974 г.), Греции (1975 г.), Португалии (1976 г.), Испании (1978 г.). В ряде стран были приняты специальные нормативные акты, прямо касающиеся деятельности партий. Среди них Закон о контроле над политическими фондами Японии (1948 г.), постановление о правительственном финансировании партий Швеции (1965 г.), Закон о финансировании федеральных избирательных кампаний США (1974 г.). Практически во всех странах избирательное законодательство содержит нормы, регулирующие участие партий в избирательном процессе. До недавнего времени в мировой практике было одно позорное исключение: Советский Союз.

В ст. 3 говорится о недопущении объединений, имеющих целью или методом действий свержение, насильственное изменение конституционного строя или насильственное нарушение единства территории СССР, пропаганду войны, насилия и жестокости, разжигание социальной, в том числе классовой, а также расовой, национальной и религиозной розни. Запрещается создание общественных военизированных объединений и вооруженных формирований.

Кто же против борьбы с насилием и экстремизмом? Печально другое: а судьи кто? Функция селекции партий принадлежит органу, сформированному еще Сталиным и Берия. И тут не успокоит нас "честное пионерское", произнесенное с высокой трибуны шефом ГБ Крючковым - дескать, не подумайте про нас чего-нибудь эдакого: нынешний комитет уже не тот, здорово изменился со сталинского времени. Но нас не проведешь: мы-то хорошо знаем, что комитетчики называют себя "вооруженным отрядом партии", что поведение служивых меняется не по щучьему велению и крючковскому хотению, а в зависимости от изменения структур и стратегических целей их ведомства.

Особо остро сейчас стоит вопрос об освобождении общества от окостеневших структур тоталитаризма. В первую очередь, от окостеневшей структуры тайной полиции - КГБ СССР. Железным корсетом сковала эта "партбезопасность" здоровый организм российского гражданского общества.

Приведем мнение профессионала:

"Обслуживая, прежде всего, правящую партию, а точнее – ее руководителя, ибо органы госбезопасности всегда были инструментами личной власти, они отражают волю лидера, его умонастроения. Но они же и подпитывают его своей «эксклюзивной» информацией, формируют его представления об окружающем мире, людях, событиях.

В последнее время усилились разговоры о необходимости реформ в КГБ. Подготовлен законопроект по этому поводу, но из него следует, что КГБ полностью сохраняет свою структуру и функции в том виде, в каком они существовали и пять, и двадцать пять лет назад...

Впрочем, для рядового гражданина закон о госбезопасности это кот в мешке. Он чувствует на собственной шкуре, всем своим нутром, что всеилию органов не видно конца. И действительно, основа, содержание работы, дух этих органов сохранились в первоизданном виде до наших дней. Во многом они заимствованы из арсенала царской охранки, ее документов и наставлений. Это политический сыск, борьба с инакомыслием. Если говорить точнее, это вербовка агентуры в стане политических противников; это засылка в их ряды своей агентуры из числа симпатизирующих и сочувствующих; это дискредитация активистов движения; это нейтрализация движения в целом и это его разложение как конечная цель, как конечный итог всей деятельности." (О. Д. Калугин. Перерождение. "Вечерняя Москва", 3. 11. 1990).

Порядок образования партий

Следует отметить, что в ряде стран порядок образования партий не урегулирован правом. Организация партии трактуется как частное дело граждан и осуществляется на основе свободы объединения: партия считается существующей уже в силу провозглашения самой себя в качестве таковой. К таким странам относятся Великобритания, Австралия, Новая Зеландия.

Во вторую группу входят страны, законодательство которых не требует формальной регистрации партий в каком-либо государственном органе. Вместе с тем, согласно предписаниям права этих стран, организация приобретает статус партии лишь после представления в компетентные инстанции строго определенных документов. Такой порядок существует в ФРГ и Австрии. В ФРГ, в частности, партии обязаны представить председателю Федеральной избирательной комиссии сведения о своей программе, уставе и правлении. По Закону о партиях Австрии, с представлением устава в министерство внутренних дел политическая партия приобретает статус юридического лица.

Третью группу составляют страны, в правовых актах которых предусмотрена обязательная регистрация партий. Полномочиями регистрации наделяются различные государственные органы. В Испании, Италии, Франции это министерства внутренних дел. В Бельгии, Нидерландах – министерства юстиции. В ряде штатов США – государственные секретари штатов. В некоторых странах регистрация партий возложена на судебные органы.

Законодательство СССР относится к третьей группе. "Регистрация устава общесоюзного объединения осуществляется Министерством юстиции СССР. Устав межреспубликанского общественного объединения регистрируется Министерством юстиции СССР или соответствующим органом одной из союзных республик. Так же ре-

гистрируются уставы международных объединений, действующих в СССР. Уставы других общественных объединений регистрируются государственными органами, на которые эта функция возложена законодательными актами союзных и автономных республик" (ст. 11).

Для регистрации устава общесоюзного или межреспубликанского общественного объединения в месячный срок со дня принятия устава подается заявление, подписанное членами руководящего органа данного общественного объединения с указанием места жительства каждого. К заявлению прилагаются устав, протокол учредительного съезда (конференции) или общего собрания, принявшего устав, другие материалы, подтверждающие выполнение требований статей 6 и 8 данного закона.

О чем говорят эти статьи? Статья 6 определяет количество членов созданной партии. При этом общесоюзные политическая партия или профессиональный союз должны иметь своими членами не менее 5 тысяч граждан СССР. Статья 8 регламентирует правила создания объединений. Общественные объединения создаются по инициативе не менее 10 граждан. Инициаторы создания созывают учредительный съезд (конференцию) или общее собрание, на котором принимается устав (положение, иной основополагающий акт) и образуются руководящие органы.

К слову, в проекте этого закона говорилось, что учредителями партий могут быть граждане в количестве не менее одной тысячи человек ("Известия", 4. 6. 1990). Станкевич и другие оперировали цифрой "не менее 3000 человек", а авторы проекта о партиях в Латвии заявили:

"Мы считаем, что многообразие партий и общественных организаций в демократическом обществе является не только признаком свободы различных слоев и групп населения, но непосредственной сутью реализации их прав и свобод. Поэтому всякие ограничения признания партии или общественной организации по количеству их членов неприемлемы" ("Советская Латвия", 26. 10. 1990).

Нам лично симпатичнее именно такое отношение к численности партий. В условиях переходного периода, когда партии и движения только набирают силу, подобный ценз на руку верхушке КПСС. Да и увеличение числа членов партии с одной тысячи до пяти, думается, симптом отрицательный, связанный с нежеланием КПСС иметь уже сейчас конкурентов. Новые партии (как союзные, так и республиканские) пока, как правило, малочисленны.

Членами (участниками) общественных объединений являются граждане СССР. Уставом общественного объединения, кроме политической партии, может быть предусмотрено членство в нем иностранцев граждан и лиц без гражданства (ст. 9). Иными словами, членами политических партий могут быть только совершеннолетние граждане СССР, иностранцам разрешается состоять в других общественных объединениях. Политические партии и профессиональные союзы имеют только фиксированное индивидуальное членство (ст. 16).

Ст. 12 закона предусматривает основания отказа в регистрации устава общественного объединения. Первое основание: "не допускается создание и деятельность общественных объединений, имеющих целью или методом действий свержение, насильственное изменение конституционного строя или насильственное нарушение

единства территории СССР" (ст. 3). Второе основание: нарушение принципов добровольности и равноправия членов объединения, самоуправления, законности и гласности (ст. 4). Третье: неправильное оформление устава (ст. 10). И четвертое: ранее уже был зарегистрирован устав партии с тем же названием (ст. 12).

В случае отказа в регистрации устава заявителям сообщается об этом письменно с указанием положения законодательства, которым представленный устав противоречит. Отказ в регистрации устава может быть обжалован в суд. Отказ в регистрации устава общесоюзного или межреспубликанского общественного объединения может быть обжалован в Верховный Суд СССР.

Функции политических партий

Законодательство США признает за партиями одну основную функцию - участие в избирательном процессе. В большинстве стран этим их функции не ограничиваются. Можно выделить примерный перечень функций партий: участие в формировании политической воли народа во всех областях общественной жизни, в том числе оказание влияния на создание общественного мнения, на политическую деятельность парламента и правительства; работа по выдвижению кандидатов на выборные государственные должности; поддержание связи между населением и государственными органами; участие в воспитании гражданственности; деятельность, связанная с развитием политического образования граждан; содействие приобщению граждан к активной политической жизни.

Наибольшими возможностями обладают партии, представленные в парламенте. Они не только участвуют в работе парламента, но и посылают представителей в парламентакие и государственные органы, формируемые парламентом на принципах пропорционального представительства. Они имеют доступ к государственным средствам массовой информации и в период между выборами.

Партии, представленные в парламенте, имеют право создавать парламентакие группы (фракции). В распоряжение таких фракций предоставляются помещения и технический персонал. Они могут вносить на рассмотрение парламента различные предложения, участвуют в выработке повестки дня и т. д. Но и немногочисленные партии имеют возможность преодолевать заградительные барьеры - они создают коалиции, с помощью которых продвигают свои проекты.

Несколько слов о финансировании партий - прямом и косвенном. Под косвенным понимаются бесплатное выступление в государственных средствах массовой информации, предоставление фракциям бесплатных помещений, освобождение от налогов на партийное имущество, бесплатные почтовые расходы и т. д.

Прямое финансирование охватывает передачу в распоряжение партий денежных средств из специального фонда, создаваемого на базе госбюджетных ассигнований. Формально государственное финансирование вводилось под предлогом возмещения расходов партий на участие в выборах. Но законодательство не ограничивает партии в расходовании средств. Вместе с тем введена обязательная финансовая отчетность партий перед государством.

Одним словом, законодательство о партиях в цивилизованном мире весьма обширно. При ближайшем рассмотрении оно показывает, насколько глубоко внедрены партии в политический механизм власти. В нашей же стране делается лишь первые робкие шаги в этом направлении. Вот 8 шагов к демократии:

Во-первых, огненные "государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений и в соответствии с Конституцией гарантирует условия для выполнения ими уставных задач" (ст. 5).

Во-вторых, "вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается, кроме случаев, когда это предусмотрено законом" (ст. 5).

В-третьих, "для осуществления целей и задач, определенных в уставах, программных документах, объединения свободно распространяют информацию о своих целях и деятельности, а также пользуются следующими правами: участвуют в формировании органов государственной власти и управления; осуществляют законодательную инициативу; участвуют в выработке решений органов государственной власти и управления; представляют и защищают законные интересы своих членов (участников) в государственных и общественных органах" (ст. 15).

В-четвертых, партии равны перед законом. Они имеют право публиковать свои программные документы. Имеют право участвовать в формировании органов государственной власти и управления, а также осуществлять власть в советах через своих представителей. "Партии имеют право выдвигать кандидатов в народные депутаты, в том числе единым списком, вести предвыборную агитацию, оформлять группы своих сторонников - депутатов в соответствующих Советах народных депутатов" (ст. 16).

В-пятых, "военнослужащие и лица, занимающие должности в правоохранительных органах, в своей служебной деятельности руководствуются требованиями законов и не связаны решениями политических партий и массовых общественных движений, преследующих политические цели" (ст. 16).

В-шестых, "общественные объединения в порядке, определяемом законодательством, осуществляют производственную и хозяйственную деятельность и создают лишь в целях выполнения уставных задач предприятия и хозяйственные организации, обладающие правами юридического лица" (ст. 17).

В-седьмых, "общественные объединения, их организации могут иметь в собственности здания, сооружения, жилищный фонд, оборудование, инвентарь, имущество культурно-просветительного и оздоровительного назначения, денежные средства, акции, другие ценные бумаги и иное имущество, необходимое для материального обеспечения деятельности, предусмотренной их уставами. В собственности общественных объединений могут также находиться издательства, другие предприятия, благотворительные заведения, создаваемые за счет средств этих объединений в соответствии с целями, указанными в их уставах" (ст. 18).

В-восьмых, "общественные объединения вправе учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность в соответствии с законодательством Союза ССР, союзных и

автономных республик о печати и других средствах массовой информации" (ст. 19).

Конечно же, многие положения закона не могут удовлетворить граждан в полной мере. Возьмем уже упоминавшееся нами положение о создании политических партий в вооруженных силах и репрессивных ведомствах. Даже по новому закону они продолжают регулироваться законодательными актами об этих органах. Представители общечеловечности, в частности С. Станкевич, выступают за то, чтобы вообще не допускать создания и деятельности организации любых партий в вооруженных силах, в органах государственной безопасности, внутренних дел, прокуратуры, в суде и арбитраже.

Кто осуществляет контроль за деятельностью общественных объединений? Об этом говорит ст. 20. Финансовые органы осуществляют контроль за источниками доходов общественных объединений, размерами полученных ими средств и уплатой налогов в соответствии с законодательством о налогах. Надзор за исполнением законов партиями и объединениями осуществляют органы прокуратуры. А государственный орган, зарегистрировавший устав, осуществляет контроль за соблюдением положений устава относительно целей деятельности общественного объединения.

Ст. 21 предупреждает: "нарушения законодательства об общественных объединениях влекут уголовную, административную, материальную и иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик". А ликвидируются общественные объединения по решению суда в случаях нарушения ими требований устава или закона (ст. 22).

Завершается закон главой "Международные связи общественных объединений". (Всего в законе 25 статей). Общественные объединения в соответствии с их уставами могут вступать в международные общественные (неправительственные) объединения, поддерживать прямые международные контакты и связи, заключать соответствующие соглашения. Устав международного общественного объединения подлежит регистрации. Однако "политические партии и массовые общественные движения, преследующие политические цели, не вправе получать финансовую и иную материальную помощь от иностранных государств, организаций и граждан" (ст. 18).

Плацдарм для многопартийности

Как видим, комментируемый закон не дает ответа на многие вопросы, затрагиваемые законодательством западных стран. Впрочем, трудно ждать детализации от закона, где смешаны в одну кучу и "кони, и люди". Определенно сказать можно одно: этот закон представляет собою лишь основы законодательства в области общественных организаций.

Будем надеяться, что в самом ближайшем будущем на базе принципов формирования общественных организаций, заложенных в данном законе, будут разработаны как республиканские, так и общесоюзные специальные законы о политических партиях. И в них должны быть детализация, учет обстановки, сложившейся в стране. А именно: обозначена весьма значительная эволюция системы от

коммунистического тоталитарного режима к нормальному гражданскому обществу.

Можно уже сейчас сказать, что мы имеем во многом иной политический режим, чем все предыдущие 70 лет, хотя многие из институтов старого режима в модернизированных формах присутствуют и в горбачевском режиме. В СССР сформировалась и действует система, где господство монополизма по-прежнему является всеобъемлющим благодаря КПСС, ее стремлению к диктатуре. Экономической основой для политической диктатуры является сознательно насаждаемый государственный монополизм: наши экономические монополии срослись с государством и подчинили госаппарат своим целям. А верхушка монопольно господствующей партии подчинила себе эти монополии. Государство же бессильно, ибо не обладает политической властью, которая находится в руках партаппарата.

Именно господство монополизма в экономике, господство политической диктатуры одной партии в политике, партийно-идеологический и экономический контроль над средствами массовой информации и препятствия разного рода, выстроены КПСС на пути свободных средств информации, партийно-полицейское государство, с помощью КГБ и других служб действующее методами инквизиции, — вот основные слагаемые того общественного кризиса, который переживает наша страна.

Исходя из этого, границы изменений следует искать в сферах политики, экономики, права и информации. Пока не разрушен партийно-государственный монополизм КПСС в народном хозяйстве, рано говорить о качественном изменении системы в сфере экономики. Пока райкомы и обкомы руководят жизнью людей в регионах, ЦК КПСС и ее лидер, совмещающий посты генсека и президента, дирижируют действиями Верховного Совета СССР, а другие партии фактически не допущены к политической жизни, рано говорить об изменениях в политической сфере.

Пока существует директивное право и Старая площадь контролирует триаду (КГБ, МВД, Минобороны, с их агентурными аппаратами), а также суд, прокуратуру и арбитраж, рано говорить об изменениях в правовой сфере. Пока партаппарат КПСС и его инструменты — КГБ, Главлит, Таможенное управление контролируют прессу, а типографии, бумага и доставка находятся в руках партаппарата, в нашей стране не может родиться "четвертая власть", и, как результат, сохраняется контроль КПСС над сферой информации.

Все указанные механизмы базируются на официальной политической культуре недавнего прошлого. Но слава Богу, параллельно с коммунистической тоталитарной культурой в гражданском обществе выжили вопреки всем преследованиям и сохранились (есть в этом и лепта НТС) элементы и очаги иной, демократической шкалы ценностей. Да и в последние годы произошел резкий скачок политизации массового сознания. Многие люди, словно очнувшись от летаргического сна, пересматривают политические символы и стереотипы. На наших глазах идет довольно быстрый процесс выработки альтернативной политической культуры. И это вселяет в нас заряд осторожного оптимизма.

О программных документах Объединенного фронта трудящихся России

Николай ПРИВАЛОВ

ОФТ России – одно из первых в нашей стране политических образований, которое не только выразило свое недовольство происходящими в стране переменами, но и выдвинуло свои программные положения. Анализ их поэтому представляет немалый интерес. Все цитаты взяты из сб. "Документы первого (учредительного) съезда объединенного фронта трудящихся РСФСР (8–9 сентября 1989 г.)".

1. Устав ОФТ начинается с проклятий в адрес всем нам известных бедствий и выдвигает лозунг: спасение трудящихся есть дело самих трудящихся (с опорой на здоровые силы партии, профсоюзов и государства).

2. Среди наиболее одиозных задач движения выделим следующие:

– усиление единства нашего общества на основе социалистических интересов и коммунистических целей рабочего класса, выражающего коренные интересы всех трудящихся (старые догмы!);

– развитие советской социалистической демократии при руководящей роли рабочего класса как главной революционной силы нашего общества (рабочий класс давно уже не главная революционная сила);

– образование комитетов депутатов трудящихся производственных предприятий как первичных ячеек Советской власти; осуществление выборов народных депутатов прежде всего на основе производственных единиц (где человек сильнее всего зависит от бюрократов!);

– отпор нападкам на всеобщую воинскую обязанность (давно прогнившую и требующую замены на профессиональную армию);

– всемерное содействие освоению марксистско-ленинского учения подрастающим поколением (марксизма, ставшего религией? Не лучше ли молодежи самой дать разобраться во всем плюрализме политических направлений?);

– укрепление и всестороннее развитие социалистической общественной собственности (то есть, фактически, государственно-бюрократической? А как же частная собственность, которая хотя бы в ограниченных масштабах нужна для формирования психологии предпримчивости?);

– борьба против коммерциализации медицины, спорта, образования и культуры (хорошие слова, но не отрицание ли это хозрасчета в данных сферах?);

– укрепление союза рабочего класса и крестьянства (всего рабочего класса? А как быть с мелкой буржуазией в среде рабочего класса? Не лучше ли провозгласить союз самых передовых отрядов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции?);

– гарантия полной и эффективной занятости (а не утопия ли это? Лучше выплачивать пособия по безработице для повышения эффективности производства);

- борьба против экономического эгоизма ведомств и предприятий (опять отрицание хозрасчета и прибыли?);
- укрепление, развитие и распределение общественных фондов потребления (а не лучше ли их сократить и выплачивать труженику всю его зарплату деньгами при сохранении общественных фондов для малоимущих?);
- борьба со спекуляцией и эксплуатацией под видом кооперативов (а какими методами: путем запретов? Ведь рынок и конкуренцию ОФТ отрицает).

3. "Коллективные члены ОФТ руководствуются принципом демократического централизма" (опять подавление мнения меньшинства?).

4. "На прошедшей избирательной кампании трудящиеся оказались в неравном положении с представителями «свободных профессий» (ОФТ ратует за возрождение кастовости и сословного представительства в Парламенте?).

5. "Протест и отвращение вызывает пропаганда порнографии" (при полном отсутствии полового воспитания и 70% разводов по причине половой несовместимости и безграмотности порнография, увы, служит неким компенсатором).

6. "Мы против превращения страны в скопище лавочников" (может, по этой логике вообще отменить деньги и товарное производство?).

7. "Средства массовой информации, особенно в республиках Прибалтики, Молдавии и некоторых других, открыли антирусскую кампанию, по существу разжигая межнациональную рознь, гражданскую конфронтацию. Настоячивые призывы различных национал-карьеристов, экстремистов к экономической и политической изолированности союзных республик затрагивают судьбу единой государственности народов СССР" (о Боже! Опять заклинания о "единой и неделимой" империи!).

8. "Требуем отмены всех законодательных и административных актов, противоречащих Конституции СССР и общесоюзным законам" (это же прямо подрывает крылья у авангарда перестройки - прибалтийских республик, а теперь и России, Украины и др., признавших верховенство своих передовых республиканских законов над отсталой союзной конституцией).

9. "Члены неформальных объединений пробуржуазной и националистической ориентации начали проникать в партийные структуры" (а это камень в сторону Ельцина и лидеров национально-освободительных движений).

10. "...Добившись исторических успехов, Коммунистическая партия..." (знаем мы "исторические успехи" КПСС, знаем!).

11. "...Протаскивается идея ее (КПСС) социал-демократизации..." (давно пора отказаться от диктаторских наслоений в ком. движении: диктатуры пролетариата, насилия, нетерпимости ко всякому инакомыслию).

12. "Дельцы теневой экономики, коррумпированные и бюрократические элементы управленческого аппарата и их идеологи стремятся

подчинить молодежь своему влиянию. Они рассчитывают руками молодых сокрушить социализм" (какой социализм? Которого нет? Если имеется в виду феодальный госкапитализм, то сокрушить его следует обязательно).

13. "Съезд выражает глубокую тревогу в связи с нарастающей в стране фронтальной атакой на марксистско-ленинское учение... публикуются статьи, в которых под видом «новаторства» и «поисков новой концепции социализма» подвергаются ревизии с позиции буржуазной идеологии коренные положения революционной науки. Напрямую заявляется о том, что «пора отказаться от догмы, что при социализме не может быть рынка рабочей силы»" (псевдосоциализм, господствующий у нас, заслуживает всеческой критики, так же как и догма о "безрыночном социализме").

14. "Борьба с марксистско-ленинской наукой есть прямое выражение классовых интересов возрождающейся «новой буржуазии», которая, сомкнувшись с националистическими силами, коррумпированной бюрократией и уголовными элементами, рвется к собственности и к власти" (вот уж поистине "страшнее кошки зверя нет"! Для пущей представительности в разряд "новой буржуазии" уже зачислили Ельцина, Собчака и всех экономистов-"западников": Н. Шмелева, Г. Попова и др.

А не понимают эти "пролетарские" головы, что главный враг у нас сейчас - феодальные госкапиталисты, то есть гос-, парт- и совбюрократия.

Не понимают (или не хотят понять), что сейчас идет этап буржуазно-демократической революции, который должен завоевать элементарные буржуазные гражданские свободы: слова, печати, собраний, совести, передвижения, свободу убеждений. Не понимаем, что построить мы можем не то общество, какое нам нравится (например, социализм), а то, какое способна сейчас воспринять наша экономика. Мы ведь уже имели яркие примеры попыток перескочить через капитализм в России и особенно в Средней Азии, Казахстане - и получили в итоге феодальный госкапитализм, который при Сталине дополнялся системой рабовладения. Кто сейчас с полной уверенностью скажет нам, что капитализм мы уже прошли? Кто докажет, что мы доросли до социализма? Нужно прежде всего выяснить, что мы должны (вернее, можем) сейчас построить: капитализм, социализм, нечто постиндустриальное, конвергенцию (слияние) социализма и капитализма, нечто исконно славянское? А может, то, чего мы еще и сами представить себе не можем? В этих условиях как раз необходимо прислушиваться ко всем голосам - и справа, и слева, брать все ценное и не замыкаться на какой-то одной теории, превращая ее в религию.

Главный враг наш теперь - консерватизм. Сейчас, перед лицом экономической и политической катастрофы, перед лицом грозящей нам диктатуры бюрократии нельзя разбивать наши силы на "рабочие", "патриотические" (опять же в лице интеллигенции) и т. п. движения. Давление, безусловно, будет. Нужна лишь консолидация сил на определенных этапах и большая революционная бдительность, чтобы не попасться на удочку аппарата.

Екатеринбург

Польский выбор: пейзаж после битвы

М. СТРАНСКИЙ

Нынешний Новый год для Польши – нечто большее, чем простое календарное событие. Смена десятилетий – это передел исторических эпох, начало нового летоисчисления. В нулевой год Польша входит с новым, некоммунистическим президентом во главе. Зовут его Лех Валенса. Однако победа старого политгладиатора во втором, декабрьском туре президентских выборов вызвала среди его земляков лишь весьма сдержанное ликование, переходящее в головную боль. Ко второму туру выборов польские газеты демократической ориентации выбросили самый сильный аргумент в пользу президента Валенсы: "Голосуя за него, вы голосуете за меньшее зло!". По общему мнению, если вначале это были выборы между плохим, худшим и катастрофическим, то ко второму туру, еще более упростившись, выбор шел уже только между худшим и катастрофическим. В итоге в глазах отечественных и зарубежных наблюдателей польское общество зарекомендовало себя как политически незрелое, склонное суховатому реализму предпочесть яркую демагогическую сказку.

Принятый осенью 90-го года избирательный закон давал право на регистрацию в качестве президентского кандидата любому польскому гражданину в возрасте не младше 35 лет, собравшему не менее ста тысяч подписей в свою поддержку. Других ограничений закон не предусматривал и совершенно напрасно. Три нехитрых условия смогли выполнить в срок шесть кандидатов. Перечислю их в той последовательности, в какой виделись в момент регистрации их шансы на избрание: отец-основатель "Солидарности" Лех Валенса, премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, председатель Польской крестьянской партии Роман Бартошче, беспартийный кандидат "левых сил", выдвинутый Социал-демократией Польской Республики (то есть бывшими коммунистами), Владзимеж Чимошевич, лидер Конфедерации независимой Польши ветеран ветеран-подпольщик Лешек Мочульский и явный аутсайдер, эмигрант-возвращенец Станислав Тыминьский. Вопреки всем прогнозам, однако, во второй тур, не набрав абсолютного большинства, прошли первый и последний из этого списка. Разговор о программах выбывших претендентов и избранных ими очках уже потерял смысл, но поражение одного из них – премьера Тадеуша Мазовецкого – заслуживает отдельного анализа, ибо чревато будущими конфликтами.

Мазовецкий – исключительно положительный персонаж новейшей истории Польши. Католический интеллигент, журналист, ветеран борьбы с тоталитаризмом, он по существу одним из первых поставил свой авторитет, знания и связи на службу зарождавшейся "Солидарности", привлек к ней и возглавил консультантскую группу при председателе Валенсе. С благословения этого последнего Мазо-

вецкий и стал первым некоммунистическим премьер-министром Польши. Приняв страну лежащей на лопатках, он за год переломил неблагоприятное развитие польской экономики: подавил тысячекратную инфляцию, ввел внутреннюю конвертируемость злотого, добился – впервые за десятилетия – активного внешнеторгового сальдо, отвел угрозу товарного голода. О Польше заговорили с немислимым ранее уважением как о модели, достойной подражания.

Разумеется, эти успехи были не следствием здорового функционирования рынка – ему только предстоит появиться, – а всего лишь результатом комплекса умных управленческих мер, как правило, малопопулярных. Но они обеспечили стране искомую стабильность для начала самой болезненной ломки – так называемой “большой приватизации”, ради которой по сути весь огород городился. В любой стране, прошедшей начальную школу политической культуры, таких политиков холят и лелеют. В неокультуренной Польше, однако, основательный, лично скромный и жертвенный, предельно цельный, прагматичный Мазовецкий не мог увлечь за собой массы. Он и не претендовал на роль народного трибуна: для этого он недостаточно ярок, недостаточно демагогичен, слишком обязательно относится к собственным словам.

Даже понимая, что притягательная сила Мазовецкого идет на убыль, но не имея большого выбора, Гражданское движение – Демократическое действие выдвинуло его кандидатом в президенты. Как известно, “Солидарность” к концу лета 90 года разделилась по принципу отношения к ее председателю в частности и к демократии в целом. В Гражданском движении объединились все те активисты “Солидарности”, кому импонировал сизифов труд премьера и кому не по душе были властные амбиции Валенсы, так как им трудно было поверить в демократические умыслы того, кто в повседневной работе демократию третирует как излишество. В Гражданское движение вошла та часть парламентской фракции “Солидарности” и ее актива, которая осталась в стороне от Соглашения центра – политического объединения, образованного еще весной того же года с единственной целью привода Валенсы к президентской власти. Тадеуш Мазовецкий (“человек на пределе сил и на грани обморока”, как писала о нем польская пресса) взвалил на себя бремя президентской борьбы безо всякого рвения, из одного лишь чувства долга перед страной и верными соратниками. Не имея нищенской “воли к власти”, передающейся толпе, он не мог не проиграть в этой борьбе. И он проиграл.

Президентская программа Мазовецкого не слишком отличалась от его же правительственной программы. Ее основные пункты: приватизация половины государственных предприятий в первые три года; коммерциализация остальных; возвращение недвижимости бывшим собственникам, за исключением земельных наделов, приобретенных крестьянами в ходе послевоенной аграрной реформы; привлечение иностранного капитала в польское народное хозяйство; в социальной области – введение пособий по безработице и развитие мелких частных предприятий, способных занять излишки рабочей силы; в военной сфере – ликвидация структур Варшавского Пакта в течение года и вывод советских войск с территории Польши. При расчете программных сроков Мазовецкий, как обычно, исходил из польских реалий и из требования социальной стабильности на время становления демократических институтов и рыночных механизмов. Лишенная фан-

томного заряда и обещаний немедленного чуда, эта программа выглядела скучной и легко поддавалась критике.

Лех Валенса, видя в Мазовецком главного конкурента, сконцентрировал огонь своей полемики на нем и его политике – как неуместной красивой сказке. Валенса по существу начал борьбу за президентское кресло с огромным упреждением и вел ее с нарастающим остервенением.

Детализированная же предвыборная платформа Валенсы лишь немногим отличалась от программы Мазовецкого. Из отличий: он требовал значительного расширения президентских полномочий, видя в главе государства единственного выразителя народной воли, углубленной перестройки армии и сил безопасности. В экономической части выступал за дальнейшую реализацию так называемого "плана Бальцеровича" (по имени министра финансов в правительстве Мазовецкого), но с одной оговоркой – все процессы должны быть ускорены. Требование "ускорения" вообще было общим знаменателем предвыборной пропаганды лагеря Валенсы. Скликая одновременно в свой лагерь потерпевших от жесткого курса правительства, Валенса смутно намекал на свою роль защитника интересов беднейших, умело бередил их язвы, нисколько не смущаясь тем, что любое "ускорение" тех же экономических процессов первым делом умножит и социальные обиды. Себя он рекомендовал государственным мужем, склонным к радикальным решениям, который станет "президентом с топором", столь нужным Польше. Иначе говоря, туго затянутые узлы польских проблем Валенса склонен не развязывать, а разрубать. Этот образ льстил воображению поляков, уставших чего-то ждать.

Вообще в ходе предвыборной кампании Валенса проявил себя блестящим тактиком, мастером политического маневра, образного и доходчивого лозунга, при случае не гнушающимся ударом ниже пояса. На его собраниях шло придирическое выяснение степени "польскости" противников, мелочный подсчет долей еврейской крови в жилах оппоненты. На встречах с избирателями противная сторона побивалась намеками на картавость Адама Михника, рыжую бороду Бронислава Геремека или в бесконечных вариациях обсасывался тот факт, что какие-то предки Мазовецкого в затертом поколении были выкрестившимися евреями. Сам Валенса в подобных пересудах участия не принимал, но и не пресекал своих активистов, напирая однако на необходимость "польского решения польских проблем", словно в самом национально-однородном государстве Европы возможны были иные решения.

Свою необычайную маневренность Валенса еще раз проявил, убедившись после первого тура, что Мазовецкий ему больше не соперник. Он обещал неудачнику сохранить за ним кресло премьера при условии, что тот отдаст ему свой электорат. Но Мазовецкого и весь лагерь демократов и не надо было долго убеждать: они и сами призвали своих сторонников отдать голоса напористому электрику, предпочитая его, при всех недостатках, альтернативному кандидату – Станиславу Тыминьскому.

Набрав в первом туре порядка 23% голосов, Стан Тыминьский явил собой феномен, в такой степени напугавший мыслящую часть польского общества, что он заслуживает отдельного разбора. До той поры считалось доказанным, что возвратившиеся эмигранты не

имеют шансов на крупный успех в восточноевропейской пореволюционной политике. Объяснялось это особенностями человеческой психики, не склонной доверять людям иной судьбы. Самое большее, на что могли рассчитывать возвращенцы, — это роль консультантов при новых хозяевах. Так складывалась картина в Чехословакии, Венгрии, даже в Румынии, да и в самой Польше (Кучинский при Мазовецком, Найдер при Валенсе). Станислав Тыминьский опрокинул это представление.

Он явился в Польшу на манер индийского гостя, поразив незрелую фантазию многих, особенно молодых, поляков. Когда-то, 21 год назад, он бежал из страны без ломаного гроша в кармане — а вернулся сельф-мейдменом, скоробогачом, миллионером-самоучкой. В карманах у него, вперемежку с валютой, лежали три паспорта: канадский, перуанский и польский. Обалдевшим от этого блеска избирателям он обещал привлечь к делу оздоровления польской экономики весь деловой мир Запада, где один свой человек. Его избирательная программа из 21 пункта, не лишенная общеизвестных здравых оснований и благих пожеланий (экономический рост, привлечение иностранного капитала, приватизация на льготных для коллективов условиях и пр.), сводилась к эффективной формуле "Демократия и деньги!". "Делайте жизнь с меня!", как бы призывал Тыминьский среднего поляка, обещая чудеса в решетке. Но сам он был темной лошадкой, чем-то средним между Хлестаковым и Бендером. Деловые связи его были сильно преувеличенными, а путь наверх вполне прозаическим. Женившись на богатенькой перуанке, владелице телевизионной станции в городе Икитос, Тыминьский приобрел на деньги жены контрольный пакет акций не крупной канадской фирмы "Трансэкшн", торгующей электроникой. Фирма имеет 15 служащих и годовой оборот в 5 млн. долларов.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы пробудить в Тыминьском мессианские наклонности. Помимо президентской программы, свои взгляды на будущее Польши и человечества Станислав Тыминьский изложил в книге с загадочным названием "Священные псы", изданной за счет автора. Среди прочих неординарных воззрений неудавшегося польского президента зарубежных наблюдателей неприятно поразили его мысли о необходимости скорейшего превращения Польши в ведущую ядерную державу мира. Впрочем, недруги Тыминьского видят в его начинаниях не столько психопатологию, сколько спецпроект старых коммунистических структур. Они указывают на тот факт, что в избирательном штабе Тыминьского подозрительно много вчерашних партийных функционеров и откровенных гебистов. В польской печати появились намеки на то, что "человек ниоткуда" лжет, когда уверяет, что не был на родине с момента эмиграции. Стан якобы в восьмидесятые годы не менее семи раз посетил Польшу, всякий раз давая подозрительного кругая — через ливийский город Триполи. На встречах с избирателями Тыминьский божился, что в Ливии никогда не был, демонстрируя для пущей наглядности свои лишенные виз паспорта, правда, выданные в последние месяцы.

В свою очередь, он прозрачно намекал на то, что Мазовецкий и Валенса "совершают государственную измену, распродавая национальные интересы страны иностранцам". В доказательство тезиса он размахивал черным "дипломатом", где у него под номерным замком хранились якобы разоблачительные документы на обоих. Раздражен-

ный до крайности Лех Валенса обещал в случае своего избрания президентом разобраться с обидчиком в суде. Грубый Валенса вообще назвал весь фарс участия авантюриста в выборах "контрреволюционным заговором коммунистов". Он-то понимал, что этот опереточный элемент превращает торжественный акт его прихода к власти в сплошное неприличие.

Цифровой итог второго тура польских президентских выборов не льстит победителю. Валенса получил порядка 75% поданных голосов, Тыминьскому досталось 25%. Если учесть чрезвычайно низкую избирательную активность населения (к урнам пришло лишь 53% избирателей), то получается, что за президента Валенсу проголосовало лишь 40% совершеннолетних поляков. А это, как говорится, не тот эффект.

Факт, что от 3 до 4 миллионов поляков отдали свои голоса первому незнакомцу в ущерб испытанным, политически цельным национальным лидерам, заставил многих задуматься. Знатоки заговорили о существовании "второй, третьей Польши", показавшей миру свое неприглядное обличье. Некоторые социологи усмотрели в этом аналогию с германским обществом на переломе 1920-30-х годов (тот же распад структур, резкое падение производства и жизненного уровня, утрата чувства уверенности в завтрашнем дне). Считая, что вероятность фашистской ориентации населения все же невелика, газета "Политыка" от 8 декабря 1990 года приходит однако же к выводу о том, что "приходится опасаться возникновения новой мутации авторитарного недемократического радикального движения люмпенизированных средних и низших слоев". Почва для возникновения такого движения уже взрыхлена и унавожена. Сам Тыминьский обещал организовать своих сторонников в политическую партию. Та же газета "Политыка" охарактеризовала такую потенциальную партию как "движение, которое будет объединять в своих рядах фрустрированную, ксенофобскую и утратившую корни часть масс, руководимую профессиональными политиками старых структур, ищущими себе новое место под солнцем после развала старого мира".

Что же сулит ближайшее будущее протагонистам польских президентских выборов? Станиславу Тыминьскому оно сулит судебное разбирательство по иску оклеветанного Леха Валенсы. Пока же он под солидный денежный залог покинул пределы Польши, вернувшись в Канаду к семье и детям. Лех Валенса 22 декабря был приведен к президентской присяге, приняв традиционные регалии из рук президента польского правительства в лондонском изгнании Рышарда Качоровского (таким было предварительное условие Валенсы, не желавшего наследовать пост от бывшего коммуниста Ярузельского). К этому времени он уже успел записать на свой счет первое политическое поражение в новой должности, когда сорвалась его первая же попытка сформировать новый кабинет министров. К Мазовецкому он с такой просьбой не обратился, а обратился к юристу Яну Ольшевскому. Тот, однако, не сошелся с президентом во взглядах на состав будущего кабинета: Валенса настаивал на включении в него Лешека Бальцеровича, отца польской реформы, Ольшевский же не видел в этом добра. В запасе у президента было, как казалось, немало других кандидатов в премьеры (называли таких деятелей Соглашения центра, как Меркель, Качиньский, особенно часто звучало имя Яна-Кшыштофа Белецкого). Все они, однако, под разными благо-

видными предложениями уклонились от сомнительной чести, и Валенсе не оставалось ничего другого, кроме как просить Мазовецкого в рабочем порядке возглавлять кабинет "впредь до весенних парламентских выборов.

Продолжая тянуть ляжку, "рыцарь печального образа" Тадеуш Мазовецкий в принципе перешел на скамью оппозиции. Еще в начале декабря на основе его избирательных комитетов был создан Демократический Союз - партия, хоть и явно правоцентристская, но в польском сдвинутом спектре стоящая все же несколько левее Валенсы. Инициаторами создания Демократического Союза стали две группировки: Гражданское движение - Демократическое действие и Форум правых демократических сил. Выступив на пресс-конференции 15 декабря, Мазовецкий подчеркнул, что у ДС нет желания участвовать в будущем правительстве. "Мы будем критиковать и предостерегать, - сказал бывший премьер, - чтобы нереальные обещания, которые давались во время предвыборной кампании, не перечеркнули пройденного Польшей пути, за который мы заплатили немалыми лишениями".

Нынешнее соотношение сил в обеих палатах парламента, выходящее в пользу Демократического Союза, разумеется, не устраивает амбициозного президента. Он очень надеется на скорые - ранней весной - парламентские выборы, которые должны закрепить его скромную победу, распространив ее на парламент. Лагерь Мазовецкого, естественно, лелеет прямо противоположные надежды. Многие ветераны польского освободительного движения полнятся самыми мрачными предчувствиями.

Закат марксизма-ходжизма

Ян ПОДОЛЯН

12 декабря 1990 года в центре албанской столицы Тираны состоялась по местным понятиям весьма многолюдная демонстрация, в которой приняло участие до 80 тысяч человек - из 300 тысяч жителей Тираны. На центральном митинге было объявлено о создании оппозиционной правительству Демократической партии Албании. ДПА намерена выставить своих кандидатов уже на ближайших выборах в Народное Собрание страны - а они намечены на 10 февраля. Членскую базу новой партии составят главным образом студенты столичного университета во главе с двумя университетскими же профессорами: экономистом Грамозом Пашко и кардиологом Сали Бериша.

Образование новой партии для Албании - прорыв в новое измерение. У страны нет вообще никакой партийно-парламентской традиции. Из прошлого она усвоила только борьбу с иноземным (оттоманским, итальянским) господством. В годы второй мировой войны на территории Албании активничали группировки националистского, роялистского и фашистского толка. Но в конечном счете их переиграла и распылила коммунисты, захватив еще в 1944 году руками Энвера Ходжи всю полноту власти. С тех пор горная страна не выходила из международной изоляции и глубокого общественного обморока.

Созданию Демократической партии предшествовал состоявшийся накануне Пленум ЦК Албанской партии труда. Он принял решение о введении в стране многопартийности и вывел из состава правящего Политбюро пятерых, а из кандидатов в члены – еще двоих партийных баронов с репутацией верных ходжистов. Пленум потребовал провести обстоятельную кадровую чистку в правительстве страны и других правящих структурах.

Этому переломному пленуму в свою очередь предшествовали три беспокойных дня, наполненных студенческими выступлениями в Тиране и тщетными попытками властей подавить или хотя бы успокоить студентов. Результат – не то один, не то двое убитых и несколько сот в различной степени помятых полицией студентов. А также уже упомянутый исторический пленум ЦК.

Впрочем, и эти события свалились не как снег на голову. В течение последнего года перемены носились в воздухе в буквальном смысле этого слова: по слухам, вся албанская молодежь добывала сведения о мире из передач югославского и итальянского радио, а также албанского вещания "Голоса Америки", глушить которые у партруководства не было сил. Перечислим лишь основные вехи, которыми в истекшем году был отмечен процесс размягчения албанской идеологической тверди: визит в Тирану Генерального секретаря ООН П. дэ Куэльера, отказ Албании от бойкотирования Хельсинкского процесса, резкое ослабление выездных ограничений, усилия по восстановлению дипломатических отношений с Москвой и Вашингтоном и, наконец, разрешение покинуть страну, данное 5 тысячам албанцев, нашедшим убежище в представительствах западных и восточноевропейских стран в Тиране.

Разумеется, все это не значит, что из рук коммунистических структур в одночасье выскользнули все властные функции. Кстати, пленум ЦК АПТ, одоббивший принцип многопартийности, и не подумал отказаться от своей монополии на власть, конституционно оговоренной. Пока есть единственная массовая общественно-политическая организация – Демократический фронт Албании, и только она может регистрировать новые партии. Фронтом этим до конца декабря командовала Неджмие Ходжа, свято блюдущая заветы своего покойного супруга. Но 69-летней вдове стало не под силу тщедушной рукой остановить надвигающийся на нее паровой каток истории. Ее имя прозвучало первым в списке тех, кого тиранские демонстранты рекомендовали срочно вывести в политическое небытие. Что же до Рамиза Алии, в 1985 году поднявшего выпавшее из рук Ходжи знамя диктатуры пролетариата, то он явно неспособен хранить и приумножать творческое наследие "дедушки Энвера". Похоже, что и не очень этого желает. Так, он не раз созывал послушные ему ЦК или Народное Собрание, когда не мог пробить через более консервативные Политбюро и Президиум НС желательные изменения.

Нет нужды особо пояснять, что не столько мифическое свободолюбие, сколько вполне реальная нужда прошибла долготерпение скипетаров. Албанское народное хозяйство не заслуживает этого названия. Страна доведена до превосходных степеней нищеты, разрухи и промышленной отсталости. На встрече с рабочими в конце ноября и Рамиз Алиа, и глава правительства Адил Чарчани признали, что экономика Албании находится на грани срыва – хоть чрезвычай-

ное положение вводи. В связи с этим решено изъять из конституции положение, запрещающее иностранные вложения и получение зарубежных займов.

Албанская действительность вообще была до сих пор уникально регламентирована: неповторимое законодательство делало страну Скандербега диснейлендом первобытного коммунизма. Только минувшим летом, например, было восстановлено Министерство юстиции: в стране, где уже произошло коммунистическое "одержжание", считалось неприличным иметь другое судопроизводство, кроме партийного и товарищеского. Повсеместно запрещено личное владение любым автомобильным транспортом, а посему албанцы передвигаются в городах на велосипедах, а в сельской местности на ишаках.

Начиная с 1967 года, когда Энвер Ходжа объявил свою страну "первым атеистическим государством в мире", мечети и прочие храмы были заколочены, а религия в любых формах преследовалась как уголовное преступление. До той поры 73% албанцев исповедывали ислам, 17% - православие и порядка 10% были последователями римско-католической церкви.

В Албании самая высокая рождаемость в Европе, поэтому 75% албанцев - это люди в возрасте до 40 лет. Немудрено, что именно молодые люди стали застрельщиками этой зимней, по балканскому обычаю, революции. Национальные проблемы в Албании невелики: греческое, болгарское, сербское, македонское и черногорское меньшинства вкуче составляют немногим более 3% населения страны, остальное - албанцы.

Это не значит, однако, что у Европы не будет "албанского вопроса". Выступая на уже упоминавшейся демонстрации в Тиране, вождь столичных студентов Азем Гайдари предупредил, что новообразованная Демократическая партия "будет мирными средствами добиваться союза между Албанией и Косово". Речь идет о той части соседней югославской республики Сербии, где полтора миллиона албанцев составляют 90% населения края. Конфликт таким образом запрограммирован заранее. Впрочем, далеко не первый и не единственный в юго-восточной части Европы.

"Полицентричность и взаимосвязанность мира требуют отхода от традиционных понятий миродержавия и замены их новым понятием мироустройства. Когда «внутренние дела» стран оказываются на деле внешними, необходимо пересмотреть бытующие в международных отношениях принципы, в частности, принцип неограниченного государственного суверенитета. Принцип «совместного властвования»... приложим и к системе государств, равно как и принцип федерализма.

На повестке дня истории стоит устройство Земли как целого. Эта задача неразрешима на путях властной опеки и рационально-технического целеполагания. Она разрешима лишь на путях подчинения политики духовным ценностям и согласования интересов общих и частных".

("Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. "Посев" № 2, 1987)

Время и слово

Д. ШТУРМАН

I

При чтении статьи Солженицына никак не уйти от рассмотрения той отечественной реальности, в которую размышления писателя вошли как один из факторов этой реальности. Статья, о которой мы здесь говорим, предваряется так:

"Часы коммунизма - свое отбили.

Но бетонная постройка его еще не рухнула.

И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами".

И сразу же возникает соблазн заметить: да, "часы коммунизма - свое отбили". Он и всегда держался насилием и ложью, до недавней поры - тотальной, но были в свое время еще и иллюзии, и надежды. Существует, кроме того, некая социально-историческая инерция, которая до поры до времени работает на любой устоявшийся строй. Подавляющее большинство людей не склонно без крайней нужды менять привычные для себя обстоятельства жизни. Но коммунизм начинает терять эту инерцию устойчивости. Он почти исчерпал свои хозяйственные и технологические возможности, ресурсы, резервы. На страну зримо надвигается хаос. Рушатся пути сообщения, экономические связи, экологические ниши сносного человеческого существования, разваливается общежитие, падают препоны перед любого рода уголовщиной.

Но коммунизм, к несчастью, не просто готовая вот-вот рухнуть бетонная постройка, безжизненная конструкция, из которой следует осторожно выбраться до ее обвала. Это ловушка - живая, сверху донизу одержимая страстным, слепым, плотски-неудержимым стремлением устоять. Западня, натасканная десятилетиями уничтожать тех, кто ей не по нраву, готовая в своем сугубо желудочном инстинкте жизни, без преувеличений, на всё.

Самым парадоксальным образом эта еще не рухнувшая, хотя и обреченная рухнуть, махина опирается уже не на земную твердь, которая из-под нее уходит. Она опирается на свои пока еще ей, в основном, послушные охранительно-репрессивные, военные и военизированные силы. Оружием и насильнической организацией в этом обществе располагают только власти и уголовные банды. У сил надежды имеются на вооружении лишь слово, мужество и гражданское неповиновение. К тому же они еще и катастрофически разобщены и легко обращаются друг против друга (октябрь 1990). В главке "Давайте искать" Солженицын говорит:

"Разумное и справедливое построение государственной жизни - задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами

не восторженными, а ясно открытыми, – но насколько ж она больше и острее у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей”.

Но, в отличие от “сегодняшних благополучных западных стран”, это многострадальное “мы” (безоружное, неорганизованное, нищее, разобщенное) не может решать свои насущнейшие задачи “очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний”. Нет у него для этого ни свободы, ни времени. Обществу препятствует в их решении не только до зубов вооруженный коммунистический вурдак, единый во многих миллионах лиц. И не только то, что бесчисленные лебеди, раки и щуки беспорядочно тянут пятнадцать скованных одной цепью возов в разные стороны. Несчастье еще и в том, что имперский обоз катится с большим ускорением по крутому откосу, на ходу рассыпаясь в мельчающие обломки. Что в конце откоса: пропасть, омут, изумрудная лужайка, адское пламя – не знает никто. Ясно одно: запас времени на исходе. Если бы монолог Солженицына могли не только услышать, но и расслышать все те, кому он адресован, этот запас возможно бы вырос.

II

Что же сказано Солженицыным о наиболее накаленном национальном вопросе?

На первом плане – решительный отказ видеть спасение России в сохранении имперского великодержавного псевдовеличия. Напротив: верность имперской мании делает окончательную катастрофу России, по убеждению Солженицына, неотвратимой. Этот вывод выделен писателем однозначно, на первых же страницах брошюры. Солженицын формулирует свое мнение о перспективах империи с предельной четкостью, не заботясь об одобрении и не боясь хулы (как, впрочем, всегда).

Но вот беда: СССР (как в прошлом – Россия) это не классическая колониальная империя, которая может отозвать в метрополию свою администрацию, свои гарнизоны, своих граждан и отпустить заморские свои колонии жить по их воле. СССР в еще большей степени, чем до него Россия, – унитарное централизованное государство, искони раздвигавшее свои границы за счет покорения соседей, а в советские годы – сознательно перемещавшее свое население. В СССР почти нет этнически однородных больших территориальных массивов, а русские, да и украинцы щедро рассеяны по всем регионам. В таких обстоятельствах крайне трудно представить себе разъединение безболезненное и взаимно желательное. Но и отказ нерусских республик (нередко – с преобладанием некоренного населения) от отделения представить себе не легче. В ситуациях, близких к тупиковым, писателю остается одно: выполнение нравственного долга – апелляция к разуму и человеколюбию своих сограждан. Такой апелляцией Солженицын и занят.

Далее, когда нам придется говорить о споре, возникшем немедленно вслед за изданием брошюры (хорошо это или плохо со стороны Солженицына – желать отделения России от всех республик, кроме славянских, и – под вопросом – Казахстана), надо бы не забыть, что, по убеждению Солженицына, выбора уже нет и раскол он об-

суждает лишь тот, "который уже действительно неизбежен", обсуждает только затем, чтобы прошел он "без лишних страданий людских".

Отрицательное отношение к имперскому синдрому связано у Солженицына не только с нынешним катастрофическим состоянием России. Он и в 1973 году писал: "Вся мировая история показывает, что народы, создавшие империи, всегда несли духовный ущерб. Цели великой империи и нравственное здоровье народа несомнестимы". Он и теперь говорит не только о нынешней агонизирующей унитарно-имперской общности:

"К сожалению, этот мираж "единоделимства" 70 лет несли через свою нищету и беды и наша стойкая, достойная русская эмиграция. Да ведь для "единоделимца" 1914 года - и Польша "наша" (взбалмошная фантазия Александра I "осчастливить" ее своим попечительством), и никак "отдать" ее нельзя. Но кто возьмется настаивать на этом сегодня? Неужели Россия обеднела от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так - еще больше распрямится от давящего груза "среднеазийского подбрюшья", столь же необдуманного завоевания Александра II, - лучше б эти силы он потратил на недостроенное здание своих реформ, на рождение подлинно народного земства.

Наш философ этого века Ив. А. Ильин писал, что духовная жизнь народа важнее охвата его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровление и благоденствие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей.

Да окраины у ж е реально отпадают. Не ждать же нам, когда наши беженцы беспорядочно хлынут оттуда уже миллионами.

Надо перестать попувайски повторять: "мы гордимся, что мы русские", "мы гордимся своей необъятной родиной", "мы гордимся...". Не "гордиться" нам, не протягивать лапы к чужим жизням - а осознать свой народ в провале измощающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действующий для того".

Итак, с одной стороны, "окраины у ж е реально отпадают". С другой - убежденность, что отделение России от СССР необходимо и в том случае, если сами окраины отделиться от России не захотят:

"Итак, о б ъ я в и т ь о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик - надо безотлагательно и твердо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о нашем отделении от них - мы, оставшиеся. Это - уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить. Так не тянуть взаимное бременение".

Эта категоричность задела многих читателей, преимущественно с Солженицыным согласных: почему следует отделиться и от тех, кто хочет сохранить старые связи?

Несколько выше было замечено:

"А если верно, что Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам, - так и хозяйственных потерь мы от этого не понесем, только экономия физических сил".

Вряд ли это п р е д п о л о ж е н и е ("что Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам") соответствует действительности. Следующая ниже картина характерна не для одной только России, не для одних только славянских народов, о которых сказано: "мы... вместе попали в этот котлован - вместе и

выберемся". В социалистический котлован попали вместе все народы империи. Советская статистика гласит: ниже официального прожиточного минимума, который на самом деле есть уровень убийственной нищеты, живут 6% россиян, 3% прибалтов и около половины, а где и более, среднеазиатов (малые народы Севера - почти поголовно)!

В 1990 году в газете "Московские новости" (№ 9 от 14 марта) была помещена страшная корреспонденция Ю. Теплякова "Ты еще дышишь, Урал?". Без всякой натяжки слово "Урал" можно заменить и словом "Арал" и ответить с уверенностью, что делают последние вдохи не только Урал и Арал с Большим Приаралем, но и десятки других регионов СССР, русских и нерусских. Однако с тотальной массовой нищетой, сменившей сравнительно недавний достаток "среднеазиатского подбрюшья России", где на наших глазах один вчерашний оазис за другим становятся непригодными для жизни, с отравленностью Средней Азии ядохимикатами, с ее демографической катастрофой сравнимы разве что судьбы малых народов Северо-Востока РСФСР и населения зон чернобыльского поражения. При всем при том ни один из регионов СССР, русских или нерусских, не высосал и не впитал в себя "жизненных соков" других регионов. Всё съела, переварила и превратила во вредоносные шлаки чудовищная Утопия-Оборотень с ее истребительной идеологией и самоубийственной системой хозяйствования.

Огромная, экологически и экономически многозональная РСФСР, возможно, как-то и справится с нынешним своим разорением в одиночку (если не захотят уйти от нее алмазная Якутия, нефтяная Тюмень, угольная Коми, золотая Колыма и др., если помогут богатые свободные страны и пр., и пр.). Но, полузадушенная монокультурой хлопка (не на свои и не на российские ситцы, а на кремлевский экспорт и порох!), отравленная ядохимикатами, заболоченная мертвой соленой водой Средняя Азия сама не вынырнет. Да еще при директивно Центром загубленной двухтысячелетней ирригационной культуре, без которой в этих районах Земли цветущая человеческая жизнь невозможна.

Но ведь Солженицын прав и тогда, когда говорит, что "будет взрываться то там, то сям"; что "все уже видят, ...вместе нам не жить".

Где же выход?

Разделение жаждущих разделить представляется выходом лишь о т ч а с т и. Обуявший всех "заядлый «национальный вопрос» ...перекосил все чувства и всю действительность" и не оставляет времени и терпимости для решения взаимных претензий м и р о м. О терпимости Солженицын говорит неустанно, со времен статьи "Раскаianie и самоограничение как категории национальной жизни" (1972). Еще и потому лишь отчасти, что не хочет теряющий землю под ногами цекагебистский Кремль допустить полномочную, непредвзятую и свободную "работу экспертов всех сторон". Напротив, он разжигает эксцессы, он, противясь сепаратизму, его же и провоцирует, лишь бы только иметь основание, когда люди более всего на свете возжаждут порядка, - навалиться и обуздать с незабываемо-соблазнительной сталинской мощью все независимые шевеления, и русские, и нерусские.

Наиболее обнадеживающими представляются следующие слова Солженицына: "...Установление торгового обмена и промышленного

сотрудничества на независимой основе", то есть новой, свободной формы общения в ныне насильственно оберегаемом псевдосоюзе.

Заметим: при всем уродстве унитарной централизованной Системы СССР представляет собой сегодня плохой, деградирующий, но все же единый хозяйственный механизм. "Безболезненная разъемка народных хозяйств" здесь возможна лишь в одном смысле: все линии хозяйственных связей ("торговый обмен и промышленное сотрудничество на независимой основе") должны быть избавлены от противостественного излома, сводящего все их сперва в имперском Центре, где некто всеведущий, всемогущий и всеблагий их рассмотрит, изучит, распределит и адресует по своему разумению. На самом-то деле никакой Центр в принципе, по объективным законам природы, неспособен преодолеть тот роковой дефицит информации-времени, который не позволяет ему справиться с этой задачей мало-мальски сносно, причем степень нерешаемости задачи непрерывно и с ускорением растет.

Стремящиеся ныне к обособлению от Центра и друг от друга регионы СССР ни конвертируемой валюты, ни конкурентоспособной по мировым стандартам продукции не имеют. Обеспечьте им полную политическую независимость, предоставьте свободу выбора, и через какое-то (весьма ограниченное) время их экономические, экологические и культурные интересы обратятся, в основном, внутрь только что политически распавшегося сообщества. Именно такая ориентация, но без предварительного насильственного излома на Центр, уродующего все связи, окажется органичной для хозяйственно взаимодествующих (кто - столетиями, кто - десятилетиями), демографически смешанных* ареалов распадающегося унитарного государства. Для кого такое направление связей неорганично, - вольному воля. И ведь что главное: эти горизонтальные связи - не плод теоретических изысканий, не чей-то "конструкт", который надо "проводить в жизнь", то есть искусственно (что чаще всего переходит в "насильственно") насаждать. Они уже возникают - в обход упорства "союзного" Центра. Они возникли с подачи маленькой Литвы и живут поддержкой гигантской России.

Но беда ведь еще и не только в том, что народы кипят гибельным озлоблением, все против всех; что Центр (гнетущий тюремный свод с опорой на неправду и силу) не хочет бережно, миролюбиво, квалифицированно помогать частям определиться в своей свободе и в добровольных связях, чтобы обернулось разделение не трагедией, а новым содружеством.

Беда, и как бы не решающая, еще и в том, что в нынешнем рушащемся СССР есть инструменты насилия (армия, войска, МВД и КГБ, уголовные образования и национальные формирования "боевиков"), но нет ненасильственно, созидательно и при этом реально властных структур.

Есть новые идеи (новые для подсоветского общества - не для свободных мыслителей) - нет механизмов для их задействования. А вода ревет во всех трюмах, подступая к палубе корабля.

Солженицын (повторим это снова и снова) начал свой монолог не сегодня. Это не он пришел к чьим-то трезвым выводам от своих

* 60 миллионов человек живут сегодня не на своих этнических территориях. Попробуйте-ка их разделить и переселить.

иллюзий – это всё, что в России по-настоящему очнулось, подошло к его выводам. И, осознавая, конечно же, всю малость надежд на благополучный выход из тупиков коммунистической империи, он не может не взывать к разуму и сердцам соотечественников, пока жив.

Но объективная ситуация такова, что людям, скованным одной цепью (и Солженицын говорил об этом когда-то в обращении к эмигрантам – представителям разных народов СССР), невозможно вырваться из ловушки, не столкнувшись прежде всего друг с другом. Каждый день приносит новые тому доказательства. Из среднеазиатских республик уезжают квалифицированные специалисты (интеллигенция и рабочие) некоренного происхождения. Они превращаются во внутренних эмигрантов: ни жильё, ни прописка, ни работа в других (родных?) советских республиках их не ждут. Покидаемая ими Средняя Азия "анголизируется": её население, за исключением мафиозной номенклатуры, традиционно не связано с городом, с промышленностью, с высоким образовательным цензом. Нарастает постколониальный синдром регресса. Пустоты занимают наезжие бомжи, люмпены, дно. И все-таки об уезжающих (часто – поколениями – своих, здешних) не жалеют: это – колониальный синдром.

Глава "Процесс разделения" завершается замечательными словами:

"За что б мы ни взялись, над чем бы ни задумались в современной политической жизни – никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими интересами, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность".

А если так, то всё (сообща!) разрушенное взаимной же помощью только и может быть восстановлено. И разорённое, полуживое "среднеазиатское подбрюшье" – тоже (если оно того захочет, а не окажется отброшенным, не рванётся само под зеленые знамена джихада). Ведь в свое время Среднюю Азию о ее воле входить или не входить в империю не спросили – ни Александр II, ни Ленин.

Но самое страшное состоит не в том, что кто-то чего-то не понимает, кто-то кого-то (всё понимающего) не слышит. Главное – в превращении необъятной массы людей во всё менее организованное, всё менее структурированное месиво, которое, кажется, уже никакими спасительными связями не пронизать, никакими программами не упорядочить, никакими словами не превратить из месива в общество. И все-таки Солженицын надеется. И пытается убедить. Вот еще один постоянный мотив его публицистики: "Но не посылается Чудо тем, кто не силится ему навстречу".

III

Мысль о том, что "независимого гражданина не может быть без частной собственности", стала убеждением Солженицына за десятилетия до того, как до этой мысли доросли самые непримиримые диссиденты и правозащитники в СССР, за немногими исключениями. Солженицын, подобно Столыпину, считает право частной собственности на землю первоосновой, условием гражданской правовой эмансипации большинства населения. Еще во времена своей полемики с А. Д. Сахаровым по поводу его меморандума 1968 года, а позднее – "Письма вождям" Солженицын распространил это свое убеждение и

на все прочие отрасли хозяйства, на промышленность, подчеркивая одновременно опасность монополистских тенденций. Он констатировал уже тогда крах экономической системы социализма, оспорив мнение Сахарова (1968), что в экономике и в области народного благосостояния капитализм и социализм "сыграли вничью". Сахаров так и не отказался, вплоть до своей безвременной кончины, от идеи конвергенции обеих систем с сохранением лучших сторон и той, и другой. Солженицын уже в 1960-х годах не видел в социализме ничего достойного сохранения и перенесения в будущее, не признавал за этим строем решительно никаких завоеваний и преимуществ по сравнению с капитализмом. Очень рано в ряде развернутых публицистических работ, написанных в изгнании, Солженицын констатировал тенденцию к тому хозяйственному, демографическому, экологическому, нравственному распаду, который сотрясает СССР сейчас, провидя одновременно и ростки нравственного, гражданского возрождения – единственную нынешнюю надежду. Его полное неприятие социализма трактовалось и отчасти трактуется по сей день как антизападничество и обскурантизм, хотя он стоял и стоит несравнимо ближе к серьезной западной экономической мысли XIX и XX веков, чем его оппоненты в этом вопросе.

Замечу лишь, что многим специалистам инвестиции иностранного капитала в российскую и всякую иную раскрепощаемую экономику не представляются опасной тенденцией, каковой они видятся Солженицыну. И не только потому, что их еще почти нет и неведомо, будут ли: слишком трещит по швам экономика СССР, чтобы кто-то со стороны вкладывал в нее весомые средства. Международная практика зарубежных инвестиций хорошо юридически разработана, и нежелательные для страны-реципиента последствия могут быть априори исключены. Капитало-, товаро- и интеллектообмен становятся во всё большей степени планетарными. Но в этом обмене интересы каждого государства нуждаются в реальной юридической обеспеченности.

В хоре первых же откликов на "Посильные соображения" прозвучало и привычное обвинение в неприятии Солженицыным западной культуры. И опять это – передержка или инсинуация. Солженицын вполне конкретно говорит об опасной специфике общения советских молодых людей с еще недавно запретными для них мирами.

«Упущенная и семьей и школой, наша молодежь растет если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему-то, заманчивому и чужа. Исторический Железный Занавес отлично защищал нашу страну ото всего хорошего, что есть на Западе: от гражданской неестественности, уважения к личности, разнообразия личной деятельности, от всеобщего благосостояния, от благотворительных движений, – но тот Занавес не доходил до самого-самого низу, и туда подтекала навозная жижа распущенной опустившейся "поп-масс-культуры", вульгарнейших мод и издержек публичности, – и вот эти отбросы жадно впитывала наша обделенная молодежь: западная – дурит от сытости, а наша в нищете бездумно перехватывает их забавы. И наше нынешнее телевидение услужливо разносит те нечистые потоки по всей стране. (Возражения против всего этого считаются у нас дремучим консерватизмом. Но поучительно заметить, как о сходном явлении звучат тревожные голоса в Израиле: "Иеритская культурная революция была совершена не для того, чтобы наша страна капитулировала перед американским культурным империализмом и его побочными продуктами", "западным интеллектуальным мусором").»

Замечу, что между Западом и Израилем занавеса не существует. Поэтому, хотя наркотицизирующая поп-масс-культура и различается достаточно широко вязкой тинной, но спектр общения, в отличие от советского варианта, не ограничен ни на каких культурных высотах. Но это – попутное замечание. Главное же – упорно не замечаемая (как всегда в таких случаях) оценка человеком, на которого пришлепнут ярлык “антизападника”:

"всего хорошего, что есть на Западе: от гражданской неестественности, уважения к личности, разнообразия личной деятельности, от всеобщего благосостояния, от благотворительных движений".

Да и о сельском хозяйстве сказано, что только при частной земельной собственности

"наше сельское хозяйство не будет уступать западному. И предвидя и требуя самостоятельности во всех областях жизни – как же не допустить ее с землей? Отказать деревне в частной собственности – значит закрыть ее уже навсегда".

IV

Позволю себе несколько соображений по ходу чтения второй части брошюры. “Статус потенциально сильной президентской власти” “окажется полезным” только при: реальности этой власти; определенности того, чего эта власть хочет и что она может; наличии общественно-государственных институтов, которые не позволили бы сильной президентской власти стать диктаторской; всенародности механизма выборов президента, контроля над ним и его смены.

Генсек-президент Горбачев ни одному из этих требований не отвечает. Келейно избранный; осуществляющий олигархическую вооруженную монопартийную волю; не имеющий четко определенного курса; практически бессильный позитивно властвовать, несмотря на исключительные юридические полномочия и недержание импотентных указов, – такой президент не только не обеспечивает плавности преобразовательного процесса, но и судорожно стимулирует нарастание хаоса.

Здесь мы подходим к другому замечанию Солженицына: “При людском благородстве – допустим любой добропорядочный строй”. Заметим: д о б р о п о р я д о ч н ы й. Из текста обеих частей брошюры четко следует, что добропорядочный строй предполагает частную собственность на землю и свободное предпринимательство, свободный рынок (при защите социально слабых групп населения и невозможности хищничества со стороны имущих); сильную, правовую, служебную по отношению к обществу государственность; неподдельное народное представительство; максимально возможный суверенитет местного самоуправления. Следовательно, мы вправе подчеркнуть: социалистический режим под определение строя добропорядочного не подпадает. В его обстоятельствах людское благородство, которое нигде и никогда не бывает сплошным, если непосредственно и не карается (что не исключено, а в определенные периоды и неизбежно), то обращается в ноль или в отрицательную величину неустраняемой структурной злокачественностью Системы. “Людское озлобление и шкурничество” же непрерывно этой Системой продуцируются и

поощрительно селекционируются. Тот факт, что добропорядочность строя предполагает обязательное наличие неких структурно-правовых норм, которых социализм лишен в принципе, Солженицын констатировал за десятилетия до многолетних своих оппонентов.

V

Солженицын издавна с апатией и недоверием относится к институту партийности как таковому, полагая, что "partia" - "часть" - способна защищать лишь интересы ограниченной общественной группы против общества как целого. Поэтому на демократических выборах он полагает более предпочтительными личные, индивидуальные программы и кандидатуры, чем партийные платформы и списки. Это вызывает несколько замечаний и вопросов.

Партия, движение, союз и пр. могут выражать интересы не только некоей части общества, но и свои представления об интересах других групп населения и народа как целого.

Партий, движений, союзов и прочих ассоциаций на свободных выборах может быть много. Иногда, как отмечает Солженицын, слишком много, что способствует несоразмерному влиянию малых групп и коалиционному шантажу*.

Так или иначе, на свободных конкурентных многопартийных выборах может быть представлено всё общество, а слабые стороны такой системы поддаются если не полному устранению, то смягчению. Если же каждый из множества альтернативных кандидатов будет выступать с индивидуальной программой, то избиратели просто не сумеют осилить этой лавины программ. Кроме того, если полагать неизбежным, что партия (часть) защищает лишь групповые интересы, то не придется ли, следуя собственной логике, предположить, что независимый кандидат (один человек) способен представлять только себя самого? Думается все же, что исторически сложившаяся практика выборов по партийным или иным групповым платформам при всех своих неизбежных (как и у любого варианта демократии) несовершенствах и недостатках есть (как и демократия в целом) наименьшее зло.

VI

"Цель общезития - установить между людьми нравственный порядок» (М. М. Сперанский). - «Свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа» (А. К. Толстой). - «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» (В. О. Ключевский).

Право - это минимум нравственных требований к человеку, ниже которых он уже опасен для общества. «Во многих случаях то, что является правом, запрещается моралью, которая обращается к человеку с заповедями высшими и более строгими» (П. И. Новгородцев).

Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость - это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим".

* Израильская избирательная система - яркий тому пример.

Всё это размышление не вызывает протеста, пока не спотыкаешься о последний абзац. В нем позволю себе усомниться. И не потому, что, по моему мнению, право должно стоять выше нравственного начала: право просто не может стоять выше него. Оно обязано ориентироваться на нравственное начало как на максимум, должно всегда корректироваться (в юридически же установленном порядке) по максимуму. Более того, есть случаи, когда нравственное начало вправе превысить правовое: ты не обязан, но можешь раздать свое имущество нуждающимся и страждущим, отдать свою кровь, кожу, органы тела, чтобы кого-то спасти, можешь работать без вознаграждения, идти добровольцем на защиту отечества и опасный труд, когда не обязан по закону так поступить. Но ты не вправе укрыть и спасти из сострадания (нравственное чувство?) злодея, еще опасного для других людей, и т. п. и т. д.

К великому сожалению, для живых, грешных, несовершенных людей понятия справедливости, нравственности все-таки субъективны и релятивны. Даже лучшее в мире Право есть (как и самая удачная для данной страны демократия) лишь наименьшее зло, но все-таки наименьшее. Максимумы нравственности могут находиться с правом в корректирующей и возвышающей, но правовой тягбе. Если же человек берет на себя ответственность, служа нравственности, самочинно переступить через Право, он должен быть готов за свой поступок ответить и на суде Совести, и на суде Права.

В начале того же абзаца сказано, что "право - это минимум нравственных требований к человеку, ниже которых он уже опасен для общества". Понятие "ниже" и "выше" Права ("юридические начала") тоже, к сожалению, для реальных и всегда разномыслящих людей релятивны. Для революционеров насилие и террор, утверждающие, по их убеждению, справедливость, выше права отвергаемой ими социальной системы. Юрист Ленин многократно с исчерпывающей откровенностью требовал от своего Наркомюста "применять не *corpus juris romanum* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание" (выд. Лениным, Ленин В. И., ПСС, т. 45, с. 396-400). Полагаю, что внутренняя противоречивость постоянных размышлений Солженицына о двучлене Нравственность - Право (вспомните дворника Спиридоны: "Волкодав прав, а людоед - нет", - "В круге первом") воспроизводит глубокие объективные антиномии Бытия.

К числу таких антиномий относятся и проблемы этического контроля над властью и этического самоконтроля общества, занимавшие и занимающие Солженицына постоянно (как и великое множество мыслителей и законодателей разных времен и культур). Эта проблема двусмысленна по своей сути, ибо этика - категория глубоко интимная и одновременно глубоко социальная, вечная и вместе с тем тесно связанная с конкретной эпохой. Контроль над этикой легко оборачивается посягательством на свободу личности и/или встает стеной на пути возвышающего развития, углубленного толкования этических категорий.

Вместе с тем этика, несомненно, не только прирождена, но и воспитуема. Человек, общество нуждаются в самозащите от пренебрежения этическими ценностями и постулатами, в непрерывно углубляющемся осмыслении этих постулатов и в удовлетворительном общем согласии о них. Этика Заповедей и Нагорной проповеди - это абсолют; постоянно уточняя и углубляя свое понимание и толкование абсолютного, человек и общество могут лишь приближаться к нему. Но

они не должны при этом утрачивать свободы и динамичности толкования этических норм, которым подчинены. Иначе не будет расти глубина постижения абсолюта, степень сближения с ним. Солженицын и размышляет о том, как сделать этический контроль не произволом, не посягательством на личную свободу, не гарантом стагнации, но орудием самозащиты общества, группы и человека от аморализма общества, группы и человека. И эти его размышления, по необходимости сжатые до предела, как все идеи его краткой работы, надо надеяться, не будут обойдены вниманием в пору обустройства России.

VII

Когда говорят о Солженицыне и его творчестве, то нередко разговор, вместо постижения, восприятия и оценки его мыслей, его неожиданных, непривычных языка и жанров, сводится к некоему состязанию сторон: обвинителей и адвокатуры. Несомненно, что у многих людей есть о чем спорить с Солженицыным, как и у него с ними. Добросовестный спор по существу затрагиваемых вопросов всегда плодотворен. Но Солженицына слишком часто стараются отбросить, а не понять. Его творчество перечеркнуло массу стереотипов мировой квазилиберальной, а не только советской общественной мысли, даже оппозиционной. Он отверг привычные ценностные клише, сознательные и подсознательные уловки, помогавшие многим сносно существовать в казенной литературе. Он возвратил в литературу категории, понятия и мерила, не только ею утраченные, но, в глазах его первых и поначалу восторженных читателей, прямо-таки непристойные в своем, как им виделось, ретроградстве. Оказалось, что это было опережением, а не обскурантизмом - службой тому же человеколюбию, которому (так им виделось) служили они, но без миражей, за которые они продолжали цепляться. Легко ли признать это и сегодня? Вот и не признают, и продолжают отыскивать ущербность в нем, а не в себе. Тем более, что жизнь и работа для него слились, и что он и к другим относится с не всегда посылными для них мерками правды и пользы дела.

На фоне творчества Солженицына, на фоне его биографии и жизненного поведения убийственно проявилась нравственная и культурная поврежденность советской образованщины, "порядочной применительно к подлости" и прячущей свою суть от самой себя. Само это имя - "образованщина" - ударило, возмутило и обидело даже и тех, кого Солженицын не имел в виду. Но прошли годы, и понятие образованщины вошло в обиход, обозначив социальный характер, весьма в советском образованном слое распространенный. Да и мог ли этот типаж не возникнуть в таких убийственных обстоятельствах? Долгие годы добиваясь "степеней известных" ценой компромисса, слишком многие успешно убедили себя, что иначе - нельзя, что компромисс не принципиален, позднее - что они не знали всего. Солженицын показал, что можно, что знали достаточно много, а если нет, то лишь потому, что не хотели знать.

И еще: он жалел Ивана Денисовича и Матрону, а их обвинял, хотя их страдания (тех, кто двоился и мучился компромиссами) были тоньше, а значит - острее. Он виделся им нечутким и даже тщеславным в своем обличительстве. Верная многолетнему самоза-

щитному рефлексу – выбирать позицию, которая легче (а ведь крайне трудно признать в обидчике еще и превосходящий дар), часть пострадавших по сей день поистине не щадит себя. В самозабвении она упускает из виду, что творчество Солженицына идет в будущее, соизмеримое во времени со сроками существования литературы как таковой. Жизнеописание классика поневоле повлечет за собой в завтра имена тех, кто близурко швырнул в него камнями всех этих "православных аятолл", "секретарей ЦК КПСС русской эмиграции", "александров четвертых", "иванов грозных", "маниакальных сим симычей карнаваловых", "антипалачей-палачей" с "топором в розовых пальчиках добра", одного из "двух ликов дьявола"; кто обзывал его антисемитом и шабес-гоем, антизападником и предателем интересов России (поистине вызывающий сострадание г-н А. Зиновьев дооригинальничался до того, что приписал размышлениям Солженицына "примитивный, низкий, убогий... дегенеративный уровень").

Повторим: удивителен не столько сам по себе этот ураган броских ярлыков, хлётских кличек и карикатур, сколько то, что люди, порою весьма начитанные, не страшатся предстать в Будущем Солженицына не его оппонентами, нет, но игроками без правил. Ну, что ж, и в этом случае – вольному воля. Хорошо уже то, что эти геростраты не сожгут храма. Разве что отметятся каждый на высоте своего роста: "Здесь побывал икс, игрек, зет"...

* * *

Солженицын относится к числу тех писателей, которые не позволяют себе роскоши самовыражения ради самовыражения. Ко времени первой своей публикации он уже осознал во всей полноте трагизм эпохи, не допускающей пустословия и суесловия. Писатели, неотвратимо призванные к Задаче, в столь смертоносных обстоятельствах достаточно редки: террор беспощадно селекционирует конформистов. Среди писателей, откровенно ставящих перед собой задачу не только историографа и аналитика, но и проповедника, мало больших художников. В Солженицыне эти плохо совместимые качества соединились. Добавим к этому удачу выжить там и тогда, где и когда выживали немногие. И не только выжить, но и зазвучать во всю мощь своего голоса. Но тем драматичней его судьба: когда у его страны еще оставалось время для перемен, ему не давали пробиться к большинству сограждан; когда, наконец, его начали печатать на родине, распад, возможно, уже вошел в неодолимую фазу. Власть имущие же закрывали свой слух перед ним тогда и закрывают теперь. Да и есть ли сегодня в СССР власть имущие, а не только цепляющиеся за власть толкачи в бездну?

Если гигантский маховик распада, запущенный "слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией" (Солженицын), успел разогнаться до роковой критической скорости, то осилит ли, успеет ли замедлить и остановить его бег даже самое прозорливое слово? Но – еще раз: "...не посылается Чуда тем, кто не силится ему навстречу".

Иерусалим, ноябрь 1990 г.

Национально-государственная альтернатива

В. ЖЕДИЛЯГИН

Участники "Круглого стола" ("Посев" № 6, 1990) лишь затронули национальные проблемы, столь прямо поставленные А. И. Солженицыным в его брошюре. Ниже мне хотелось бы сосредоточиться именно на национальном вопросе.

В процессе отлива идеологической волны, которая захлестнула и утопила страну в 1917, размылась вся советская квазиреальность и вернулась возможность вновь мыслить и действовать в рамках реальных понятий и категорий – народ, нация, культура, государство, Россия...

Размылась советская квазиреальность, и стало очевидным, что единой, так сказать, "советской" (по аналогии с гражданством) нации – нет. Да и быть не могло, поскольку власть "мирового пролетариата" такого понятия не признавала, и разрушение национальных государств и национальных организмов, собственно, и составило содержание социалистической революции и итог мировых ленинских замыслов. Размылась идеологическая квазиреальность "советский народ", и оказалось, что за 70 лет социалистического интернационализма в СССР не было создано ни одной объединяющей людей духовной или культурной ценности. Даже отрицательной, даже – "пролетарского сознания" или "классовой психологии". И в наследство нынешнему поколению от большевиков досталось не целостное ("советское", "пролетарское" или "интернационалистическое") государство, и тем более не целостное национальное (многонародное, но русское по духу) государство, каким была Россия, а всего лишь безнациональная и антинациональная (разрушающая внутреннее единство) псевдогосударственная система, составленная из искусственно созданных – и отнюдь не для блага народов – "республик".

Народы бывшего российского государства, оказавшиеся в этой системе, хорошо знают на собственном опыте, что СССР никогда не был государственным союзом народов, а – только фиктивным союзом "революционного пролетариата", скрепленным партийной дисциплиной коммунистического интернационала. А в процессе "перестройки", этого вынужденного идеологического отступления КПСС, народы бывшего российского государства увидели возможность своего освобождения от этого "союза". И теперь уже никакие обещания "автономий" или "суверенитетов" не удержат их в составе никакого нового, анонимного, безнационального и сверхнационального союза. Только силой, может быть, и удастся власти удержать их в рамках какой-то новой государственной аббревиатуры. Это хорошо чувствуют и понимают все местные националисты, для которых формально "союзная" структура ленинского псевдогосударства обернулась неожиданным подарком советской истории.

Таковы политические реальности сегодняшнего дня. И прав, конечно, Солженицын, подчеркивая, что нам необходимо – прежде, чем говорить о "лечении", – определить границы, в которых "мы будем лечиться или умирать".

Разрушив уникальное по своему характеру многонациональное российское государство, коммунистическая власть, однако, за все 70 лет своего господства не создала ничего нового, что могло бы препятствовать – политически, духовно или культурно – воссозданию этого государства. Нет "советского народа" как новой "исторической общности людей", с коммунистическим идеалом, с классовым сознанием, материалистическим мировоззрением. Нет социалистического общества. И это – шанс для России. И как бы ни было разрушено бывшее здание, его несомненно можно восстановить и даже улучшить, поскольку на его месте не стоит (к счастью) другое. Эта пустота позволяет увидеть, что унаследованные от Ленина политические реальности сегодняшнего дня (разъединенные по этнографическим принципам объединенные ранее народы, расчлененное на "республики" государство) не соответствуют реальностям историческим. Ведь ленинская РСФСР, как ни крути, не соответствует исторической России, а русский народ невозможно, сколько ни пробуй, втиснуть в одно лишь географическое понятие Великороссии. И дело здесь не в "географии", а в том, что в каждом жителе этого развалившегося государственного здания существует еще, как хорошо сказал Е. Романов (с. 71), "вторая часть души" – российская. Это наше общее достояние, наше наследство, это то, что взросло до 1917 года на почве русской духовной культуры (и при содействии русской государственной политики) и что объединяло людей многонационального российского государства в одно понятие – россияне. Солженицын говорит о "дремотном неразличении наций", которое было достигнуто до революции.

А еще раньше просто говорили о "российской нации", правда, как о нации в процессе "сотворения". Поэтому в глубине столь критикуемой сегодня идеи "единой и неделимой" России лежало отнюдь не только желание сохранить территориальную широту и внешнюю мощь Державы, но прежде всего – чувство этого внутреннего единства. В идее "единой и неделимой" отражалось подчинение политической мысли какой-то внутренней российской правде. Может быть, той самой правде, которая руководила умами наших князей, объединявшихся с Дмитрием Донским против Мамаю, а также сердцами православных князей Западной Руси, присоединявшихся к Москве как к своему религиозному центру.

От этого исторического наследства, от этого живущего в каждом из нас чувства России, от этой внутренней российской правды – нельзя отказываться. Это наследство существует и с ним надо считаться, и считаться больше, чем с наследством коммунистическим, то есть местными националистическими, антирусскими и антиросийскими проявлениями. Надо считаться также и с тем, что местные националисты пользуются у себя популярностью не потому, что большинство их соотечественников отбрасывает идею единства российских народов, а потому, что никто не желает оставаться в составе все того же ленинского "союза", даже если он и лишен теперь своего идеологического и революционного смысла. Здесь сказывается желание народов освободиться не от России как таковой, а от навязанного ей в октябре 1917 пути развития. Здесь – желание независимости от СССР в качестве "ленинской альтернативы" российскому государству.

Поэтому горбачевский план "суверенитета республик" в рамках какого-то нового "союза" (ССР – ?), оставаясь всецело в линии это-

го "октябрьского" (ленинского, социалистического или интернационалистического - не важно, как его называть) развития страны, не удовлетворяет российским чувствам. Это лишь вариация на ленинскую тему "добровольного объединения независимых республик", которую народы России хорошо знают. В этой идее нет ничего принципиально нового, а лишь тот же ленинский мотив о "самоопределении вплоть до отделения". Попытки осуществления сей старой идеи в сегодняшних новых условиях будут только раздувать и укреплять националистические тенденции на местах.

Но и ельцинский проект прямых и непосредственных договоров между ленинскими "республиками", возведенными в ранг самостоятельных государственных единиц, тоже не выходит за рамки навязанного России пути развития в 1917. И тоже, несомненно, приведет к окончательному ее расчленению - после того, как все эти бывшие фиктивные республики получат, рано или поздно, международное признание в качестве независимых государств. А получат они это признание, как только Западу это станет выгодным.

Ни Горбачев, ни Ельцин не хотят видеть никакой альтернативы разрушительному "октябрьскому" курсу государственного развития страны, потому что с этим курсом связана их власть. Но они несомненно понимают, что в стремлении, например, русско-украинского населения Приднестровья выстоять перед нажимом местных националистов отражается их "российское" самосознание, а не желание продлить существование отжившего ленинского союза республик. И здесь кроется опасность "оседлания" властью российских чувств, напоминающая старые, неудавшиеся попытки "оседлания" коммунистической властью русского национализма. Горбачев уже подчеркивал (17 ноября, на сессии Верховного Совета), что в Грузии местные националисты хотят разорвать "веками сложившиеся связи" (если - "веками", то с Россией, а не с СССР!), что 70% украинцев высказываются за сохранение Украины в составе союза (в составе России, конечно, а не СССР!), и что так - "везде". Понимая реальность существования "российской части души" у народов СССР, Горбачев и пытается проводить амальгаму между исторической Россией и его "обновленным" союзом. Обновленным - но все тем же ленинским и с ленинскими наследниками у власти.

Мы всегда понимали, что унаследованные от большевиков проблемы, особенно проблемы национальные и государственные, не могут быть решены путем какой-то эволюции (трансформации) коммунистической власти, а только - путем смены этой власти. И мы были правы: сегодня уже ясно, что только новой, постпартийной (национальной, российской) власти будет дано положить конец "октябрьской альтернативе" России. И привести в меру еще существующих возможностей, унаследованные от коммунистов политические реальности в соответствие с реальностями историческими.

Самым прямым путем решения этой проблемы было бы:

- 1) Официальное осуждение октябрьского переворота и ленинской политики.
- 2) Торжественное заявление об отказе от ленинского наследия.
- 3) Отмена всех ленинских и сталинских "республик", роспуск всех местных "советов" и "правительств".
- 4) Воссоздание государственного единства на всей территории нынешнего СССР.

5) Проведение в жизнь конкретных мер по децентрализации государства, с установлением свободно избранных местных самоуправлений, с предоставлением полной автономии народам в области культуры, религии, национальных традиций и т. д.

6) Предоставление, при определенных условиях, полной независимости тем народам, которые безнадежно утратили, в результате 70-летнего коммунистического господства, "русскую часть" своей души.

Но мыслимо ли такое решение сегодня, даже если с чисто практической точки зрения (для проведения хотя бы экономических реформ) оно было бы и наиболее эффективным? В. Сендеров отмечает, что "централистские рецепты" оптимизма не внушают. Да, не внушают, если эти рецепты будут применяться нынешней властью, в рамках ленинско-горбачевского "союза республик". А будущей, послекоммунистической российской власти все же придется взвесить, какое решение наиболее чревато опасностью новой гражданской войны: воссоздание целостного (но национального по духу, русского, а не интернационального и анонимного) государства и проведение в его рамках необходимых реформ или разделение страны и расчленение ее народов без учета общности духовной культуры, исторического прошлого и даже просто экономических интересов?

Сегодня, однако, еще не созданы необходимые политические предпосылки для такого решения. Большевиков еще никто не отменил, как говорится. Еще нет в стране ярко выраженного "русского движения". Нет еще широкой и организованной "русской оппозиции" коммунистическому союзу, оппозиции, которая была бы альтернативой местным националистическим силам, возвращенным на почве ленинских "республик".

При отсутствии этих условий солженицынское предложение промежуточного решения в рамках Российского Союза - целостной государственной формации, объединяющей "славянский массив" российских народов - представляется более реальным. А российский национально-государственный очаг сможет стать привлекательным и для других народов нынешнего СССР, у которых сегодня нет выбора, кроме старого коммунистического союза или трудного и порой даже нереального пути государственной независимости. Но Солженицын предлагает создать Российский Союз путем отделения от СССР других 12 республик. Не логичнее ли было бы самому "славянскому массиву" отделиться от коммунистического союза, самому выделиться в самостоятельное и независимое от СССР государство? А затем предложить всем другим россиянам, кто захочет, присоединиться к этому национальному российскому очагу?

Но это, конечно, задача не Ельцина и не Горбачева, а самой русско-белорусско-украинской интеллигенции, потому что воссоздание национально-государственного единства может быть только делом рук самого "триединого" русского народа. Но для этого ему необходимо избавиться от своих собственных узконациональных эгоизмов. А тогда он, вероятно, и сумеет объединить вокруг идеи России всех носителей русского сознания.

Идея Солженицына - первая конкретная попытка осмысления нашего будущего в рамках реальных понятий и категорий: народ, государство, Россия. Первая попытка определения национально-государственной альтернативы ленинскому, коммунистическому "союзу республик".

Париж, декабрь 1990 г.

Проблемы самоопределения: быть или не быть русской нации?

Олег СОСНИН

Бурные национальные движения последних лет заставили задуматься многих русских людей. Какова наша судьба, судьба главной имперской нации разваливающейся империи? Способен ли русский народ стать основой русской нации в русском национальном государстве? Каково должно быть русское национальное государство? Вопросов много, и они требуют ответа.

Более или менее очевидно, что имперская национальная политика советской власти препятствует национальному самоопределению народов нашей страны, в том числе – формированию русской нации. Очевидны и основные препятствия: господство имперской бюрократии, средневековая экономическая политика, разрушение национальной культуры и окружающей среды, установление произвольных национальных границ, расистско-бюрократический принцип регистрации национальности в паспортах. К сожалению, многие не сознают, что национальные проблемы значительно более живучи, чем существующий коммунистический режим. И наивны те, кто надеется, что национальные дела сами собой устроятся после замены империи демократией. Наоборот, следует ожидать обострения национальных проблем, после того как демократия освободит пути для их решения, и стараться их заранее осмыслить.

В понимании того, что такое нация, напущено много идеологического тумана, в котором так или иначе барахтаются национальные движения нашей страны. Ловкие краснобаи, если хотят польстить, называют любую этническую группу нацией, независимо от ее численности и политической ситуации, в которой она реально существует. Почему же название "нация" льстит, а название "народность" нередко вызывает возражения? Дело, видимо, не в многочисленности, так как все признают существование как больших, так и малых по численности наций. Для недовольных народов наиболее притягательна государственная независимость общепризнанных образцовых наций, и они надеются (обоснованно или нет – другой вопрос) поправить свои дела после обретения полной независимости. Поэтому, если какой-либо народ (скажем, шотландцы, баски, корсиканцы, хорваты, эстонцы, татары и т. д.) не имеет полной государственной независимости, а его величают нацией, то звание нации льстит местным националистам как признание их притязаний на такую независимость. Заметим, что не имеет своей особой независимости и русский народ, но вряд ли это обстоятельство может служить достаточным основанием для какого бы то ни было национализма.

Необходимо прекратить манипулирование термином "нация" в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры. Нация – это не что иное, как единство населения в рамках единого государства; единство, возникшее из общности исторической судьбы, хозяйствен-

ных и культурных связей, выражающееся в характерном этнокультурном сплаве населения и в общей устремленности в будущее. Основные этнические группы (народы) национального государства самоопределяются в его составе как неотъемлемые части нации. Все граждане национального государства независимо от их этнической принадлежности признаются членами нации и имеют равные права как де-юре, так и де-факто. Национальность в национальных государствах – это принадлежность к нации, она не связана непосредственно с этнической принадлежностью граждан. Так, помимо собственно французов, в состав Французской нации входят такие этнические группы, как провансальцы, итальянцы, испанцы, алжирцы, бретонцы, эльзасцы и другие народности. Все они считают себя прежде всего французами. А вот бельгийская нация состоит из двух примерно равных по численности народов: германоязычных фламандцев и франкоязычных валлонов, что не мешает всем им считать себя бельгийцами.

Многонациональное государство, в качестве которого рекламируют нашу страну официальные имперские идеологи, – это не что иное, как российская разновидность империи, в которой правящая бюрократия, попирающая все общество, опирается на одну из этнических групп населения (на русских) в ущерб остальным. Национальность в такой империи ассоциируется с принадлежностью к той или иной этнической группе. В результате этнические группы в советской империи считаются особыми национальностями, классифицируемыми по иерархическому принципу в соответствии с иерархической структурой империи: нации – ведущие этнические группы союзных республик; народы – этносы, по имени которых названы автономные республики (хотя некоторые из них составляют скромное меньшинство в своих автономиях); народности – все остальные, независимо от их численности. Каждый советский человек навечно приписан к одной из официальных национальностей и лишен права свободного выбора национальности. Фактически империя пытается сделать из него денационализованного имперского подданного. Народы нашей страны противодействуют имперскому процессу денационализации и группируются в нации, в первую очередь – в русскую нацию.

Самоопределение русской нации связано, по нашему мнению, со следующими проблемами.

1. Проблема консолидации русской нации. Поскольку СССР не является национальным государством, на его территории не существует сложившихся наций. Все нации нашей страны, в том числе русская, находятся в стадии формирования. Успех их консолидации в рамках национальных государств находится в очевидной связи с демократическим преобразованием империи, с уровнем взаимоотношений с русским народом и с количеством так называемого русскоязычного населения, проживающего на территориях, на которые формирующиеся нации претендуют.

2. Проблема индивидуального самоопределения. Демократизация общества, включение в полноценную национальную жизнь всего русскоязычного населения немыслимы без признания права на национальное самоопределение за каждым гражданином страны. Каждый российский гражданин должен иметь право считать себя русским (и кем угодно еще), как каждый гражданин Франции имеет право считаться французом, а каждый гражданин США – американцем. Опреде-

ление собственной национальности должно быть таким же личным делом гражданина, как и выбор религии.

3. Проблема укорененности русской нации. Исторический путь формирования русской нации (как любой другой) занял много веков и пролегал через формирование христианского православного самосознания и распространения различных наречий русского языка. Сначала в рамках политических и экономических структур Киевской Руси, затем - в Московской Руси и в Великом княжестве Литовском и, наконец, - в Российской империи, включая ее извращенный советский вариант. На этом пути русская нация выплавилась из конгломерата финских, тюркских, славянских, балтских, североиранских и североиллирийских народностей.

Сам характер генезиса русской нации делает возможным упреки в адрес русского народа в том, что он проживает на "чужой" территории. Например, русскоязычное население Эстонии можно упрекать за проживание на территории, якобы принадлежащей исключительно этническим эстонцам, русских Горьковской области - за проживание на исторических землях мордвы, русских и украинцев Причерноморья - за проживание на исконных тюркокавказских землях. В то же время смешанное, этнически весьма разнородное происхождение русских людей делает явно безосновательными утверждения о том, что где-либо на территории нашей страны, кроме, возможно, Закавказья и Средней Азии, русское (оно же русскоязычное) население является некоренным, пришлым, "мигрантами" и т. п.

4. Острая проблема русского самоопределения - этнический состав русской нации. Выделим две крайние точки зрения на эту проблему: 1) русская нация - это русский народ в имперском понимании этого слова, этнически чистое русское население, "истинные русские"; 2) русская нация - это все, кто готов быть "навсегда вместе" с русскими, независимо от этнической принадлежности.

Первая точка зрения, имперская и расистская по своей сути, предполагает, что в составе населения можно выделить главный, "истинный" народ, который и является настоящим хозяином страны. Как показывает мировой опыт, в частности - печальный опыт немецкого народа, а также недавние события в Азербайджане, Молдавии и Эстонии, она ведет к национальной розни, расколу страны по этническим и расовым признакам, войнам и геноциду. Это этнически несостоятельный и гибельный для нации путь. Второй подход благоприятствует консолидации русской нации, соответствует ее христианским традициям и способствует соблюдению прав человека. Русская нация может процветать только как тесный союз равноправных народов, объединившихся с русским народом на основе уважения прав каждого человека как образа и подобия Божия.

5. Другая не менее острая проблема - территория, на которой самоопределяется нация. Она непосредственно связана с предыдущей: согласно принципу самоопределения, формирующееся национальное государство имеет право на все территории, в населении которых преобладают народы, объединяющиеся в данную нацию. Таким образом, национальное самоопределение связано с пересмотром существующих государственных границ, что явно противоречит действующим международным договорам, прежде всего - Хельсинкским соглашениям 1975 года. На это вполне справедливо ссылаются защитники имперских порядков при обосновании принципа неделимости территории СССР.

Националистические движения союзных республик переносят имперский принцип на территории своих республик. Они не согласны с неделимостью империи, но упорно отстаивают мнение, согласно которому "главный" народ республики имеет право на в с ю ее территорию, границы которой были, кстати, установлены той же империей, исходя из конъюнктурных соображений удобства имперской экспансии. Требования национальных меньшинств в союзных республиках попросту игнорируются республиканскими властями как в Закавказье, так в Прибалтике и Молдавии. Местные националисты не признают империи, но согласны с имперской классификацией народов, с ее национальной "табелью о рангах", в которой право на самоопределение предусмотрено только для народов, по имени которых названы союзные республики. Свои притязания "республиканские" националисты пытаются обосновать точно так же, как имперские идеологи - экскурсами в историю. Хотя такие экскурсы значительно успешнее получаются именно у защитников имперских порядков. Оно и неудивительно: история свидетельствует о порабощении народов и о торжестве имперских порядков в нашей стране, в то время как процессы самоопределения их ломают. Пренебрегая требованиями наименьшинств, местные националисты копируют методы имперского "старшего брата", и возникает впечатление, что на месте одной большой империи они намерены учредить десяток маленьких. Но время империй прошло, и те, кто не способны добиться консенсуса основных этнических групп на самоопределяющейся территории, имеют мало шансов на успех в деле создания национального государства.

Это касается и русской нации. Она, как и другие нации, которые могут сформироваться на территории нынешней советской империи, имеет право владеть лишь теми землями, население которых выскажется путем плебисцита или референдума за пребывание в составе демократического государства обновленной русской нации.

6. Проблема религиозной терпимости. Традиционный взгляд, что только православные - настоящие русские, явно устарел. А лозунг единства всего населения на базе идеологии марксизма-ленинизма явился лишь прикрытием новой нетерпимости, на этот раз под флагом воинствующего безбожия, новой имперской, сугубо антихристианской политики, которая явно провалилась вместе с ее идеологией. С другой стороны, участие в формировании русской нации многих неправославных этнических групп, прежде всего мусульман, - свершившийся факт. В этих условиях проблема веротерпимости, свободы вероисповеданий, реального отделения церкви от государства становится чрезвычайно актуальной. Считать ли татар русскими мусульманами, калмыков - русскими буддистами, евреев - русскими иудеями? Или всех их считать нехристиами и враждебными нации элементами? Вот в чем вопрос, от правильности решения которого существенно зависит психологический климат и мирное протекание процесса самоопределения. Не менее важна и терпимость в области светской идеологии. Христово учение по-настоящему процветает только в обстановке терпимости.

7. Проблема преодоления имперской политической системы. Развитие по имперскому образцу завело русский народ в тупик. К народным бедствиям ведут как ультрапатриоты, настаивающие на продолжении имперского развития нашей страны, так и ультрадемократы, считающие развал русской нации приемлемой ценой развала со-

ветской империи. Успех первых привел бы к дальнейшей деградации советского общества, а успех вторых – к бесконечным конфликтам и даже войнам за национальное самоопределение, подобным тем, которые ознаменовали развал Османской империи и ведутся по сей день на ее развалинах.

Выход из нынешнего имперского национального тупика видится в консолидации русской нации в рамках демократической России или, точнее, в рамках построенного на основе национального самоопределения Союза Государств Руси, включающего русский, украинский и белорусский народы как основу русской нации. Создание такого Союза, к которому, вероятно, присоединятся и другие народы нашей страны, невозможно без проведения структурных политических и экономических реформ, гарантирующих освобождение нашего общества от диктата имперской бюрократии и формирование социальной рыночной экономики.

8. Проблема преодоления русским народом имперской психологии. При самых благоприятных условиях консолидация русской нации невозможна без отказа русского народа от психологии главной имперской нации, без проявления им готовности считать русскими все народы, готовые быть "навсегда вместе" с русским народом, всех русскоязычных граждан, подвергающихся дискриминации со стороны шовинистов и националистов в различных уголках нашей страны. Для успешного завершения формирования нации необходимо достижение национального консенсуса на максимально широкой основе.

9. Проблема мирного пути самоопределения народов. Самоопределение наций далеко не всегда оборачивается торжеством демократии и гуманизма, очень часто оно связано с кровопролитием и войнами. Вспомним хотя бы целый ряд кровопролитных войн, сопутствующих самоопределению немецкого и итальянского народов в середине XIX столетия и завершившихся установлением довольно-таки авторитарных монархических режимов. Вспомним геноцид армянского народа, предшествовавший консолидации турецкой нации на развалинах Османской империи. Никогда самоопределение наций не напоминало праздничный карнавал, так как оно всегда являлось следствием болезненного процесса распада империй. Самоопределение наций – это констатация нежелания народов сосуществовать в одном государстве, пренебрежение Божьей заповедью "Нет ни Эллина, ни Иудея" (Кол. 3,11), разрыв многовековых стесняющих связей и дележ имперского имущества. Такой процесс не может протекать без ущемления прав отдельных народов и этнических групп, не согласных с теми или иными аспектами конкретного самоопределения, что ведет к этническим конфликтам. Это просто меньшее зло по сравнению с имперским режимом.

Начавшийся процесс "несанкционированного" самоопределения наций на территории нашей страны уже вызвал враждебность в межнациональных отношениях. Общеизвестны коллизии армяне-азербайджанцы, абхазы-грузины, эстонцы-русские, киргизы-узбеки и т. д. Дело чести русской нации – не допустить дальнейшего развития этой враждебности во всех ситуациях, где могут быть затронуты русские интересы. Необходимо уметь защитить интересы русской нации во всех регионах, где преобладает тяготеющее к русской нации русскоязычное население, защитить всех пострадавших в этнических конфликтах, обездоленных, всех подвергающихся национальной дис-

криминации. Но защищать мирными средствами, путем переговоров и компромиссов.

10. Проблема автономизации России. Самоопределение народа в качестве особой нации или его самоопределение в числе народов, входящих в состав более крупной нации – актуальная проблема многих народов нашей страны. Процесс самоопределения пройдет легче, если сделать перспективу пребывания в составе русской нации привлекательной для народов отходящей в прошлое советской империи. А это возможно только на основе союза свободных и равноправных народов. Альтернативы такому союзу фактически нет.

Есть, правда, безумцы, которые мечтают собрать (фактически – согнать) всех русских на одни земли, которые они считают "историческими русскими землями", а все остальные народы нашей страны распределить на других землях, тоже "исторических". И все это с одной целью: "справедливо" поделить страну между национальными государствами! Эта гиблая идея, надеюсь, никогда не будет реализована, ибо она прямоком ведет к геноциду. Народам реально принадлежат те земли, на которых они фактически проживают, причем проживают совместно с другими народами. Кто не желает при основании "своего" государства применять сталинские методы переселения народов или гитлеровское "окончательное решение" национального вопроса, тем не остается иного выхода, как равноправный договор о союзе, как бы ни было трудно его достичь. Союз же означает наличие союзного центра, которому народы делегируют часть своего суверенитета, действуя в остальном самостоятельно, автономно, то есть суверенно, совершенно независимо от центра. Где будет находиться этот центр, в Москве, Киеве, Риге, Тбилиси или где-либо еще, зависит от того, в какую нацию пожелают объединиться народы.

Свободному союзу народов России и будущему процветанию русской нации способствовала бы, наряду с проведением социально-политических реформ, успешная реализация программы не только национальной, но и областной автономизации исторических земель и краев России от Питера до Владивостока. В самом деле, почему Бурятская АССР, населенная на три четверти русскими, имеет право претендовать на суверенность, а соседняя Читинская область, населенная в значительной степени потомками забайкальских казаков, не смеет и думать об этом? Было бы справедливо, если бы исторические земли Европейской России, Урала, Сибири, Дальнего Востока получили возможность сформировать областные (земельные) правительства, обладающие правами на уровне национальных республик. В результате исконные русские земли получили бы равные права с другими автономиями. На фоне этих самоуправлений унизительное понятие нацменьшинств в демократической России было бы постепенно изжито, а все народы и различные этнические группы русской нации смогли бы свободно развивать свою самобытную культуру, изучать родной язык, в том числе – диалекты русского языка, придерживаясь традиционных верований и политических учреждений по своему выбору в условиях равенства.

Заключение. Проблемы самоопределения русской нации весьма сложны, их решение потребует длительного времени и видится на путях демократизации, уважения прав человека и создания союза свободных народов России. Преодоление политических, экономических и социальных последствий коммунизма еще не решает русских проб-

лем, не создает для этого благоприятные предпосылки. Будущее русской нации зависит от активности национальных сил, борющихся за единство России на позициях демократии, гарантирующей процветание всех народов России. В противном случае не исключен распад русской нации, сопровождающийся кровавыми (вплоть до геноцида целых народов) усебицами вновь образующихся имперских и национальных государств, таких, как Дальневосточная республика, Якутия, Сибирь, Казахстан, Урал, Поволжская Татария, Русское Причерноморье, Украина, Галиция, Белоруссия, Балтийский Союз, Северная Россия и т. д. – варианты могут быть и иными.

Если следовать губительной логике прекраснородных московских либералов, всю жизнь проживших в России, думающих по-русски и пишущих по-русски, но тем не менее не считающих себя русскими, и деревенских ультрапатриотических ревнителей чистоты русского народа, не признающих настоящими русскими никого, кроме самих себя, то Россия съезжится до размеров столь горячо любимой ими "Средней полосы" по оси Москва – Нижний Новгород. Даже Питер в такую Россию не войдет, предпочтя стать вольным городом, на манер древнего Новгорода. Но такая Россия фактически уже не будет Россией. Скорее ее следовало бы называть Московией, а ее жителей – москалями.

Будем надеяться, что в России найдется достаточно здоровых патриотических сил, способных демократическими средствами предотвратить кошмар всероссийского развала.

Москва

"Вырываясь из большой тюрьмы..."

Юрий СИДОРЕНКО

Все начиналось хорошо. Выступали за возрождение и самостоятельность, за веру и народ. Их преследовали и ругали. Но времена изменились. Их поддерживают. Помогают. Свои и из-за границы.

Но их иммунная система не выдержала. Вирус тоталитаризма, который на протяжении стольких лет заносили в их кровь, вызвал новую вспышку болезни, имя которой – фашизм. Причем самую желую ее форму, которая либо не понимает, что заболел, и продолжает заражать других, либо поняв это, не хочет лечиться.

Однако мы уже видим перекошенные от гнева лица и слышим: "Що, мы – фашисты?! На гіллюку вас за такі речі!.."

Что ж, попробуем зайти с другой стороны. Сейчас, формально по-разному, а фактически почти одинаково, все националистические партии и организации понимают будущее Украины так – самостоятельная и соборная. Некоторые, правда, добавляют – демократическая, хотя и считают, что могут пойти на нарушения Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. Можно ущемить в правах некоторые личности, чтобы всем остальным (понимай, украинский народ) жилось лучше. Возникает страшный конгломерат большевизма и фашизма, которые тоже старались построить счастье на костях других.

В нашем случае праведный гнев многоуважаемых сепаратистов направлен на тех, кто не разделяет четыре их главных аргумента.

Первый – язык, второй – нация, потом – государство и вера.

Вырываясь из большой тюрьмы, наши добродетели, может быть, сами того не понимая, стремятся попасть в маленькую, национальную, свою, но все-таки тюрьму. Может, не самим попасть (им роль тюремного руководства больше подойдет), а бросить туда свой народ, за лучшую жизнь которого они сейчас выступают. Но вернемся к четырем аргументам.

Недаром среди них нет, по нашему мнению, главного – Человека (с большой буквы, а не такого, для которого полученное по карточкам хозяйственное мыло – радости на неделю). Вернее, его там и не может быть, так как, появившись, он настолько меняет предложенную систему ценностей, что все четыре аргумента становятся лишними...

Язык. Государственный, как сказано в законе. Поэтому его употребление обязательно лишь при обращении к государственным служащим или в государственные учреждения. Но и в этом случае можно пригласить переводчика. А на каком языке общаться, тут каждый может решать сам. Правда, культура общения предполагает, что отвечать человеку должно на том языке, на котором он к тебе обратился (в случае, если ты можешь общаться на нем сам). А нам говорят, что украинцы, если у них есть душа и сердце, обязаны говорить на украинском языке. Простите, многоуважаемые, украинцы, как и другие люди, никому ничего не обязаны. Необходимо учитывать исторические условия: 400 лет совместного проживания с русскими, как это ни называй, оккупацией или добровольным объединением народов. Часть украинцев (а что тогда сказать о представителях других национальностей?) не только говорят, но и думают по-русски. А поэтому заставлять их говорить по-украински, во-первых, глупо, во-вторых, это дискриминация по языковому признаку. А это – нарушение статьи 2 Декларации прав человека, в которой сказано:

"Каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы... языка... национального происхождения..." (здесь и далее цитируется по сборнику "Права человека. Основные международные документы". Москва, Международные отношения. 1989, с. 135-136).

А примеры иного отношения к языковым вопросам уже были. Во время борьбы с английскими колонизаторами никому в голову не приходило настаивать, чтобы англофицировавшиеся индусы разговаривали на хинди, урду или бенгали. Все были объединены одной целью: ликвидировать колониальную зависимость и возродить государственность. И сейчас в Индии два государственных языка – английский и хинди. А кроме того существует много языков, на которых говорят отдельные группы населения, и никто их не считает людьми второго сорта.

Нация. Исторически сложилось так, что Украина – один из самых пестрых в этническом плане регионов земли. Здесь вместе с украинцами живут русские, белорусы, поляки, татары, евреи, греки, а также люди, национальность которых вообще тяжело установить. Например, когда бабка – еврейка, дед – русский, отец – татарин, а в паспорте записано – украинец... Мы уже не говорим о том, что в странах, которые считают себя цивилизованными, нет графы "национальность". Там лучше скажут так: "американец немецкого происхождения". А возвышение одной нации над другими, прямо или косвенно, там тоже рассматривается как нарушение

ст. 2 Декларации прав человека. Осталось лишь поднять лозунг "Украина для украинцев".

Государство. Мы выступаем за демократическую и соборную Украину. И на первое место ставим именно понятие "демократическую". Ведь Румыния, как известно, тоже была независимым, суверенным государством, однако это не спасло румынский народ от большевика Чаушеску. Что касается национальных меньшинств в Румынии (украинцы, евреи, венгры, цыгане и др.), то даже при отсутствии официального лозунга "Румыния для румын" их культура запрещалась и уничтожалась.

Иными словами, у нас на Украине сейчас существует угроза изменить цвет диктатуры: с красного на сине-желтый.

Мы рассматриваем государство как общественный договор, который формально или неформально заключили свободные граждане. Этот договор имеет координационные и согласующие функции, но уж никак не полицейские или военные. Мы стремимся к государству, которое бы отвечало ст. 29 Декларации прав человека:

"Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены" (с. 141) и Преамбуле: "...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона..." (с. 135).

Вера. Но вера не всякая, говорят нам, а украинская, автокефально-православная. Или греко-католическая, — еще не решили до конца, какая будет главной, спорят, иногда дерутся. А как быть кришнаитам украинского происхождения или свидетелям Иеговы? А атеистам как быть? Многоуважаемые господа говорят: "обязаны перекреститься". Обязаны — кому? И почему? А если не захотят? Так они же против своего народа выступают! Притеснить!..

Все. Демократия закончена. Да она и не начиналась, потому что все эти решения проводятся через Верховный Совет. Нам стыдно напоминать, что Ленин писал: "Советы — это русская форма пролетарской диктатуры..." (см. ПСС, 5-е изд., т. 37, с. 267). К сожалению, положение дел не изменилось, так как Советы и сегодня остаются органом диктатуры. Все попытки назвать Верховный Совет парламентом — или ошибка малообразованных людей, или чистой воды демагогия. Совет никогда не станет демократическим органом власти, ибо природа его сама по себе недемократична и отличается от парламентской.

Попытки преобразований не через слом Системы, а путем ее модификации в более национально-демократическую обречены на неудачу. В Литве, которая начала обновление в системе Советов, сложилось сложное политико-правовое положение, там начинается охота на ведьм.

К чему мы призываем? Мы за формирование гражданского общества как гаранта демократии. Мы за Учредительное Собрание. Причем неважно, каким оно будет, украинским или общеимперским, главное, чтобы оно провозгласило самостоятельное Украинское государство и учредило, то есть сделало законным (в отличие от советского) государственный строй. Строй, где главной ценностью и точкой отсчета будет Гражданин, Человек и его права. Вне зависимости от национальности, языка, взглядов.

Чернигов

Читайте первоисточники!

Д. БАЛАШОВ

Не до того, вроде бы, моим измученным и обозленным соотечественникам, а все же рискну посоветовать: читайте, товарищи, Кампанеллу, Мора, Морелли – "отцов". Первоисточники всегда и вообще знать не худо, а то семьдесят лет строим, а спросишь – никто из горе-строителей не ведает – что строим-то? И обижаются на дефицит, на скудость, на засилье бюрократии, на вечные послы на картошку, на пьянство, на разврат, на падение культуры, на одиочание, – не ведая, что это и было запланировано. Это и строили, и построили, и давно уже живем при коммунизме.

Ибо коммунизм – общество без семьи, или почти без семьи прежде всего. Ее заменяют "коллектив" и совет старейшин (вожди).

Коммунизм – это город из одинаковых, лишенных всяких украшений домов (узнаете?). Без деревни. Обрабатывать землю и собирать урожай присылают из города молодежные бригады (узнаете?). Без искусства. Искусство заменяет наглядная агитация, плакаты и лозунги (знакомо?).

Коммунизм – это бесплатная работа и бесплатное распределение продуктов. Не изобилие: никто из "отцов" оно и не обещал. А именно жестокий минимум самой простой одежды (по Томасу Мору – из некрашеной ткани), – те же рабочие ватники, – и еды, чтобы только существовать. Для тех же, кто плохо работает, предусматривается обращение в рабство, а для тех, кто не то, что надо, думает, – тюрьма и смертная казнь (узнаете?).

А ведь все это у вышеперечисленных "отцов" уже было написано и запланировано. Было!

Коммунизм – общество без развития, работающее по раз и навсегда заведенному идеальному принципу: оно не может и не должно развиваться. Именно поэтому, кстати, так не любим мы всяческих изобретателей.

Морелли даже и то предусмотрел, чтобы каждая брачная пара рожала двух детей, мальчика и девочку, дабы общее число коммунистов оставалось неизменным на века. А Кампанелла так и племенное челоководство выдумал, опять же по указанию совета старейшин. И – жестоко: обгулял парень девку, и хватит! Оставь другим! С беременными и неплодными остальные, "у кого избыточный темперамент", живут коллективно. Чем не наша мораль? Та самая, шарахаешься от которой.

Да ведь все же было запланировано! И то, что зарплата у нас почти не зависит от трудовых усилий, но токмо от социальной ступени, твоей категории, места в обществе. Это же как раз и есть тот самый распределительный принцип! И наш ни черта не стоящий рубль таким и быть должен. И карточки должны, обязаны быть постоянным спутником коммунизма.

Опускаю критику того, другого, несправедливого, классового общества, в недрах коего все сии бредовые идеи и зародились. Опу-

скаю, ибо перед нами и за нами – пройденная, пережитая, грозная действительность коммунизма, а именно: полный развал хозяйства, превращение страны в сырьевой придаток развитых капиталистических стран, от семидесяти до ста двадцати миллионов избитых граждан (вторая цифра вернее) – расстрелянных, погибших в лагерях, выморенных голодом, искусственно созданным голодом 1929–го, 1933–го и иных годов.

И, подчеркнем, лучшая часть общества! Лучшая интеллигенция, цвет армии, все наши предприниматели, заводчики, священники, купцы, грамотная верхушка рабочего класса, наконец, и главное, – лучшая трудовая часть русского крестьянства, обозванная кулаками и уничтоженная.

Маркс, – коего, кстати, все-таки надобно и читать, и знать, а не только бюсты ему ставить да улицы наименовывать в каждом городе, – Маркс разобрался, вроде, в экономике и построил пусть исторически неверную (это особый разговор и не для статьи), но все же стройную и для определенных моментов исторического развития (для своего времени) убедительную картину политической экономики. Главный модуль всей марксовской системы – это прибавочная стоимость, а она – составная часть цены, разлагаемой на себестоимость и прибавочную стоимость. Цена же, – цитирую Маркса! – “складывается на рынке, стихийно, в зависимости от спроса и предложения”.

Так вот: на основе этого переменного модуля нам предлагалось построить плановое хозяйство с зарегулированным рынком. Что мы и совершили, и доселе не знаем и не узнаем никогда: какова себестоимость производимого нами продукта? Что высока и разорительна, это ведь только из сравнения с заграницей выясняется. А так-то из чего считать, коли рынка нет, а сами кричим: – “Запретить, ограничить, велеть продавать по такой-то цене!”. (Мы ведь все коммунисты-потребители, нам самое сладкое – всем поровну распределить, а мы чтоб в носу ковыряли тем часом: “Солдат спит, служба идет”).

Шутки в сторону. Именно посему, по отсутствию рынка-регулятора, нам ни экономики никакой, ни финансовой системы пристойной и не построить. Нет ориентиров. Нет цифр реальных, нет недудой, не административно внедряемой себестоимости продукта, а, значит, никакой здоровой экономики нам построить нельзя.

И вообще – не то и не так Маркс считал! Не с рынка, – “деньги – товар – деньги”, – не с того начинать надо было. Зажиточность общества зависит от двух факторов, которые (в отличие от клятой той цены) государство может взять под свой контроль. От количества подлинных работников (чем больше их и чем меньше туеядцев, тем лучше) и от уровня квалификации работающих граждан.

Первое звено этой двуединой формулы требует, чтобы каждый трудился на своем поприще, и трудился не впустую. Недопущение туеядства, явного или скрытого, в виде “работ” никому не нужных или прямо вредных (пример – Минводхоз, мелиораторы, химия и прочее). Недопущение туеядства, повторю, – в силах всякого грамотного правительства. Да и здоровые рыночные отношения тут помощь. Второй принцип, то есть улучшение образования, всяческая поддержка интеллигенции, “мозгов” нации, – тоже в возможностях именно и прежде всего государственных структур. Догосударственные общества обходились очень низким уровнем развития произ-

водительных сил и не стремились его менять, но, увы, проигрывали "развитым" народам. Хотя теперь уже в рост встал грозный вопрос: куда дальше с этой взбесившейся техникой, скоро и земля погибнет!

Но и все же. Выхода искать придется на тех же путях развития цивилизации, а не на отказе от них. Тут главный принцип также ясен и прост для всякого мало-мальски мыслящего ума.

Человек, в отличие от животных, заимствует энергию из окружающей его природы. Для гармоничного бытия человечества необходимо, чтобы человечество брало из природы столько, сколько природа может восполнить за тот же период времени. Это железный закон, за неисполнение которого человечество, и очень скоро, заплатит тотальной гибелью. Тем паче, что еще в 1930 году на одну калорию продукта тратилось 1-2 калории энергии, а теперь на ту же одну калорию - 8-10, впятеро и вдесятеро больше!

Нам всем, соборно, надобно отказаться от безумного сжигания невозстановимых запасов нефти и угля, перегораживания рек, атомных станций и искать пути использования практически вечных (солнце) и экологически безвредных (ветер, может быть, термальное тепло) источников энергии. И надо отказаться от разорительного принципа безмерной, дикой растраты энергии, чему мы свидетели сейчас. Постоянно растущая промышленность - зло. Тем паче: выплавляя вдвое больше стали, чем Америка, покупаем станки за рубежом. Имея в двенадцать раз (!) больше комбайнов, чем США, покупаем хлеб в Штатах. Отравили все вокруг нитратами, а урожаи падают. И, значит, вся эта химия не нужна, половина металлургии не нужна, половина потребляемой энергии не нужна, - только вред приносят!

А вот что нужно? Нужно мелкомасштабное хозрасчетное производство во множестве отраслей (в частности - в перерабатывающих). Тогда, может, капитализм? Но ведь мы-то и есть ядовитый цветок того самого монополистического капитализма! Наши министерства суть монополии, а Минводхоз - монополия монополий, у которого само правительство на жаловании. А монополизм приводит, опять же по Марксу, к снижению производства и удорожанию товаров. Вот мы тот самый монополистический капитализм и построили, "обогнав" Запад, ибо там аппетиты монополий умеряются традицией мелкой частной собственности и государственными акциями.

Признаемся, что все и всяческие устроители и прожекторы строили совсем не то, что было ими задумано. Признаемся в том и не будем фантазировать, обратимся лучше к тому, что традиционно и прочно, и имя чему - Земля. И поставим вопрос сразу так: владение землей (на каких основаниях, о том ниже) есть такой же необходимый элемент производства, работы на земле, как и наличие труженика, орудий труда и соответствующей квалификации. Любой из этих четырех факторов с исчезновением своим делает работу невозможной. Без квалификации ничего не сотворишь даже и с набором машин, без инструмента тоже не сработать - "без снасти и вошь не убьешь, ноготь нужен!". Ну, а что получается из труда на земле, ежели земля не принадлежит труженику и он не заинтересован кровно в конечном результате - мы испытали досыти! Хватит!

Так вот, откуда же все пошло? Неужели от тех самых Томаса Мора и Кампанеллы? От них. И от Маркса тоже! Первое, что смутило меня еще в студенческие времена в великой теории, это - ра-

бowlладельческая формация. Мальчик я был дотошный, после Энгельса в Моргана заглянул, первоисточник все же. Ан, там никакой рабowlладельческой формации нет, а есть "государственно-племенная", то есть, когда одно племя господствует и может набирать рабов, а землю обрабатывают свободные общинники. "Рим, - развел руками американец Морган (он тоже плохо знал историю), - гигантское исключение из правила". Ну, и в римскую, и в греческую историю я полюб, и в египетскую. На шесть-восемь миллионов жителей Египта собственно рабов - захваченных пленников, занятых на грубых работах в каменоломнях или на рытье каналов, было в самые-самые времена до полумиллиона. Не так уж и много. И основной сельхозпродукт создавали не они, а свободные общинники "немху" (рабы вообще мало употреблялись в сельхозпроизводстве, а - в рудниках, каменоломнях, на ирригации или в домашнем хозяйстве в качестве прислуги). В Греции рабов было больше, в Риме (в самом городе) очень много, но производителями в масштабе Империи все же были свободные общинники, а отнюдь не рабы. И еще деталь: больше было рабов там, где выше демократия, выше заинтересованность всего общества (народа-войска) в содержании и удержании рабочей силы.

Словом, Морган-таки оказался прав. Не было общественного строя, где производитель не получал ничего и не пользовался никакими правами, а хозяин, рабowlладелец, жил за его счет, вовсе не работая. (То есть были и жили, но далеко не все, а лишь избранные, и в меньшем даже числе, чем наш бюрократический аппарат, из одних тунеядцев состоящий.)

Ну, не было формации, скажет уставший от теорий обыватель, и что с того? Масло, что ли, сразу "выкинут"?

С маслом - погодим. А вот сама идея наличия рабowlладельческой формации, идея сама, не легла ли в основу сталинских лагерей, "великих строек коммунизма", не решили ли мы, вдохновленные великим примером (культура Греции! Парфенон! Театры! Храмы!), что можно, и допустимо, и главное, нравственно и экономически разумно строить счастливое будущее на плечах рабов!

(А классовая теория на что? Рабы-то, которые в лагерях, - эксплуататоры, враги коммунизма!)

Ну, не дураки же были, в самом деле Маркс с Энгельсом, ну не полные же дураки, по крайней мере! Заметили, что непродуцируемый, малопродуктивен рабский труд. Только вот сами перед собою не поставили вопроса: как это великая греко-римская культура из того непродуцируемого рабского труда произошла? Могло ли так быть?

Ну вот, мы и это проверили, половину нации изгубив в лагерях. И доказали, что Маркс прав и тут: непродуцируемый рабский труд и даже сам себя не окупает! Расходы на транспорт до Колымны и на содержание лагерной охраны не окупались трудом заключенных за те три-шесть недель, за которые человека свертывала и убивала лагерная дистрофия.

Столь же разорителен, как и людоедство, и столь же мерзок и страшен оказался этот наш опыт строительства счастливого будущего на костях и трупах невинно убиенных!

А ведь все могло быть иначе, читай наши отцы и дети первоисточники. И внимательно.

Новгород

Эмиграция и мы

Заметки литературного критика

ИВ. ТОЛСТОЙ

Образ эмиграции, а с ним и образ заграницы меняется в советском сознании столь стремительно, что скоро привычное название - Зарубежье, Рассеяние, Диаспора - наскучит своим мельканием и закупорит читательский интерес к истории и культуре наших изгнанников. Вот тогда и начнется бесконтрольный и вероломный разгул публикаторских статей, тот разгул, скромные плоды которого пугают уже сейчас.

Проблема гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд. Речь ведь должна идти не о безоговорочном признании сделанного в Зарубежье, не о смене нашего былого минуса на неофитский плюс: эмиграция не была едина, она унесла с собою в дальние края весь спектр политических, национальных и культурных противоречий предреволюционных и революционных лет; она также имела своих правых и левых, своих пророков и провокаторов. Спросите сейчас кого-нибудь: почему авторы газеты "Возрождение" не могли печататься в "Последних новостях"? Или: как оценить выбор тех молодых русских парижан и прахан 30-х годов, кто решил послужить родине вступлением в НКВД?

Россия, СССР, Зарубежье - кого мы теперь осмелимся именовать безусловным исчадием ада, а кого - неприкосновенной святыней? Вольно было Владимиру Набокову утверждать в своих лекциях и интервью, что в Советском Союзе литературы нет и не может быть, что тирания все залила асфальтом полицейщины. Все так... Только как быть тогда с Ахматовой, Булгаковым, Платоновым?

Ну, хорошо, Набоков - эмигрант, он, что называется, ослеплен ненавистью. Значит - вовсе не слушать его?

Георгий Адамович, парижский критик и поэт, кумир и законодатель литературных мнений. В конце 30-х годов он пишет уничтожающую статью "Памяти советской литературы", в конце 40-х - панегирик Сталину. Как же быть с Адамовичем? Ну, уж во всяком случае не так, как поступают советские публикаторы, лишаящие свои "вступилочки", "врезки" и "предисловия" малейшего анализа. У нас образуются группы безоговорочных сторонников: кто - Зинаиды Гиппиус, кто - белого движения, кто - Бердяева.

Но добро бы излагали позицию своих хумиров до конца, не напускали бы туману. Так ведь нет.

Присмотримся к методам.

Вот, например, как издается патриарх эмигрантской литературы Борис Константинович Зайцев (1881-1972). В свое время Аркадий Беллинков иронически назвал жанр вступительной статьи о писательском наследии "очерком детства и творчества". В самом деле, за фактами о происхождении и детстве героя слишком часто следует анализ его текстов, начисто вытесняющий дальнейшие биографические

факты. Остановимся хотя бы на сборнике Бориса Зайцева "Голубая звезда", выпущенном издательством "Московский рабочий" в 1989 году. Во вступительной статье "Земные странствия Бориса Зайцева" соавитель и комментатор сборника Александр Романенко сосредоточил свой интерес почти полностью на российском периоде писателя, по-видимому, сочтя эмигрантские странствия неземными. И это как раз очень жаль, потому что бунинско-телешовская и андреевско-горьковская сторона истории русской литературы гораздо доступней в Советском Союзе для изучения, а вот беженская юдоль Бориса Зайцева заслуживала бы специального рассказа.

Вместо этого 90% статьи отданы московско-петербургскому периоду (20 лет писания) и затем два-три затемненных абзаца об эмиграции (50 лет писания), главным образом общего характера, и два-три глухих намека в примечаниях на разногласия с поздним Горьким и поздним Буниным.

На мой взгляд, собственно художественная проза Зайцева - с ее религиозным просветлением, с тихой думою, с умиленным созерцанием - уступает в глазах сегодняшнего читателя его мемуарному наследию и эссеистике (в частности, прославленным писательским биографиям).

А. Романенко, однако, мемуары Зайцева отобрал так, что его собственный тезис о зайцевской "твердости характера /.../, невозможности для него пожертвовать убеждениями" остается неподтвержденным, ибо невинные очерки о Чехове, Ремизове, Александре Бенуа, Тургеневе, Флобере, Петрарке превращают "убежденного" Зайцева в какого-то пай-мальчика. Ту же тенденцию можно почувствовать и в подходе к комментарию.

Отчего же соавитель многозначительно скрытен? Почему уверен, что довольно советскому читателю такой, например, железно-занавесной фразы: "Очень многое во взглядах на жизнь, на литературу, на общество разделяло их (Зайцева и Горького. - Ив.Т.)"? Сообщив, что "к творчеству и личности И. Бунина Б. Зайцев обращался очень часто, не без оснований считая себя его близким, если не ближайшим другом", А. Романенко показывает нам психологический фокус: "К концу жизни Бунина отношения между ними осложнились, а затем оборвались". Чудеса.

Опять, в который раз, в поисках историко-литературных ответов мы вынуждены прибегнуть к книге эмигрантской: в данном случае это сборник очерков и воспоминаний Бориса Зайцева "Мои современники", составленный дочерью писателя и выпущенный в Лондоне в том же 1989 году. Этот сборник я назвал бы этической исповедью Зайцева-эмигранта. Очерки хорошо подобраны, голос писателя звучит ясно и прямо. Вот Мережковский, вот Алданов, вот Цветаева, вот Айхенвальд. Автору дали высказаться, и мы видим, что расхождение с Буниным - случай для Зайцева не единичный, но как раз проявление той "твердости характера", которую А. Романенко не пояснил. Зато поясняет очерк о Бердяеве в лондонской книжке.

"С Бердяевым произошло тоже странное: и немолод был, и революцию вместе с нами пережил, и "Философию неравенства" написал, и свободу, достоинство и самостоятельность человека высочайше ценил - и вдруг этот седеющий благородный лев вообразил, что вот теперь-то, после победоносной войны, прежние волки обратятся в овечек. Что общего у Бердяева со Сталиным? /.../ Одиночество было у тех, кто не ездил по советским посольствам, но и свобода осталась за ними".

Вот что имел в виду и утаил А. Романенко, говоря о "невозможности" для Зайцева "пожертвовать убеждениями".

Очерк Б. Зайцева "Максим Горький" (не тот, разумеется, что отобрал А. Романенко, а из лондонского сборника) я назвал бы в числе пяти лучших, написанных о Горьком вообще (имея в виду старую статью К. Чуковского, бунинский рассказ, ходасевичевский цикл и недавнее эссе Бориса Парамонова). Где же то немного, что "разделяло их"? Вот лишь некоторые из высказываний Зайцева о Горьком, отмененные советским публикатором:

"...он терпеть не мог русский народ - особенно не любил крестьян /.../ Ленин, решительный и циничный (если надо, солжет, если надо, предаст), - ему много ближе какого-нибудь Каляева /.../ окончательного убог стал и сам Горький. В сущности, его даже и нет: то, что теперь попадается за его подписью, уже не Горький. У каждого есть свой язык, склад мысли, человеческий облик. Горький отдал его. Через него говорит "коллектив". Нельзя разобрать, Горький ли написал или барышня из бюро коминтерна! Горькому дорого заплатили - но и купили много - живую личность человеческую."

Вот такие разные книжки вышли почти одновременно по разные стороны советской границы. Отличаются они, по старой шутке, как "милостивый государь" и "Государь милостив".

Казалось бы, ну и что? Возьмет советский читатель лондонскую книгу после московской и будет знать правду... Тут-то и зарыта собака: обе книги будет читать читатель-профессионал, историк, филолог, преподаватель. А обычный, нормальный читатель возвращается к одному и тому же писателю в исключительных случаях - обычно, когда ничего другого под рукой нет. Читатель верит в прочитанное, особенно в прочитанное первый раз. Так что шанс для историко-идеологического одурачивания - великолепный.

*

Повести и рассказы Ивана Сергеевича Шмелева (1873-1950) издаются у нас уже тридцать лет (однотомники 1960, 1966, 1983). Но до сих пор нам преподносился почти исключительно Шмелев дореволюционный. Новейший же двухтомник (М., 1989) представляет (по декларации составителя) также творчество писателя в изгнании. Однако, как и в случае с Б. Зайцевым, переломная (революционная) и эмигрантская часть его пути подана здесь чрезвычайно тенденциозно. Всемирную известность Шмелеву принес роман "Солнце мертвых" (1923) - эпопея из жизни послереволюционного Крыма, произведение апокалиптическое, написанное на накале страстей. Книгу перевели на двенадцать языков, благодаря ей творчество Шмелева было введено в курсы некоторых университетов, а автор ее выдвинут на нобелевскую премию. Роман был не только создан художником, но и пережит человеком: в 1920 году по приказу известного революционного садиста Бела Куна был расстрелян любимый сын Шмелева. Горе писателя выразилось не только в произведениях первых лет изгнания (как представляет дело составитель О. Н. Михайлов), но и в цикле "Крымских рассказов" (1936), идеологически и тематически прилегающих к "Солнцу мертвых". Но большая, сложная и ранящая тема полностью опущена О. Михайловым, в результате чего переход Шмелева к "успокоительной" православной тематике ("Лето Господне", "Богомолье") оказался ничем внутренне не мотивированным. Между тем, этот переход к поэтике "древнего благочестия" как раз и

олицетворял писательскую драму реалиста. О. Михайлов же, изъязв революционную тему не только из своего предисловия, но и из корпуса текстов, лишил путь Шмелева драматизма и, следовательно, судьбы.

К проблемам читательского рынка прибавляется в последнее время проблема рынка издательского: лживым советским двухтомником заполняются, к сожалению, издательские вакансии; передернутый Шмелев оказывается почти что монопольным. Скажите, кто, когда сможет позволить себе издание представительного корпуса его текстов ради правдивой редакционной статьи? Боюсь, что сейчас – никто не позволит. И значит белое пятно на историко-литературной карте превращено в крапленый идеологический заказник.

*

Если бы у всех агнцев разбредшегося русского литературного Пантеона были такие пастыри, как Станислав Никоненко, издавший в Москве том Гайто Газданова (1903-1971), то можно было бы считать, что дело возвращения на родину наших изгнанников на верном пути. Но и здесь, увы, некоторые детали "царапают". Сборник назван по самому известному газдановскому роману, поставившему его в один ряд с литературными звездами довоенного рассеяния: с "Вечера у Клэр" вслед за именем Сирина неизменно ставилось имя Газданова. Георгий Адамович или, например, Михаил Осоргин ценили его дар даже выше Набоковского.

Вместе с тем, славы Газданов так никогда и не отведал, и вряд ли его ждет громкое посмертное признание – скорее это будет бесспорный мастер XX века, возможно, даже классик, но классик не проблемный, но противоречивый, не спорный. Зато Газданов, точно зная себе цену и меру, использовал отпущенный ему дар сполна. Это был кларист, лирик и психолог, обходившийся минимумом художественного инструментария, и в этом смысле он прямо противоположен Набокову.

Из предисловия Ст. Никоненко следует, что в течение многих лет творчеством Газданова интересовалась советская исследовательница А. А. Хадарцева: они переписывались, и в 1988 году в журнале "Литературная Осетия" (№ 1) появился первый в СССР очерк о писателе. (Открытая переписка с "врагом" – это, кстати, еще один аргумент, предостерегающий будущего историка "застойной" эпохи от поспешных построений и заключений.)

Родился в Петербурге, учился в Полтаве и Харькове, был солдатом на бронепоезде в Добровольческой армии, зимовал в Галлиполи, стал парижанином и таксистом. Так излагает Ст. Никоненко веки газдановского пути. В парижскую жизнь вклинивается также важнейшая пора надежды писателя на Максима Горького как возможного покровителя на случай возвращения в СССР. Планы на возвращение не были связаны с какими-то политическими симпатиями Газданова или идеологическими заблуждениями, но с приближающейся смертью матери. "Я хочу вернуться в СССР, – писал он М. Горькому, – и если бы Вы нашли возможность оказать мне в этом Вашу поддержку, я был бы Вам глубоко признателен". – "Человек Вы даровитый, – отвечал М. Горький в 1935 г. и безответственно добавлял: – здесь найдете работу по душе".

Тем не менее, Газданов не поехал и гибели тем самым избежал.

Перед войной его мать скончалась, а вскоре и всякие мысли о перемещениях по Европе нужно было оставить.

По известному афоризму, вся Франция во время войны стала коллаборационистской, но также вся Франция ушла в Сопротивление. Осетин по крови, русский писатель Гайто Газданов принадлежал к этой второй Франции. Во вступительной статье к сборнику говорится, что он и его жена "поддерживали связь с советским партизанским отрядом*", Гайто издавал информационный бюллетень, Фаина Дмитриевна была связной. В своей квартире они часто укрывали евреев и многим помогли эмигрировать в США, в частности, другу Газданова, известному критику Марку Слониму".

При всех своих достоинствах советское издание играет роль "дружественной акции" по отношению к возвращающемуся изгнаннику. Составитель не захотел омрачать торжественности встречи и уберечь читательские глаза от некоторых фактов духовной и идейной жизни Газданова, из которых его участие (под влиянием М. А. Осоргина) в масонской ложе есть факт, согласитесь, примечательный. Именно масонские, религиозно-философские интересы писателя привели его к созданию целого ряда важнейших критических, антропологических эссе - что не нашло никакого отражения в данном сборнике.

Не менее важным мне представляется и последнее двадцатилетие Газданова, то есть пора после выхода отдельным изданием его шедевра "Ночные дороги" (1952). Ст. Никоненко утверждает, что даже после этого писателю "пришлось еще несколько лет поработать таксистом". Увы, "низкая истина" объясняет нам в данном случае ошибку советского исследователя: с 1953 года и до самой смерти в 1971 году Гайто Иванович Газданов был постоянным сотрудником Радио "Свобода", некоторое время даже руководил здесь русской редакцией.

*

Издавая запрещенного прежде писателя, исследователь должен сегодня помнить, что своим трудом он вовсе не закрывает ту или иную тему, но, быть может, лишь открывает ее на новом историко-литературном витке. Ибо видя его стремление к познанию духовного пути писателя-эмигранта, семья или иные частные обладатели архива принимают мужественное решение (от которого всей историей советский власти они были всячески отучаемы) - вывести рукописи из небытия, из тайников и забвения. Трудно довериться советским издателям Зайцева, Шмелева, удерживаешь себя от откровенности с публикатором Газданова.

И тому, и другому, и третьему составителю мешает увидеть правду одно и то же свойство, по-разному проявленное и по-разному затушеванное в их статьях, - некий брезгливый империализм. Советская уверенность в том, что писатель-изгнанник победит, "задрать штаны", в советское посольство, лишь только в Москве снизойдетливо прищурятся, - эта уверенность лезет из всех щелей плохо сколоченных предисловий.

Эдак мы в эту гласность до истины не докопаемся.

* Не совсем ясно, что имеется в виду: о каких партизанах идет речь - партизанских, пиренейских, брянских? Как правило, советские исследователи педалируют подобные темы, так что глухое в данном случае упоминание заставляет отнестись к этому настороженно.

Здравый смысл в столкновении двух безумий

Роман РЕДЛИХ

"Слово «власовец» у нас звучит подобно слову «нечистоты», кажется, мы окверняем рот одним только этим звучанием, и поэтому никто не дерзнет вымолвить двух-трех фраз с подлежащим «власовец». Но так не пишется история".

Это из солженицынского "Архипелага", из главы "Та весна". И действительно, только в 1990 году, через сорок пять лет после "той весны" 1945 года, когда Гулаг наполнился "изменниками Родины", вышли наконец по-русски две ученые монографии о власовцах. Немецкая - "История власовской армии" Иоахима Хоффмана и английская - "Генерал Власов и русское освободительное движение" Екатерины Андреевой. В 1990 году обе книги переведены и изданы пока только за рубежом. Труд Хоффмана как 8-ая книга "Исследований новейшей русской истории" под общей редакцией Солженицына вышел в издательстве ИМКА в Париже; книга Андреевой, написанная на базе ее диссертации на степень доктора Кембриджского университета, - в издательстве OPI в Лондоне. В этих книгах, конечно, еще не полная история русских судеб под немецкой оккупацией, но это уже и не просто воспоминания участников власовского движения, и не скороспелые суждения журналистов, а безупречно сделанные исследования квалифицированных историков, выводы которых основаны на изучении источников.

Эти книги в условиях сегодняшней гласности легче доступны среднему советскому читателю, нежели вышедшие до того малыми тиражами и давно разошедшиеся "Третья сила" Казанцева (изд. "Посев", 1952 г.), "Против Сталина и Гитлера" Штрик-Штрикфельда (изд. "Посев", 1975 г.) и другие воспоминания о власовском движении. И начиная в "Новом времени" № 43 за 1990 год статью "Власов и власовцы", Леонид Млечин с основанием пишет, что "эта страница истории, казалось, не требовала никакого пересмотра. Предатели и есть предатели. Но прочитан «Архипелаг Гулаг», и на вопросы придется отвечать: кем был генерал Власов? За что сражалась РОА?". Кончая же, спрашивает: "Не поменяется ли в процессе пересмотра прошлого оценка на противоположную? Не появится ли вместо Власова-предателя Власов-патриот, борец против сталинского режима?".

В книге Хоффмана 379 страниц, на которых расположено предисловие, пятнадцать глав с многочисленными примечаниями, послесловие, указатель имен и список принятых сокращений, а в качестве приложения - так называемое "Обращение Русского Комитета" от 27 декабря 1942 года, Открытое письмо генерала Власова от 7 марта 1943 года и "Манифест Комитета Освобождения Народов России" от 14 ноября 1944 года.

Работа Хоффмана - монография. Ее тема - Российская Освободительная Армия (РОА). Вот как ее видит сам автор:

"Эта книга, в которой показаны зарождение освободительного движения и история освободительной армии и уделено некоторое внимание политическим основам и деятельности КОНР (Комитета Освобождения Народов России), написана с принципиально новых позиций. В отличие от общепринятой интерпретации, когда власовская армия рассматривается как акция немецких кругов (руководство рейха, СС и вермахт), предпринятая для преотращения грозившего рейху поражения, в настоящей работе освободительная армия и освободительное движение рассматриваются сами по себе и независимо. Автор особенно стремился выделить позитивные моменты в отношениях между немцами и русскими. Национальное русское движение, которому Власов дал свое имя, рассматривается в книге в контексте советской истории, оставаясь при этом частью истории второй мировой войны".

Соответственно этому составлен план книги, ясно выразившийся в оглавлении:

1. Основы РОА.
2. Высшее командование и офицерский корпус РОА.
3. Сухопутные войска РОА.
4. Военно-воздушные силы РОА.
5. Военнопленные становятся солдатами РОА.
6. РОА на Одерском фронте.
7. Поход в Богемию.
8. РОА и Пражское восстание.
9. Значение Пражской операции.
10. Конец южной группы РОА.
11. Конец северной группы РОА.
12. Выдача.
13. Советская реакция на Власова.
14. Борьба с феноменом Власова.
15. Историческое место освободительного движения.

Хоффман - директор по исследовательской работе Научного центра военной истории в ФРГ. Он прежде всего военный историк, и большая часть его книги посвящена РОА, ее замыслу и судьбе, перипетии которой описаны с добросовестной точностью ученого.

Книга Андреевой примерно того же объема. Но в ней всего три главы:

1. История русского освободительного движения.
2. Идейная эволюция освободительного движения и
3. Пореволюционные политические движения.

Книга снабжена предметно-именным указателем, списком сокращений, занимающим полных двадцать страниц, перечнем библиографического материала и опубликованных и неопубликованных источников и 665-ю примечаниями.

Уже из обозначения глав видно, что труд Андреевой в основном направлен на уяснение идейной стороны Власовского движения. Заканчивая свое введение, Андреева пишет:

"Предлагаемое исследование посвящено двум вопросам: во-первых, роли самого Власова - был ли он предателем и оппортунистом или же человеком большой политической мудрости и мучеником, погибшим за свободу своей родины? И, во-вторых, вопросу - что именно олицетворяло собой Русское Освободительное Движение (РОД)? И поскольку деятели РОД были продуктом советского общества, как в контексте этого общества следует понимать те идеи, которые они выражали?"

Общие сведения о сталинском СССР и гитлеровском Третьем Рейхе Хоффман с основанием предполагает известными немецкому читателю. Андреева тоже ограничивается ссылкой на книгу Александра Далина о немецкой оккупации в России (*German rule in Russia, 1952*) и лишь бегло отмечает "противоречия и многовластие в нацистской машине и борьбу за власть между различными учреждениями: министерством по делам оккупированных восточных территорий (Остминистерium), СС, вермахтом, министерством иностранных дел и нацистской партией - в особенности там, где это было связано с политикой по отношению к Советскому Союзу и русскому освободительному движению".

Советскому читателю, однако, - а ведь для него в первую очередь предназначаются сделанные в этом году переводы, - об этих противоречиях и многовластии, как правило, ничего не известно, и он склонен представлять себе гитлеровскую империю столь же тоталитарным государством, как Советский Союз под властью Сталина.

Между тем, это неверно. Хотя бы уже потому, что национал-социалистическая рабочая партия Германии не была решающей силой в Третьей империи. Гитлеровская диктатура опиралась в основном на полицейский и государственный аппарат. Партия была расчленена на множество вспомогательных объединений и занималась главным образом штурмовыми отрядами и обработкой народных масс. Идеология национал-социализма, в сравнении с марксизмом-ленинизмом-сталинизмом, всегда оставалась расплывчатой. Понятия расы и тысячелетнего царства сами по себе, правда, ничуть не туманнее понятий класса и коммунистического общества, но обращение с ними у Гитлера было иным, чем у Сталина. Гитлер не был догматиком и не стремился стандартизировать мысль. Он презирал кабинетных ученых и еще до прихода к власти уступил место партийного идеолога Альфреду Розенбергу, чья книга "Миф XX века", наряду с его собственной "Моя борьба", считалась венцом партийной премудрости, хотя сам Гитлер говорил, что "не может читать эту ерунду".

Кроме того, он отнюдь не собирался распространять национал-социализм по всему миру. Он заботился только о германцах и готовился к походу в бескрайний "Остланд", как Александр Македонский к походу в Индию. Он верил в завоевание России, а после этого рассчитывал сделать российскую территорию тем, "чем были для Англии ее колонии". Как именно это произойдет, его мало заботило.

Бесспорно, он был фантастом, но он был вместе с тем и практиком и не любил заглядывать слишком далеко вперед. Лишь окончательно решившись начать войну против Сталина, в конце апреля 1941 года он призвал партийного теоретика Розенберга и, назначив его заранее "министром оккупированных областей на Востоке", поручил ему разработать формы германского господства над Россией.

И Розенберг создал план. Он предложил разделить завоеванные в России земли на пять крупных областей:

- на северо-западе "Остланд", состоящий из Литвы, Белоруссии, Латвии и Эстонии, с примыкающими к ним частями Великороссии, так, чтобы Новгород и Смоленск оказались в его границах, простирающихся до самого Ленинграда;

- на юго-западе Украина, с включением в нее Галиции на западе и ряда земель на востоке, с таким расчетом, чтобы немцы Поволжья оказались на ее территории;

- на юго-востоке граничащий с Украиной Кавказ так, чтобы Великобритания была отрезана как от Черного, так и от Каспийского морей;

- далее Туркестан, охватывающий всю Среднюю Азию и выходящий к низовьям Волги;

- судьба остальной России как на первом докладе Розенберга 9 мая 1941 года, так и потом, оставалась неопределенной, исходя из представления, что немецкая оккупация остановится где-то за Волгой.

Прибалтийский немец Розенберг все же лучше Гитлера знал Россию, и его мышление совершенно очевидно исходило из страха перед ней. Поэтому он стремился использовать сепаратистов. Это выразилось в той дифференциации, которую он предполагал произвести в намеченных им областях, получивших название "имперских комиссариатов", из которых только северо-западный "Остланд" Розенберг предполагал присоединить к метрополии и по возможности германизировать. Провести одновременно германизацию других земель он считал нереальным, и это диктовало ему опору на сепаратистов, с помощью которых он надеялся оттеснить русских подальше на восток, а для Германии приобрести свободные земли на северо-западе и вассальные государства на юге.

Розенберг представил своему фюреру достаточно фантастический план. Но даже в таком, казавшемся ему предельном виде, план этот был принят только по форме. Тогда же, 9 мая 1941 года, Гитлер заявил, что, во-первых, не верит в силы сепаратистов и не желает никакой поддержки с их стороны, а во-вторых, что он заинтересован пока лишь в немедленном замирении и эксплуатации покоренных земель. Полицейская власть по всей оккупированной территории будет осуществляться поэтому не Остминистерством Розенберга, а службой государственной безопасности во главе с Гиммлером, хозяйственная же эксплуатация - верховным уполномоченным по четырехлетнему хозяйственному плану рейхсмаршалом Герингом.

Непосредственно с этими организациями, причем, подчиняясь их требованиям, и должны были работать розенберговские "рейхскомиссары" - Лозе для Прибалтики, Кох для Украины и Кубе для Белоруссии. Это решение с самого начала лишило оккупацию всякого политического содержания, а министерство Розенберга свело, по сути дела, к роли практически бесполезной теоретической надстройки.

Нежелание фюрера связывать себе руки заранее составленными планами питалось расчетом на молниеносную военную победу. Эта победа не состоялась. Следовательно, надо было искать новые средства борьбы, в том числе и политические.

При таком положении вещей борьба за выработку конструктивной политики в русском вопросе стала настоятельной необходимостью и, казалось, должна была привести к успеху, аргументируя в первую очередь практическими нуждами войны. О необходимости конструктивной политики в отношении России и русских заговорили поэтому и русские, и немцы, как только увидели, что ее нет, а она возможна.

Уже осенью 1941 года Смоленское городское управление (как, впрочем, и многие другие) подало командовавшему тогда Центральной группой войск фельдмаршалу фон Боку проект создания Российского правительства, который фон Бок, очевидно, надеясь на реальность проекта, немедленно переслал в Ставку фюрера. Ответа не последовало. Тогда уже по прямому поручению командующего тылом Центральной группы войск генерал-полковника фон Шенкендорфа, хорошо информированного о настроениях населения и возможностях работы с ним, капитан Штрик-Штрикфельдт составил другой проект, предусматривающий создание не только национального российского правительства, но и двухсоттысячной освободительной армии, готовой бороться с большевиками на стороне Германии. Главнокомандующий восточным фронтом генерал-фельдмаршал фон Браухич поставил на проекте свою пометку: "Считаю решающим исход войны" - и также переслал его в Ставку.

В середине ноября 1941 года этот проект вернулся из Ставки с короткой запиской фельдмаршала Кейтеля: "Политические вопросы принципиально лежат вне ведения командования группой войск. Кроме того, выраженные здесь соображения неприемлемы для Фюрера". В декабре фельдмаршалы фон Браухич и фон Бок были сняты со своих постов. Мнение генералов было отброшено Гитлером еще резче, чем мнение Розенберга. Судьба русского освобождения, а вместе с ней и исход войны были предreshены этой запиской.

*

Первую главу своей книги Хоффман совершенно правильно начинает со слов: "Нападение Германии и ее союзников 22 июня 1941 года было для Советского Союза тяжелым потрясением не только в военном, но и в политическом плане". Он указывает, что "в оккупированных областях, с прекращением деятельности аппарата НКВД, разом обнаруживалась хрупкость идеологических основ советской власти", что "большинство населения встречало вражеские войска с явным доброжелательством или, по крайней мере, с выжидательным любопытством и без всякой ненависти", что "к концу 1941 года в немецком плену оказалось не менее чем 3,8 миллиона красноармейцев, офицеров, политработников и генералов - а всего за годы войны эта цифра достигла 5,24 миллионов".

Подытоживая наблюдения первых недель войны, Хоффман высказывает такую уверенность:

"Сталин панически боялся самой мысли о возможности появления на немецкой стороне русского правительства. И только вследствие немецкой политики в СССР, оскорбительной для национальных чувств русского народа, Сталин получил возможность поставить национальную идею на службу борьбы против иноземной угрозы своему правлению".

Исследование Хоффмана построено отнюдь не на его собственных наблюдениях и воспоминаниях. В конце войны он был пятнадцатилетним подростком. Его источники - сохранившиеся в архивах ФРГ документы, в том числе и воспоминания как русских, так и немецких участников зародившегося уже тогда - еще не "власовского" - освободительного движения, которое он понимает как "русское анти-сталинское движение, располагавшее в немецком вермахте (армии) влиятельными покровителями и сторонниками".

Как специалисту-историку Хоффману, как, впрочем, и Андреевой, совершенно ясно, что это антисталинское движение создано отнюдь не этими сторонниками. Оно стихийно росло снизу, из толщи оккупированного населения и военнопленных, и оно нуждалось лишь в оформлении и поддержке. Эту поддержку оно постепенно создавало себе в рамках немецких вооруженных сил, офицеры которых, в собственных интересах, посылы шли ему навстречу. Хоффман указывает, что "к 5 мая 1943 года добровольческие объединения в рамках вермахта насчитывали 90 русских батальонов, 140 боевых единиц, по численности равных полку, 90 полевых батальонов восточных легионов и не поддающееся исчислению количество более мелких военных подразделений, а в немецких частях находилось от 400 до 600 тысяч добровольцев".

Сотням тысяч советских людей, уже поднявших оружие на Сталина, не хватало, однако, собственного руководства и ведущей идеи, на которую они могли бы ориентироваться. Центральной фигурой, способной символизировать движение, оказался, начиная с конца 1942 года, пленный генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов, выступления которого на оккупированных территориях принимались с восторгом и надеждой, суля ему возможность создания самостоятельной русской силы. Фиктивный "Русский комитет" в Смоленске и придуманная как сборное обозначение для всех служащих в немецких войсках солдат русского происхождения "Русская Освободительная Армия" (РОА) приобрели широкую популярность и могли очень скоро превратиться в реальность, если бы из ставки фюрера не был спущен приказ фельдмаршала Кейтеля от 17 апреля 1943 года:

"Немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при проведении которых может понадобиться лишь имя Власова, но не его личность".

*

Гитлер и его окружение - совершенно, как Сталин, - были, очевидно, убеждены, что пропагандные фикции способны воздействовать на умы даже в противоречии с реальностью, что достаточно развесить повсюду портреты фюрера с надписью "Гитлер-Освободитель", чтобы славянские недотепы поверили и восхитились.

Это ложное убеждение дало, однако, сторонникам Власова из ОКХ (верховного командования сухопутных войск) возможность фиктивно же объявить "лагерем" дом, в котором жил Власов в Берлине и откуда он мог (в ограниченной мере, конечно) влиять на принявшее его имя движение. А это, что не менее важно, позволило сохранить под названием "Отдела восточной пропаганды особого назначения" теоретический и учебный центр движения в Дабендорфе под Берлином.

Для поступивших в немецкую армию русских "Дабендорф" стал понятием. В Дабендорф они съезжались отовсюду, знакомились и договаривались между собой, строили планы и разрабатывали идеи.

"Формально задачей отдела, - пишет Хоффман, - считалось формирование немецких вооруженных сил, в действительности же курсы в Дабендорфе стали поистине духовным и организационным центром РОА, сердцем и душой освобождения России.

Находясь официально под немецким контролем, центр в Дабендорфе фактически занимал автономное положение... Такое положение дела объясняется прежде всего тем, что начальником этого центра капитан Штрик-Штрикфельдт стал личным другом генерала Власова, а офицеры его штаба... проявили себя убежденными сторонниками немецко-русского сотрудничества и русского освободительного движения".

В течение добрых полутора лет Дабендорф нес функцию не только учебного центра, но практически и центрального штаба РОА, а тем самым и открытого русского освободительного движения. Пост начальника курсов, а следовательно, и всего "Дабендорфа", с русской стороны занял генерал-майор Федор Иванович Трухин, по словам Хоффмана, "выдающийся руководитель, сыгравший огромную роль в создании РОА". В ноябре 1944 года Трухин занял пост начальника штаба вооруженных сил власовского Комитета Освобождения Народов России (КОНР).

Период между февралем 1943 и ноябрем 1944 годов, весь, скажем условно, "дабендорфский период" – это время выработки идейных основ РОА, самосознания ее кадров и накопления сил. По словам Хоффмана,

"Русское командование в Дабендорфе было организовано по следующему принципу: бок о бок с начальником курсов работали начальник учебной части полковник А. И. Спиридонов и начальник строевой части майор В. И. Стрельников. Видными членами гражданского учебного штаба были Н. Штифанов и А. Зайцев, ведущие идеологическую полемику со сталинизмом. Так же, как Трухин и некоторые другие сотрудники курсов, Зайцев был членом русской эмигрантской организации НТС (Национально-Трудовой Союз)".

И страницей ниже:

"Формально немцы контролировали всю учебную программу, однако на практике этот контроль не был полным и всеобъемлющим... Весь учебный материал разрабатывался персоналом дабендорфской школы и утверждался комиссией ведущих участников освободительного движения. На курсах преподавались такие предметы, как история русского народа и развитие русской государственности, идеологическое подавление в СССР, аграрная политика советской власти, рабочий вопрос и стахановское движение, советская интеллигенция и культура, семья, молодежь, воспитание и образование в СССР, борьба советской власти с народом, экономическая политика советской власти, внешняя политика СССР и немецко-русские отношения в прошлом и настоящем. В третьем разделе излагались идеи русского освободительного движения в духе Смоленского обращения 1943 года. Отдельные темы подробно обсуждались на лекциях, семинарах и докладах, слушатели располагали также печатными материалами".

Екатерина Андреева во второй главе своей книги (стр. 135–218) гораздо подробнее, чем Хоффман, излагает содержание идей, распространявшихся из Дабендорфа, и в отдельных подглавках дает разбор печатных материалов, о которых только упоминает Хоффман, – "Блокнот пропагандиста" и сохранившиеся выпуски "Библиотеки пропагандиста", изданий, анализ которых заставил известного советолога Джорджа Фишера назвать дабендорфскую школу "одним из редчайших, сравнительно независимых островов в тоталитарном мире гитлеровской Германии" (Soviet Opposition to Stalin, p. 69).

И в самом деле под условным, хочется сказать, "кодовым" наименованием "пропаганды" распространялись взгляды, в корне расхоdivшиеся с национал-социализмом. Оценивая это, Андреева пишет:

"Одним из наиболее сильных источников влияния на Дабендорф был НТС. Вступил в НТС Трухин - начальник штаба Власова и начальник учебной части - после Благоевещенского; членами НТС были также многие преподаватели, включая Зайцева и Штифанова. НТС к этому времени уже разобрался во многих проблемах и теперь, при встрече эмиграции с советскими гражданами, мог предложить исходную схему в качестве катализатора для дискуссий... Так или иначе, беседы с ведущими преподавателями школы пропагандистов свидетельствуют, что роль Дабендорфа в эволюции русского освободительного движения была решающей".

*

Прошедшие школу в Дабендорфе и снабженные литературой так называемые "пропагандисты РОА" ездили затем по русским частям, вкрапленным в немецкую армию, и разъясняли идеи и задачи освободительного движения, встречая при этом, как правило, горячий, а иной раз и восторженный прием. Явно нарастало русское национальное самосознание, питающееся идеей самостоятельной анти-сталинской русской силы. Куда быстрее, однако, шло ослабление Германии, поражения гитлеризма можно было ожидать уже в ближайшем будущем. И лишь в надежде остановить катастрофу в последнюю минуту произошло то, что должно было бы произойти на три года раньше. Хоффман описывает это так:

"16 сентября 1944 года состоялась встреча генерала Власова с рейхсфюрером СС Гиммлером, и немецкая сторона санкционировала русское освободительное движение. Настал момент для формирования РОА - это нужно было проделать в кратчайшие сроки. По-видимому, сначала генерал Власов и другие руководители освободительного движения рассчитывали к лету 1945 года сформировать более десяти пехотных дивизий, по крайней мере, один танковый полк, несколько запасных бригад и полков, офицерскую школу, группы поддержки и авиацию. На январь 1945 года было запланировано формирование третьей дивизии. Но при этом руководители РОА считали, что дивизии первой волны - лишь начало. Внутри вермахта имелось еще несколько сотен тысяч русских добровольцев, а если добавить сюда солдат нерусских национальностей, то могло набраться до 800 тысяч человек. В беседе с Гиммлером 16 сентября 1944 года Власов потребовал распушить добровольческие соединения и перевести их под его командование... Так или иначе, Власов полагал, что может рассчитывать на обширные человеческие ресурсы: полтора миллиона советских военнопленных и несколько миллионов так называемых "восточных рабочих" в Германии. В общем, с личным составом дело обстояло по видимости в высшей степени благоприятно, теоретически его хватило бы на тридцать дивизий. Правда, и Власов, и Трухин понимали, что объем формирований будет зависеть прежде всего от наличия соответственного числа офицеров, унтер-офицеров и прочих специалистов, а также от того, удастся ли обеспечить формирования достаточным количеством оружия, техникой и транспортом.

2 февраля 1945 года Власов, отвечая на вопрос рейхсмаршала Геринга, был вынужден признать, что наличного командного состава достаточно для формирования всего пяти дивизий, и поэтому необходимо позаботиться об ускоренной подготовке офицеров в различных учебных заведениях и на курсах с сокращенной программой".

Разумеется, в конце 1944 года все понимали, что выиграть начатую ею войну Германия уже не сможет и время для создания русской освободительной армии в сущности уже упущено. Но надежда неистребима. И упорство, с которым немцы продолжали сопротивление, внушало веру, что у них хватит сил и военного

материала, чтобы продержаться еще год или два и обеспечить материальную базу для развертывания русских освободительных сил. Энтузиазм же, с которым русские в Германии приняли Пражский Манифест КОНР, и выразившаяся в сотнях тысяч заявлений готовность вступить в ряды РОА показывали, что идея новой России без социализма и Сталина – заветная мечта, ради воплощения которой люди готовы рисковать жизнью.

Хоффман подчеркивает, что "в публичных выступлениях Власов и его сотрудники не раз высказывали уверенность в том, что им удастся организовать собственные вооруженные силы. 18 ноября 1944 года в своей программной речи на митинге в берлинском Доме Европы Власов говорил о том, что есть все возможности в кратчайший срок создать из вооруженных сил народов России прекрасно обученную армию, готовую самоотверженно воевать за свое дело".

В истинной цели Власова Хоффман отнюдь не сомневается:

"К тому времени Власов, его сотрудники и их немецкие друзья в своих рассуждениях давно уже исходили из неизбежности поражения Германии, но при этом они не считали крушение рейха концом русского освободительного движения. Как вспоминает грузинский политический деятель, эмигрант Д. В. Вачнадзе, Власов 10 марта 1945 года сказал ему, что примет все меры и направит все усилия на то, чтобы получить у немцев как можно больше средств для увеличения своих вооруженных сил, «которые понадобятся мне завтра». Считая союз западных держав с СССР необходимостью, вызванной войной, власовцы стремились создать максимально боеспособную армию, которая в момент падения Германии могла бы выступить как «третья сила», которую они хотели сохранить в послевоенное время и которую, как они надеялись, признают англо-американцы".

"В этом, – комментирует Хоффман, – и заключался, разумеется, главный политический просчет руководителей власовского движения. Сегодня их вера в демократические западные державы может показаться наивной. Но разве не менее наивна была надежда государственных мужей США и Англии, что после поражения Германии наступит эра мирного сотрудничества со сталинским Советским Союзом? Возникшие в такой обстановке в конце 1944 года вооруженные силы КОНР с самого начала считали себя исключительно русской армией, новым военным фактором".

"Она (РОА) национальна по форме, по сути, по целям и духу, – говорится в выпущенной в январе 1945 года брошюре «Воин РОА. Этика, облик, поведение». – Законная наследница лучших традиций русской армии, РОА строится на основе традиций русского войска, покрывшего себя неуязвимой в веках славой". Генерал Трухин 18 ноября 1944 года потребовал превратить "тот здоровый патриотизм народа, на котором столько спекулировали большевики... в подлинную силу этой армии... Только честные патриоты... могут считать себя наследниками великих дел и военной славы величайших полководцев России – Петра I, Суворова, Кутузова, Багратиона, Скобелева и Брусилова". Целью борьбы провозглашалось восстановление национального российского государства, "не просто возврат к старому, а создание новой России, возрождение России на новых основах".

★

Обобщения и оценки Хоффмана, которые мы только что привели, – не досужие домыслы дилетанта. Это выводы из многолетних занятий квалифицированного военного историка, руководителя исследовательской работой Научного центра военной истории в ФРГ. И мы лишь с

большим сожалением воздерживаемся от попытки передать сделанное на основе немецких архивов полновесное описание становления вооруженных сил генерала Власова, их состава, боеспособности и проведенных ими военных операций. Более двухсот страниц имен и фактов не поддаются сокращению.

Точно так же мы вынуждены отказаться от реферирования собранных Андреевой личных характеристик Власова и его сподвижников и интереснейших подробностей взаимоотношений внутри РОА и между русскими и немцами.

Необходимо, однако, остановиться на созданном осенью 1944 года уже не фиктивным, а вполне реальном Комитете Освобождения Народов России (КОНР), деятельность которого, на наш взгляд, интересна не только современным историкам, но и современным политикам – по той простой причине, что РОА с ее кадрами, командованием и штабами рассматривалась и Власовым, и Трухиным, и всем тогдашним власовским движением как вооруженные силы КОНР, на который возлагались функции предпарламента и предправительства освобожденной от большевизма России.

Разумеется, КОНР обладал властью не большей, чем любое другое правительство в изгнании. Но подготовленный еще в дабендорфский период и подписанный Власовым и тридцатью шестью членами КОНР "Манифест Комитета Освобождения Народов России" служил политическим ориентиром всем участникам движения. Этим манифестом однозначно утверждалась самостоятельность Русского Освободительного Движения (РОД) не только как военной, но и как политической силы. Манифест недвусмысленно подчеркивал, что все участники движения как в рядах вооруженных сил, так и в гражданской работе служили не Германии, а России.

В оценке Германии и в отношении к ней Манифест очень ясно отличался от первых выступлений Власова и Малышкина зимой 1942/43 годов, безусловно отражая перемену в настроениях россиян, оказавшихся на немецкой стороне фронта. Так, в "Обращении" упомянутого выше фиктивного "Русского Комитета" от 27 декабря 1942 года за подписями Власова и Малышкина утверждалось:

"Германия ведет войну не против русского народа и его родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу. Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место".

Правда, это "Обращение" было всего лишь детищем пропагандной службы вермахта, а никакого не "Русского Комитета", по точному выражению Хоффмана, лишь "якобы руководимого генералом Власовым". Оно предназначалось исключительно для переброски через фронт, но сброшенное "по ошибке" летчиками также и над оккупированной территорией получило, тем не менее, широкую огласку и было с сочувствием и надеждой воспринято населением, еще не успевшим возненавидеть оккупантов.

Однако и в тексте открытого письма Власова, опубликованного в газете "Доброволец" от 7 марта 1943 года, Власов сам писал:

"В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией. Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит от кабалы англо-американского капитала".

Но это было еще в начале 1943 года, когда движение набирало силу и Власов ездил по оккупированной России. После приказа Кейтеля от 17 апреля 1943 года осенью 1944 года ни о каком союзе со все еще гитлеровской Германией среди русских уже не могло быть и речи. И в своем манифесте власовский КОНР всего лишь

"приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики. А своей целью Комитет Освобождения Народов ставит:

а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) создание новой свободной государственности без большевиков и эксплуататоров".

В "Манифесте КОНР" вполне однозначно и определенно выражено окончательное политическое лицо власовского движения. В нем нет даже упоминания о Гитлере и национал-социализме, о создании новой Европы, о мировом жидо-масонском заговоре. Невзирая на давление немецкой стороны, составители манифеста не пропустили ни намека на антисемитизм. Вместо всего этого там читаем:

"В основу новой государственности народов России комитет кладет следующие принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщин.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение в старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности,

имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вели ли они ее по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного во время войны народного достояния - городов, сел, фабрик, заводов за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей".

Эта сведенная к четырнадцати пунктам политическая программа звучит и сегодня как стоящая перед Россией задача. И можно представить себе, какое влияние она оказала бы на ход войны, если бы была провозглашена не в Праге 14 ноября 1944, а, скажем, в Киеве или Смоленске 14 ноября 1941 года!

Но власовцы думали, что лучше поздно, чем никогда. И Манифест стал идейным ориентиром, сделавшим их подлинными, хотя, увы, уже обреченными продолжателями белой идеи в борьбе за национальную Россию.

*

В своей политической оценке Хоффман цитирует неопубликованные записки Ф. Бурхардта о том, что "власовское движение развилось без немцев и даже вопреки им, его политическое значение постоянно возрастало эл счет собственной динамики, пока оно фактически не образовало «государства в государстве» в немецкой сфере власти". Бурхардт, конечно, преувеличивает. Никакого "государства в государстве" КОНР сколотить не мог. Но попытка обеспечить РОА собственный тыл сделана была. По книге Хоффмана: руководящим политическим органом КОНР был возглавляемый Власовым президиум в составе генерал-майоров Трухина, Малышкина и Закутного, генерал-лейтенантов Жиленкова и Балабина, профессоров Богатырчука, Будзиловича и Руднева. Сам же Комитет, состоявший из пятидесяти членов и двенадцати кандидатов, практически исполнял функции общего собрания. К нему присоединились еще и несколько из созданных при министерстве Розенберга национальных комитетов отдельных народов России: Русский национальный совет, Украинская национальная рада, Национальный совет народов Кавказа, Национальный совет народов Туркестана, Главное управление казачьих войск и Калмыцкий национальный комитет.

Для практической работы были созданы управления, составившие нечто вроде совета министров, и другие центральные органы, такие как:

1. Штаб вооруженных сил КОНР под началом генерал-майора Трухина, который решал все вопросы, связанные с формированием, оснащением и обучением РОА. Штабу подчинялось Главное управление казачьих войск во главе с генерал-лейтенантом Татаркиным.

2. Главное организационное управление под началом генерал-майора Малышкина. В его компетенцию входили не только организационные вопросы Русского Освободительного Движения (РОД), но и вопросы создания новой России, правовые, социальные, экономические и культурные. Центральный секретариат возглавлялся Д. Левицким.

3. Главное гражданское управление, начальник – генерал-майор Закутный. В его компетенцию входили все вопросы, связанные с условиями жизни и труда, правовым положением и социальным статусом русских, оказавшихся под немецким господством, – восточных рабочих, беженцев и военнопленных.

4. Главное управление пропаганды, начальник – генерал-лейтенант Жиленков. В его задачу входило распространение политических идей РОД, а в более широком смысле – забота о духовном благосостоянии соотечественников.

Кроме того, при КОНР был создан Совет по делам вероисповеданий под началом профессора Будзиловича. Совет занимался делами церкви и приходов, осуществлял религиозное воспитание и религиозное окормление в частях РОА и в лагерях военнопленных и восточных рабочих.

Разумеется, за полгода, отпущенные власовцам немилостивой судьбой, можно было сделать немного. Но в труднейших условиях власовцы работали с увлечением и сумели создать зачатки не только армии, но и правительства. Они доказали своим примером, что российский патриотизм может работать и против Сталина.

*

Хоффман с основанием возвращается снова и снова к проблеме русско-немецких отношений. Он очень ясно видит надежды, с которыми весьма значительная часть населения и военнопленных встретила немцев. Но работая над немецкими архивами, он обрабатывает в основном документацию, составленную офицерами, принимавшими к себе русских добровольцев, то есть людей, заведомо ненавидевших сталинщину. Понятно, что при этом он склонен недоучитывать рост ненависти к оккупантам среди людей, поставленных перед выбором между Гитлером и Сталиным и в силу этой ненависти готовых примириться с советской властью и поверить, что после войны она изменится или даже уже меняется.

Рассматривая глазами военного историка события сорокалетней давности, он не только отмечает высокие боевые качества власовцев, но и с удивлением наблюдает, как за полгода до капитуляции гитлеровского рейха сотни тысяч советских людей, прошедших унижение оккупации и плена, столкнувшиеся с оскорбительным отношением к себе и к своей стране, без колебаний поднимали оружие на своих соотечественников, защищавших Сталина и его режим. А поднимали они потому, что знали и ненавидели этот режим не меньше, чем иноземных завоевателей.

Солженицын пишет, объясняя, почему власовцы бились "круче всяких эсэсовцев" ("Архипелаг ГУЛАГ", т. 1, стр. 261):

"Им не оставлено было выбора. Им нельзя было драться иначе. Им не оставлено было выхода биться как-нибудь бережливее к себе. Если один «чистый» плен уже признавался у нас непрощаемой изменой родине, то что ж о тех, кто взял оружие врага? Поведение этих людей с нашей пропагандной топорностью объяснялось: 1) предательством (биологическим, текущим в крови?) и 2) трусостью. Вот уж только не трусостью! Трус ищет, где есть поблажка, снисхождение. А во власовские отряды вермахта их могла привести только последняя крайность, только запредельное отчаяние, только неутолимая ненависть к советскому режиму, только презрение к собственной сохранности. Ибо знали они: здесь не мелькнет им ни полоски по-

щадь! В нашем плену их расстреливали, едва только слышали разборчивое русское слово изо рта. В русском плену, так же как в немецком, хуже всего приходилось русским".

Сказанное Солженицыным верно для всех сотен тысяч советских людей, так или иначе оказавшихся в германской армии. Верно для первой и второй дивизии РОА, но верно и для казачьих частей, и для отдельных русских и нерусских батальонов, Власову никак не подчиненных. Так нужно ли объяснять то отчаянное сопротивление, которое оказали бойцы такого батальона во французской крепости Ля Рошель, прочтя англо-американские листовки с обещанием вернуть их Сталину?

И понятно, что "Манифест КОНР" и признание власовского освободительного движения оживило надежды не только уже взявшихся за оружие людей, но и беженцев, военнопленных и восточных рабочих, которых, как они, конечно, догадывались, ожидала пусть "более мягкая", но расправа. В первые же недели после выпуска манифеста власовский КОНР получил сотни тысяч заявлений от желающих вступить в РОА добровольцев. К направляющейся на фронт 1-ой власовской дивизии по пути присоединилось чуть ли не пять тысяч человек, с которыми не знали, что делать. А почему они присоединились? Вот оно "запредельное отчаяние", вот она "неутолимая ненависть" Солженицына!

Из сотен тысяч так называемых "власовцев" избежать насильственной репатриации и истребления в тюрьмах и лагерях сумело лишь несколько тысяч человек, да и то зачастую ценой фальсификации имени и биографии. Власовское движение оказалось лишь коротким эпизодом, значение и место которого в русской и европейской истории еще только начинает уясняться.

Ибо названное "власовским" русское освободительное движение – это не только две дивизии РОА, и не только советские люди, вступившие в вооруженные силы Третьего рейха. Власовцы – это явление не только военное, но и политическое. Движущей силой в нем было отнюдь не желание воевать и не только ненависть к сталинщине, но и мечта о другой, счастливой России, не только отрицание коммунизма, но и подлинный российский патриотизм, на базе которого власовцам в Дабендорфе удалось, пусть только в общих чертах, наметить условия более свободной жизни в России, положенные затем в основу четырнадцати пунктов "Манифеста КОНР". Основы эти были в значительной мере вдохновлены знакомством Власова, Трухина и старших преподавателей дабендорфских курсов Зайцева и Штифанова с политическими идеями дореволюционной России и российского зарубежья.

Родившаяся в Англии уже после войны воспитанница Кембриджского университета Екатерина Андреева посвятила свою книгу идейному развитию власовского движения и с основанием заканчивает ее главой о пореволюционных, в первую очередь эмигрантских русских политических движениях и организациях, среди которых она помещает и РОД (Русское Освободительное Движение). В этой последней главе она, как нам кажется, переоценивает влияние НТС на РОД и ничего не говорит о влиянии РОД на НТС, которое тоже имело место. Скажем здесь только, что без А. Н. Зайцева, редактировавшего (уже под именем Артемова) окончательную послевоенную "Программу НТС", она была бы просто невысказана. Но почитаем:

"Когда Власов попал в Берлин осенью 1942 года, одним из первых его желаний было получить тексты всех эмигрантских политических программ как исходную точку для выработки своей. Единственной действующей, хотя и нелегальной, политической организацией был в то время НТС, и Власову немедленно передали одну из его программ, а также сообщили детали программ других организаций. Власов вернул программу НТС с комментариями и поправками на полях. К сожалению, этот экземпляр не сохранился, и оценки Власова неизвестны; но НТС в целом определенно имел большое влияние на Русское Освободительное Движение. Трухин, Меандров, Зайцев, Штифанов, многие инструкторы состояли в НТС (тайно, разумеется. - Р.Р.). Поскольку НТС уже разработал собственную подробную идеологическую схему, они могли внести существенный вклад в дискуссии, бывшие одним из важных элементов жизни и работы в Дабендорфе. Члены НТС были хорошо знакомы и с другими эмигрантскими взглядами по некоторым ключевым вопросам, касавшимся СССР. Все это помогало членам НТС оживлять прения и предлагать такую схему идей, вокруг которой их соотечественники, имевшие меньше опыта с разнообразием политических взглядов, могли строить свои собственные воззрения.

Некоторые черты программы НТС особенно импонировали участникам русского освободительного движения. Национализм НТС отвечал национальным чувствам власовцев. НТС был также противником коммунистического интернационализма и разрабатывал философию, которая заменила бы марксизм. В этой попытке НТС пошел дальше, чем Русское Освободительное Движение. НТС старался разработать исчерпывающую идеологию, тогда как идеологи РОД, отвергая определенные политические направления, только постепенно начали выяснять для себя, что, собственно, влечет за собой их изначальная позиция. НТС стоял на точке зрения, что марксизм следует чем-то заменить, но в то же время учитывал перемены душевного склада людей в России. НТС не ставил себе целью восстановление прежних порядков, убедившись, что политические установки предшествующего поколения были несостоятельны. Участники Власовского движения отвергали старый режим по другим мотивам, но общей почвой для НТС и для РОД было сознание, что необходимо исходить из политической современности и невозможно перевести часы назад".

В 1941 году, за добрый год до появления среди них генерала Власова, будущие власовцы вступали в немецкую армию, чтобы вести войну против Сталина. Они видели в немцах таких же людей, как они сами, надеялись на их здравый смысл и думали, что остальное приложится. Они ошиблись. Гитлер, как, впрочем, и Сталин, был своего рода титан, но здравого смысла они были лишены оба.

Власовское движение можно рассматривать, конечно, как попытку с негодными средствами, трагический исход которой любой здравомыслящий человек мог бы легко предвидеть. Но на место двух равно безумных и равно утопических замыслов оно выдвинуло политическую программу из четырнадцати пунктов, продиктованную всего лишь здравым смыслом, актуальную для России и сегодня.

Споры советской интеллигенции об отношении к Власову "продолжаются и по сей день". Но в историю Власов и названное его именем движение войдут как стремление здравого смысла, раздавленное в столкновении двух безумий.

Бриллианты для диктатуры пролетариата: жизнь и смерть Джона Рида в России

Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ

Эта статья Ю. Фельштинского более года назад уже была опубликована "Огоньком". Впрочем, слово "опубликована" не совсем уместно: после вивисекции перестроечными редакторами "Огонька" в ней мало что осталось. Не осталось, в частности, даже упоминания о том, что по заданию Коминтерна Рид в марте 1920 года пытался вывезти из РСФСР бриллианты на сумму 100.000 тогдашних долларов. Только благодаря бдительности финской полиции эта помощь "мировому коммунистическому движению" не состоялась. Потом, правда, подобная "помощь" составила многие миллиарды, — разумеется, не только бриллиантами. Но активно началась она именно при Ленине — из голодной России. Не хотел упоминать "Огонек" и об авторских предположениях, что Джон Рид был отравлен. Зачем читателям знать, что практику отравления нежелательных свидетелей большевики начали отнюдь не с аптекаря Ягоды? Короче, от статьи Фельштинского, составленной по материалам американских архивов, после усечения "Огоньком" практически ничего не осталось. То, что осталось, могло бы, наверное, появиться и в "Огоньке" времен застоя. Да, чуть "горячее" тема, — так наш "Огонек" гаснет...

Среди многочисленных архивных фондов, хранящихся в США, архив Джона Рида в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета — лишь мелкая коллекция из тридцати с лишним коробок. А самого Джона Рида, американского коммуниста, написавшего о советской России пропагандистскую книгу "Десять дней, которые потрясли мир", вышедшую в США в 1919 году, а в СССР — в 1923, лучше знают в Советском Союзе, чем в Америке.

Родился Джон (Сайлас) Рид в октябре 1887 года в Портленде, на западе США, в зажиточной семье. Закончил Гарвардский университет. Работал журналистом. В России Рид впервые побывал в 1915 году в качестве корреспондента одного из американских журналов. Он проник через Румынию без разрешения русских военных властей в район Юго-Западного фронта, был арестован по подозрению в шпионаже, освобожден через семнадцать дней и провел в России несколько недель/1/.

Вторично Рид вернулся в Россию в сентябре 1917 года. 8 июля, незадолго до отъезда, он писал в письме Луизе Брайант, своей возлюбленной:

"Моя милая!

Если у меня будет возможность поехать в Россию через Владивосток, не могла бы ты поехать в Петроград через Стокгольм и ждать меня там? Обрато мы бы, разумеется, поехали через Китай.

В Петроград Рид прибыл никому не известным журналистом. В письме своему другу он писал 17 сентября из гостиницы "Англетер":

"Никто меня здесь не помнит, кроме кислобрюхих американских корреспондентов, да парня из американского консульства, который был здесь в наше время"/3/, то есть летом 1915-го.

С момента большевистского переворота Рид всецело на стороне большевиков. В апреле 1918 года он возвращается в США уже законченным коммунистом и в 1919-м активно участвует на своей родине в создании американской компартии. В РСФСР он снова приезжает в ноябре. В начале марта 1920 по заданию Коминтерна он пытается вывезти из РСФСР драгоценные камни на сумму, превышающую 100 тысяч долларов/4/, видимо, для финансирования подрывной коммунистической деятельности в США. Однако 5 марта финская полиция арестовывает Рида в Або (Турку) и, несмотря на заверения Рида, что драгоценности куплены на его деньги и принадлежат ему/5/, конфисковывает их, а самого Рида до 4 июня держит в тюрьме. После освобождения Рид приезжает в Ревель с намерением ехать, как он и планировал, в Соединенные Штаты. Но теперь уже американское правительство, знающее о подрывной деятельности Рида в Америке, отказывает ему в продлении паспорта, и Рид, на этот раз против своей воли, возвращается в Петроград.

С этого времени отношения Рида с большевиками перестают быть гладкими. Зиновьев с Радеком, судя по всему, не могут простить Риду провала, а возможно, подозревают его. В дополнение к этому, Коминтерн приказывает американским коммунистам отказаться от тактики бойкота профсоюзов, чему активно противится Рид, успевающий даже пожаловаться Ленину во время заседания Исполкома Коминтерна:

"Я не согласен с утверждением Радека, что мы пытаемся саботировать работу профсоюзной комиссии. Такого рода замечания у Радека подменяют собою аргументы, так как, зная о профсоюзном движении крайне мало, он, естественно, не имеет по этому вопросу своего мнения. Этим все и объясняется" /6/.

Затем, из-за разногласий по организационному вопросу с председателем Коминтерна Зиновьевым, Рид на заседании Исполкома Коминтерна заявляет о выходе из ИККИ, но и здесь терпит поражение: его уговаривают забрать назад заявление об уходе и извиниться. Наконец, против его воли, его обязывают ехать в Баку на съезд народов Востока, намеченный на 1-8 сентября, куда Рид не хочет ехать, хотя бы уже потому, что вот-вот в Петроград должна прибыть Луиза Брайант. 26 августа, уезжая в Баку, он оставляет ей несколько растерянное письмо:

"Моя дорогая!

Я очень огорчен тем, что не смогу встретить тебя, когда ты приедешь в Россию. У меня все было готово к тому, чтобы поехать в Петроград, а если будет возможно, то и дальше по дороге на север, - чтобы вернуться сюда вместе с тобой. Но вчера мне сообщили, что я обязан ехать в Баку, на Кавказ, со всем Исполкомом, чтобы присутствовать на съезде народов Востока. Я подумал, что и ты, моя милая, хотела бы туда поехать. Я попросил разрешения остаться и приехать вместе с тобой несколько позже. Они отказали. Тогда я попросил, чтобы тебя прислали ко мне. Но и это не могло быть сделано, потому что на юге идет гражданская война, и мы

едем на бронепоезде, на котором только туда и можно добраться. И так, я обязан ехать и прошу Кингисеппа/7/, как только ты приедешь в Россию, телеграфировать мне, чтобы я мог при первой же возможности помчаться назад. Мы уезжаем сегодня вечером. Думаю, вся поездка займет десять дней - надеюсь, что меньше.

Я получил все твои последние записочки, говорящие, что ты в пути, и ждал тебя страшно. Я так беспокоился, когда прошлой ночью получил твое письмецо, говорящее, что ты из Стокеольма едешь через Мурманск, так как слишком много людей там арестовано в последнее время. Наркомат иностранных дел телеграфировал всюду проследить за тем, чтобы с тобой хорошо обращались и направляли сюда наибыстрейшим образом.

Когда приедешь в Москву, иди в гостиницу "Деловой двор" и найди коменданта, которому сделаны все распоряжения относительно комнаты для тебя. [...]

Возможно, тебе было бы проще остаться в Петрограде до тех пор, пока я не вернусь с юга и не смогу встретити тебя здесь.

Я жажду встречи с тобой, моя милая, так, как нельзя описать. Будто прошли годы.../8/ Меня волнует только одна вещь. Я должен скоро поехать домой. А отсюда ужасно трудно выбраться, особенно женщине. Именно поэтому я пытался передать тебе, чтобы ты ждала меня за границей. Но как только я узнал, что ты приезжаешь, я обрадовался тому, что увижу мою милую скорее.

Я люблю мою милую всем сердцем и счастлив, что смогу увидеть ее снова.

Твой Бие"/9/.

На пути из Баку в Москву бронепоезд был атакован каким-то отрядом. Пришлось отбиваться, а затем преследовать нападавших. Вообще-то Рид по слабости здоровья от службы в американской армии был освобожден/10/. Но упустить такой случай - стрелять в спину уже отступающему врагу - не захотел, а потому попросил, чтобы и ему разрешили участвовать в преследовании, дали винтовку и посадили в тачанку. Ему позволили, он стрелял и был страшно доволен. А когда вернулся в Москву, его ждала там Л. Брайнт.

Рид был счастлив; жизнь была полна и насыщена. Но оказалось, что это последние дни его жизни. 17 октября он скончался, как указывалось в медицинском заключении, официально рассылаемом Исполкомом Третьего интернационала, "вероятнее всего из-за того, что ел невымытые фрукты во время недавней поездки в Баку"/11/.

По прошествии многих лет трудно утверждать что-либо со всей определенностью, но не исключено, что Рид был отравлен по пути из Баку в Москву. Он пришелся не ко двору в Коминтерне, конфликт его с Радеком и Зиновьевым был теперь уже не только политическим, но и личным. Рид завалил операцию по вывозу бриллиантов американским коммунистам и, возможно, был заподозрен Радеком и Зиновьевым в сотрудничестве с американским правительством. Настояв на поездке Рида в Баку (где он совершенно не был нужен и даже не произнес речи)/12/, Радек и Зиновьев получили возможность провести с Ридом несколько дней, окончательно утвердили себя в мнении, что Рид стал неудобен и опасен, и на обратном пути отравили его. Пышные похороны у Кремлевской стены опального Рида/13/, рвущегося уехать из советской России, были, наверное, затеяны для того, чтобы не допустить отправки трупа Рида в США, где американские власти, возможно, захотели бы провести вскрытие и установить причины смерти.

Разумеется, это только гипотеза. Но она кажется более правдоподобной, чем общепринятая версия смерти от невымытых фруктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вся переписка, касающаяся ареста Рида, в том числе обмен телеграммами и письмами между русскими военными и гражданскими властями, с одной стороны, и американским и британским посольствами, с другой, была любезно предоставлена Риду - видимо, в связи с его планами написать книгу "Война в Восточной Европе" (1916). Хранится в архиве Рида, фонд 1091, папка 404а.

2. Фонд 1091, папка 73.

3. Там же, папка 137.

4. Там же, папка 1068. Письма Аллана Валлениуса Луизе Брайант. Стокгольм, 29 марта 1920 года.

5. Рид, безусловно, лгал. Такими деньгами он располагать не мог. На 4 января 1917 года на его счету было всего 40 долларов (см. там же, папка 622). Он постоянно выписывал со своего счета чеки, зная, что на счету денег нет, и 12 декабря 1918 г. потерявший терпение банк закрыл счет Рида (см. там же, папка 447). Он задолжал Гарвардскому клубу, членом которого был, 34 долл. 47 центов (см. там же, папка 478), и так и не выплатил 9 долл. 6 центов за высылаемую ему в течение многих месяцев подписку (там же, папка 873, 11 ноября 1919 г.). На 31 декабря 1920 года было распродано 5.868 экземпляров английского издания книги Рида "Десять дней, которые потрясли мир", что принесло автору гонорар в 1173 долл. 60 центов (см. там же, папка 1017). Таким образом, о покупке Ридом драгоценностей на сумму, превышающую 100 тыс. долларов, не могло быть и речи.

6. Там же, папка 557.

7. Кингисепп В. Э. (1888-1922). Эстонский революционер. В РСДРП с 1906 г. В 1918 году - в Верховном революционном трибунале РСФСР, один из главных следователей ВЧК. В 1919 году - один из руководителей неудавшегося коммунистического переворота в Эстонии. После подавления мятежа - в подполье. Арестован и по приговору суда Эстонской республики расстрелян.

8. Отточие документа.

9. Фонд 1091, папка 120. В публикации А. Старцева "Джон Рид - Луизе Брайант" ("Иностранная литература", 1970, кн. 11, с. 221) при переводе тон ридовского письма был несколько смягчен. Вообще же, в письме заметно разочарование Рида. То, что Рид в целом начинает разочаровываться в советской власти, подтверждает по крайней мере один объективный свидетель, близко знавший Рида в тот период, - итальянская коммунистка Анжелика Балабанова (см. Международный институт социальной истории [Амстердам], архив А. Балабановой, папка 220. "Джон Рид". Очерк. 7 листов; там же черновики рукописи книги о Коминтерне, с. 22).

10. См. Сертификат об освобождении от военной службы по состоянию здоровья, от 15 августа 1917 г. ("Архив Рида", фонд 1091, папка 635).

11. Цит. по кн. А. Старцев. "Русские блокноты Джона Рида". Изд. "Советский писатель", Москва, 1968, с. 269.

12. На съезде народов Востока Рид так и не выступил. Его заранее заготовленная речь была, однако, опубликована в приложениях к стенографическому отчету съезда ("Съезд народов Востока. Баку, 1-8 сентября 1920 г.". Стенографический отчет. Петроград, 1920, с. 120-125).

13. Ленин относился к Риду с иронией и не мог ценить его настолько, чтобы настаивать на похоронах у Кремлевской стены. Известная встреча между Лениным и Ридом состоялась после усиленных просьб Рида повидать Ленина хоть пять минут. Говорить Риду с Лениным было абсолютно не о чем. С его стороны это было самое банальное любопытство.

Как наше прошлое формировало наши идеи

Доклад на Посевской конференции 1990 года

Б. ПУШКАРЕВ

Мне поручено сегодня говорить о прошлом и настоящем нашего Союза. Прошлое наше – это и история идей, и история дел и жизней людей; это и прошлое в Зарубежье, где мы существуем 60 лет, и в России, где мы тоже присутствуем уже 52 года. Многие из нашей истории безвозвратно утеряно, что-то нам самим еще предстоит узнать. Но не так мало и написано, особенно за последние 10 лет, или пишется. Всего не охватить, и я бы из множества возможных тем хотел выделить одну: как наше прошлое формировало наши идеи.

Эта тема свяжет прошлое и настоящее. Наши идеи – это то, чем живет сегодня наша организация в России, то, чем мы отличаемся от других, то, что мы можем дать будущему страны. И возникли они не произвольно: их закономерно формировало наше прошлое.

Я бы хотел, весьма выборочно, выделить пять идей: национальную идею, идею свободы, идею исторической преемственности, позицию "по ту сторону правых и левых" и идею освободительной революции, ближайшей сейчас к своему завершению.

Национальная идея.

Союз, который основали 14 молодых людей, встретившихся в Белграде 1 июля 1930 года, назывался Национальный Союз Русской Молодежи. Год спустя его переименовали в Национальный Союз Нового Поколения. Потом название наше, в деталях, менялось еще пять раз, хотя инициалы НТС и существуют с 1935 года. Но я хочу обратить внимание на прилагательное национальный.

Почему национальный? Да потому, что интернациональным себя тогда откровенно именовал коммунизм, не успев еще изобрести ни советского патриотизма, ни культур национальных лишь по форме, ни прочих сталинских штук. Мы стали тогда на защиту наших национальных ценностей, попираемых коммунистическим интернационалом. Нашим идеалом была национальная Россия – в противоположность анонимному СССР.

Преданность национальной России мы унаследовали от Белого движения – но унаследовали в своем собственном преломлении, извлекая уроки из опыта истории. Вместо одной лишь риторики о "единой и неделимой", которая Белому движению едва ли помогла, уже в наших Положениях 1930 года говорится о "признании за народами, входящими в состав России, права на национальную самостоятельность". Формулировка, по нынешним временам, очень уж осто-

рожная, но радикальная по отношению к настроениям, бытовавшим тогда в Зарубежье.

В 1934 году последовало определение нации:

"Объединение людей в неразрывное целое общностью культуры, государственных и экономических интересов, историческим прошлым и общностью устремлений в будущее".

Заметим: единство не этническое, не расовое, не языковое, а единство интересов и устремлений. Как писала тогда газета "За Россию" - "Нация - это духовное родство свободных граждан". И сам Союз уже был родством людей разного этнического происхождения и разных религий: Устав тогда предусматривал особые формы присяги и для магометан, и для буддистов. И татары, и калмыки и армяне чувствовали себя в Союзе россиянами, не отрекаясь от собственных корней.

В условиях войны Схема НТС 1942 года выдвигает понятие Российского Союзного Государства. В его рамках отдельные народы могут создавать "самоуправные государственные образования", которые имеют собственные конституции и "часть своего государственного суверенитета переносят на центральное правительство". Это положение сегодня, когда идут переговоры о новом союзном договоре, звучит вполне современно.

В условиях послевоенной демократии на Западе нам надо было подтвердить, что у нас нет намерений никого за шиворот тащить в это Союзное государство. Это было сделано в резолюции Совета по национальному вопросу 1951 года, где НТС стоит за "принцип государственного единства народов России", но в то же время "признает за каждым народом право на основании плебисцита самому решать свою судьбу". То есть, у нас есть общая со всеми демократами база признания права на отделение, но сами мы тяготеем к единству.

Сегодня Солженицын видит будущий Российский Союз в пределах Российской Республики, Украины, Белоруссии и северного Казахстана. Как личное предпочтение, это многим видится желательным. Но как политическая программа организации наша позиция остается более гибкой: важно, чтобы Россия стала свободным сообществом тех народов, которые пожелают жить в общем государстве. Мы не предпрещаем ни его границ, ни деталей его федеративного устройства. Это решат сами народы. Однако, даже если это сообщество объединит лишь несколько народов из более чем ста, все равно оно будет не русским, а российским: в его законах и духе должно быть заложено признание его многонациональности и самобытности каждого народа.

Это возвращает нас к вопросу о российском национализме. Сегодня термин национализм не в моде - точнее, он считается хорошим, если его практикуют нерусские народы, и плохим, если он относится к русским. Виновата здесь, бесспорно, комвласть, которая более полувека перемешивала патриотизм русский и советский и, разрушая христианскую основу российского самосознания, создала почву для языческого национализма. Под языческим я подразумеваю тот, что основан не на принципе "уважай каждую нацию, как свою собственную", а тот, кто сам лишен уважения к своей нации, а потому и других стремится унижить и очернить. Виднейший идеолог довоенного НТС Михаил Александрович Георгиевский писал в 1939 году в газете "За Россию", парируя жалобы ультра-правой прессы,

что НТС ничего не пишет о евреях: "Неужели же не унижительно для русского национального достоинства сваливать все несчастья на жидо-масонов?"

Поэтому возрождение русского национального достоинства и российского национального самосознания сегодня крайне важно для всех народов нашей страны. Только оно может вытеснить языческий национализм отталкивания и шапкозакаидательства. Мы помним по собственному опыту подпольной работы из Зарубежья на Россию в 1960-е и 1970-е годы: к нам на помощь шла национально настроенная молодежь из Фландрии, Норвегии, Италии и Франции, поскольку она видела в нас родственные души. И нам легко было работать вместе. Подобным же образом на нас сегодня с надеждой смотрят многие деятели нерусских республик.

В 1956 году мы переименовали название Союза с "Национально-Трудовой" на "Народно-Трудовой": просто потому, что в языковом обиходе в Советском Союзе, в сравнении с практикой Зарубежья, слова "народ" и "нация" поменялись местами. Но это не изменило нашей сути. Любовь к своему дому и своей семье – естественное и необходимое чувство. Если его нет, в душе образуется опасная для человека пустота. Это верно и в масштабе семьи, и в масштабе нации и государства. Меня, например, угнетает то, с какой легкостью сегодня русский язык наводняется англицизмами – всеми этими бизнесами, дисплеями, маркетингами, брифингами, популяциями и т. п.. Впрочем, нечто подобное мы уже видели при Петре, с его экзерцициями и экзекуциями. Прошло время, и это преодолелось. Тяга к здоровому национальному самосознанию в нашем народе налицо, и надо помогать ему ее проявить. Только так можно заполнить пустоту беспочвенного интернационализма, вытеснить языческий шовинизм и способствовать, как мы теперь говорим, росту солидарного гражданского общества.

Идея гражданской свободы.

"За Россию, за свободу" – пели корниловцы в Гражданскую войну, и вслед за ними идея свободы России, как результат любви к России, с первого дня была путеводной в нашем Союзе. Положения 1930 года требовали

"установления личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствия классов и сословных привилегий как основных условий личного и общественного прогресса и создания духовных и материальных ценностей".

Фраза неуклюжая, но смотревшая далеко вперед. О том, что личная свобода – условие создания в том числе и материальных ценностей, не подозревали ни рабовладельцы прошлых веков, ни сталинские органы долгосрочного планирования в недрах ОГПУ и НКВД. Только наш век информатики, когда машину строит не человек, а информация, заложенная в другую машину, убедительно доказал, что основная ценность – это именно информация, а материальное производство есть производная от нее. Информация по своей природе требует обмена, а обмен не может осуществляться в условиях несвободы. Поэтому не случайно, что именно век информатики стал веком освобождения человека и крушения тоталитарных режимов.

Общие положения 1930 года о личной свободе и равенстве всех перед законом были подробно развиты в Схеме НТС 1942 года. Схема эта составлялась несколькими группами на пространстве между Берлином и оккупированной Россией летом и осенью 1942 года, когда исход войны отнюдь не был ясен и надо было считаться с тем, что документ будет читать и Гестапо. Тем не менее в Схеме сказано (стр. 11 – 12 ротаторного издания):

"Национально-трудоустрой обеспечивает всем гражданам следующие гражданские свободы:

- свободу жительства, передвижения и переселения по всей территории страны без всяких ограничений, а равно и свободу выезда за границу; (далее перечисляю сокращенно. - Б. П.) свободу труда /.../, свободу слова и печати /.../, свободу собраний, союзов, объединений и манифестаций /.../, свободу научного и художественного творчества /.../, свободу научных, философских и политических убеждений /.../, свободу вероисповедания /.../, свободу национального самоопределения".

Затем следует изложение гражданских прав:

"неприкосновенность личности /.../, неприкосновенность жилища, имущества и переписки /.../, право на доброе имя /.../, право представительства /.../, право занятия любой должности в зависимости от личных способностей, качеств и уровня знаний, право на труд и обеспечение средств к жизни, право на образование /.../, право на социальную помощь, в частности, на обеспечение в старости. Сохранение установленных прав и правового порядка гарантируется нерушимостью законов и равенством всех граждан перед законом".

Вот где был пафос Союза 1942 года. Опять можно спорить о формулировках, что они недостаточно четки, что они смешали гражданские и экономические права, что мало сказано об институционных гарантиях. Но не забудем, что все это писалось наспех в условиях подполья за шесть лет до того, как Объединенные нации провозгласили Всеобщую декларацию прав человека. Мы тогда уже выступали за права, забота о которых в мире вошла в моду лишь в последние тридцать лет.

При этом наше понимание свободы всегда отличалось от понимания как либерально-позитивистского, так и анархического. Отличалось формулой "не свобода от, а свобода для"; свобода не как самоцель, а как условие осуществления ценностей. Формула эта привлекательна, сегодня ее разделяет и консервативная политическая мысль в США, и католическая в Европе. Но в практической жизни она опирается в большие трудности: где провести границу между свободой положительной и отрицательной? и кто решает? Нарушает ли свободу запрет порнографии, проституции, святотатства, запрет побираться в вагоне или жить на вокзале? С этой проблематикой нам в будущем еще предстоит столкнуться.

Другим следствием нашего понимания свободы как условия осуществления положительных целей и общественной солидарности было наше отталкивание от межпартийных дрызг и партийного политиканства. 1920-е и 1930-е годы отнюдь не вселяли уверенности в парламентскую многопартийную демократию: она пустила к власти тоталитаристов в России, Германии и Италии, она не удалась во многих малых странах Европы, заигрывала с коммунистами во Франции и довела Испанию до гражданской войны. Поэтому для тогдашнего НТС естественен был поиск новых путей, который вылился в Схеме 1942 года в проект многоступенчатого народного представи-

тельства, в котором каждый избиратель лично знает своего депутата и где на работе в низовых органах самоуправления проверяются его деловые качества.

Надо подчеркнуть, что против "яда партийности" в демократии выступали не мы первые, и не мы последние. В конце XVIII века против него предостерегали еще "отцы-основатели" американской демократии, полагая, что их конституция послужит против него залогом. В 1930-е годы, одновременно с нами, альтернативы парламентскому строю искал и христианский социалист-демократ Г. П. Федотов, и другие мыслители его толка. Сегодня в политике западных стран традиционные партии часто уступают внепартийным "группам давления", движимым решением единичных вопросов. И Солженицын выступил за беспартийные многоступенчатые выборы в земство, подобно Схеме НТС 1942 года.

Но время берет свое. Демократии западной Европы, пройдя через свой искус тоталитаризмом, нашли возможности исправить многие изъяны довоенного парламентаризма. Мы же поняли, что при решении спорных вопросов неизбежно образуются стороны или партии, и запретить их в свободном обществе невозможно. Поэтому, начиная с 1950 года, в Программе НТС фигурирует глава "Политические организации". С тех пор у нас принято считать, что выявление воли нации должно происходить параллельно тремя путями: плебисцитами, прямыми выборами в палату парламентского типа, где без партий не обойтись, и ступенчатыми выборами лиц, а не партий, в палату земств, за которую ратует Солженицын.

Идея преемственности.

"В былом источник вдохновенья, в деяньях Сечи и Петра" — этими словами начинается одна из самых популярных песен Союза 1930–50-х годов, которую, кстати, вполне уместно бы сейчас в России возродить нашим молодежным группам. В империи, заложенной Петром Великим, и одновременно в наследии казацкой вольницы видели источник вдохновенья не одни основатели НТС: сам Пушкин слыл "певцом империи и свободы". Трагическим образом слиянию этих двух начал не дано было воплотиться в нашей истории.

После революции марксистские историки взялись очернять наше прошлое; им стали вторить многие на Западе. В стране же, после 73 страшных лет, многим хочется дореволюционное прошлое, наоборот, обелить. Основатели НТС предостерегали против той и другой крайностей. В Положениях 1930 года им виделось возрождение России

"в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого".

Сегодня многие вспоминают о Земстве как о почвенной, российской форме самоуправления, которая достигла значительных успехов и была солидаристической в том смысле, что в ней дружно сотрудничали представители разных сословий. Но ведь "здание земства", как выражались в ту пору, так никогда и не было "увенчано" общероссийской палатой наверху, никогда не получило основания — всоюзного земства — и охватило лишь часть страны. Так что, стремясь перенять принципы работы и дух служения земских деятелей, строивших Россию, мы не можем даже восстанавливать старое. Мы

должны заново строить то, что так и осталось недостроенным, было лишь планом, намеченным как бы пунктиром.

Хорошо вспомнить и судебную реформу 1864 года, приблизившую осуществление идеала суда "скорого, правого и милостивого", введшую суд присяжных, исправившую беззакония Николаевской эпохи. Но ведь и эта реформа уже через 25 лет была исковеркана контрреформами Победоносцева, упразднением мировых судей и введением земских начальников, так что многие крестьяне так до конца Империи ничего кроме административного произвола в судах и не увидели. Да, нам надо начинать восстанавливать правосудие на принципах реформы 1864 года, но, опять же, не только восстанавливать то, что было, а создавать то, что еще только должно было появиться.

Подобное можно сказать и про Церковь. Да, нам нужна Церковь, авторитетная тем, что не подвластна государству. Церковь с интенсивной приходской жизнью, связанная тесными горизонтальными узлами с гражданским обществом. Но ведь только лишь планы такой Церкви должен был обсуждать Собор 1906 года, который так и не состоялся, а решения Собора 1917 года перечеркнул большевизм...

И этот перечень можно продолжать. Говорить о незавершенной аграрной реформе Столыпина, о незавершенных планах в образовании и науке, в кооперации, в армии. Ясно: чтобы сохранить преемственность, чтобы не стать иванами, не помнящими родства, нам сегодня необходимо заниматься историей. Особенно историей наших учреждений 1860–1925 годов. Но не только докапываться до фактов и уяснять невероятность размеров той катастрофы, которая нас постигла, как и тенденций прошлого, которые к ней привели. Это лишь пассивная сторона задачи.

Характерная черта нашего мироощущения – отрицание фактопклонства. Да, факты надо точно знать, чтобы о них не разбиться. Но перед ними нельзя преклоняться, на них не смеет замыкаться мысль. Мысль должна быть устремлена вперед, к должному, а не к сущему. Поэтому в изучении нашей новейшей истории не менее важна активная сторона: дорисовывать контуры того, что могло быть, но было оборвано. Какими должны были стать земство, суд, Церковь, аграрные отношения. Эти контуры дадут нам, в первом приближении, облочку будущей, возможной России, если она будет построена "в твердом согласовании с исторической преемственностью". Вот задача для наших будущих НИИ и "мозговых трестов".

По ту сторону "правого" и "левого".

Со свойственным ему в 1930-е годы задором, НТС свое положение в политическом спектре определил так: "мы не справа и не слева, мы – впереди!". Исторически, эта позиция для нас была единственно возможной. Ведь целый век, от декабристов и до отречения Николая II, Россию терзал конфликт между "правыми" и "левыми", "властью" и "обществом". Всеобщее ликование весны 1917 года было радостью освобождения от этого конфликта. На какой-то исторический миг казалось, что общество слилось с государством и восторжествовало демократическое согласие.

Но когда дошло до дела, так называемая революционная демократия помогла не Корнилову, а большевикам. Это заставило сторон-

ников правового строя "справа" вернуться не только против большевизма, но и против демократии, видя во Временном правительстве "позорнейшую из всех российских властей". Этот раскол в антибольшевистском лагере способствовал поражению Белых армий и был увезен эмиграцией за границу, где вызвал 35 лет бесплодных пререканий.

Здесь о преемственности не могло быть и речи. Преемственность от кого? От монархистов, предавших монархию? От социалистов, предавших демократию? От кадетов, получивших 4,8 % голосов на выборах в Учредительное собрание? Под всем этим надо было подвести жирную черту и начинать сначала! Отгородиться от старшего поколения организационно, возрастным цензом, а также идейно. Преодоление коммунизма требовало новой идеи. Конечно, идеи России, а не Интернационала. Но при этом идеи, не лишенной социального содержания. К такому выводу вел анализ хода Гражданской войны.

Ведь меньшевики и правые эсеры, ставившие во главу угла социальную идею и политическую работу в массах, победили большевиков весной 1918 года на выборах в 19 из 30 губернских городов, где тогда была "советская" власть. Но они отказывались применять силу к своим "братьям по классу", большевикам, почему те их и разогнали при помощи ЧК.

Насилию и анархии черни надо противопоставить "патриотическую и дисциплинированную армию", считал Деникин. Ее единство не должны нарушать политические споры о социальном устройстве страны. Но такая позиция лишала белых политической опоры в массах, особенно среди крестьянства, и в 1919 году тоже имела лишь временный успех.

Крымский опыт Врангеля, стремившегося в 1920 году совместить патристизм с социальными реформами и необходимым применением силы, опоздал. Но именно он представлял собой конструктивный итог гражданской войны, именно он указывал направление в будущее.

Революция преуспела в разжигании классово-розовой розни, и залечить ее раны может лишь сотрудничество классов и социальное единство нации - вот откуда пошел солидаризм. Но где искать его прообраз? Позже мы его в значительной мере увидели в христианской демократии послевоенной Европы, в социально-рыночном хозяйстве и реформированной парламентской системе стран, прошедших свой искус тоталитаризмом.

Но в 1930-е годы ничего этого еще не было. Либеральная демократия терпела поражения и теряла авторитет. Однако мы ее изучали, в частности, социальные реформы Рузвельта. Языческий национал-социализм Гитлера отталкивал с самого начала, этому много свидетельств в нашей прессе. И Берлинская группа НТС была, пожалуй, самой антинацистской. Но социальные реформы, национальное единение и антибольшевизм других новых режимов не могли не вызывать интереса: изучалась и корпоративная теория Парето, и патриархальная диктатура Салазара в Португалии. Но проще всего, конечно, изучать было то, что под боком. Под боком были свои профессора - Билимович, Ильин, Спекторский, печатавшиеся в изданиях НТС. Под боком были труды Бердяева, Лосского и Франка, в Харбине преподавал Георгий Гинс, от которого мы и взяли сам термин солидаризм и его определение желаемого государства: не ночной сторож, как при либерализме, не командир, как при диктатуре, а светофор на

перекрестке, который не дает машинам столкнуться, но в остальном предоставляет водителям ехать, куда им надо. Позже Сергей Левицкий назвал российский солидаризм синтезом религиозного мессианства славянофилов и социального реформаторства западников.

Пусть законченной доктрины все это не дало. Кому охота зубрить законченную доктрину? Существенен был порыв: познавать азы, учиться, расти. Существенен был диапазон материала, и главное направление – на синтез. Третий съезд Союза в 1934 году поставил задачу "подготовки сильных волею и знаниями, культурных и нравственно дисциплинированных деятелей, работников и строителей будущей России". Эта задача стоит и сегодня.

Идея освободительной революции.

Понятия, о которых я пока говорил, – национальная идея, идея свободы, вопрос исторической преемственности и позиция "по ту сторону правого и левого", – это, можно сказать, идеи программные, относящиеся к вопросу "за что" мы. Пятая же идея – стратегическая, относящаяся к вопросу "как". Всем ясно, что мы никогда не ограничивались идеями, что наша любимая евангельская цитата из послания апостола Иакова – "вера без дел мертва". Так вот, в каком контексте мы видели свои дела, как мы их осмыслили? И как мы видели конец режима в разное время?

Начнем с того, что эмиграция видела два варианта. "Левые" делали ставку на эволюцию власти: будет же когда-то Термидор! "Правые" ставили на возобновление иностранной интервенции и на "весенний поход". Ни та, ни другая ставка не требовала действий, а только ожидания. Ни ту, ни другую не принимали активисты "нового поколения", понимая, что Россия может добиться свободы лишь собственными силами, что нам ее не могут дать ни правящая партия, ни иностранная интервенция. Поэтому в декабре 1931 года НТС принимает идею национальной революции.

За слово революция на нас в 1960-е годы и позже сыпалось много шишек. Вы, мол, за кровопролитие, за разруху ... Все это, конечно, были передержки, у страха глаза велики. Мы всегда были за коренную смену режима. То, что она может быть бескровной, доказали Венгрия, Чехословакия, ГДР в 1989 году. То, что она должна происходить собственными силами и вопреки партаппарату, показывает сегодняшний день России. Так что цель была задана верно. Другое дело, как к ней идти? На этом пути можно различить пять этапов.

1. В 1930-е годы цельной стратегической концепции не было. Был инстинкт: идти в Россию, нести наши идеи. Была воля к служению и жертве. Была мысль: создать в подполье опорные точки. И другая мысль: да, мы готовим революцию, но осуществим ее не мы, власть возьмет некий чаемый "комкор Сидорчук".

Что осталось от тех лет? Память о жертвах. Тех шести из Прибалтики, что пошли по своей инициативе в 1932 году через Братство Русской Правды и погибли. Тех трех из Манчжурии, что в 1935-м были расстреляны в Иркутске, об Ирошникове и Флоровском, что пошли по линии РОВС и погибли на румынской границе в 1933 году. Тех восьми, что сами основали в 1938 году группу в Москве и тоже были захвачены.

Союз раскрывает предательство в эмигрантских организациях, с которыми он поначалу сотрудничал, и в 1938 году пробивает собственный путь в Россию. Околович и Колков совершают свой знаменитый поход и возвращаются невредимыми, но еще девять человек погибают на границе или вскоре после перехода границы. Девять или десять пробиваются в страну и начинают там вторую жизнь.

Много раз нам задавался вопрос: а были ли все эти жертвы оправданы? Ответил на него по другому поводу Г. Федотов:

"Не является ли последний творческий акт человека - в святости, в подвиге, в жертве - совершенно бескорыстным и не имеющим смысла вне себя и ниже себя? Оправдание нации - в осуществленных ею в истории ценностях, и среди них героизм, святость, подвижничество имеют по крайней мере такое же онтологическое значение, как создание художественных памятников и научных систем..."

2. Тридцатые годы были подготовкой - решающие события начались в 1941 году. Председатель Союза Виктор Михайлович Байдалаков выступил на большом собрании в Белграде в феврале 1939 года:

"С кем идти? У русской совести может быть только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а с русским народом. Борьба на два фронта, с завоевателями извне и с тиранией внутри, будет тяжела, ...но Россию спасет русская сила на русской земле; на каждом из нас лежит долг отдать себя делу создания этой силы".

Были члены НТС и в советской армии, и во французском движении сопротивления, но основные кадры организации в 1941 году находились в занятой немцами Европе и оттуда всеми правдами и неправдами потянулись на Восток, чтобы быть со своим народом. Стратегический замысел тех дней отражен в Схеме НТС 1942 года:

"Для осуществления Национальной Революции необходимо: 1. Выявление всех национальных антибольшевистских сил... 2. Создание мощного Освободительного народного движения, оформленного в политической организации и опирающегося на вооруженную силу".

Члены Союза в оккупированной России старались помогать, чем могли, населению восстанавливать общественную жизнь, распространять свои идеи. Но политический смысл их работы в России и в лагерях для советских граждан в Германии сводился к двум целям: к созданию подпольной политической организации и к поискам опоры на вооруженную силу как в среде независимых партизан, так и добровольческих частей с немецкой стороны.

Условия войны, где либо ты стреляешь, либо в тебя стреляют, и третьего не дано, сделали широкий разворот "третьей силы" невозможным. Расчеты на коренное изменение немецкой политики на Востоке оказались тщетными, оппозиция Гитлеру была подавлена, а Западные державы о борьбе со Сталиным и слышать не хотели. В брошюре "НТС - Мысль и Дело", которую мы сейчас выпустили, перечислены имена 27 членов НТС, убитых нацистами на оккупированной территории, и 24 - погибших в нацистских тюрьмах и концлагерях. Было их на самом деле больше; ведь списков членов в условиях подполья не велось, и связь была очень отрывочной. Сколько погибло в сталинских лагерях, - нам еще предстоит узнать.

И тем не менее попытка осуществить невозможное не была тщетной. Оставаясь верными себе, члены Союза не могли отсиживаться по разным углам Европы, когда решалась судьба их страны. Только

благодаря тому, что они не побоялись ринуться в гущу событий и пойти на встречу со своим народом, Союз вобрал в себя новые силы и выжил как организация. Ни одна из других русских политических организаций в Европе войну не пережила.

3. В послевоенные годы "вторая" эмиграция в Европе была деморализована сталинскими победами и террором насильственной репатриации. Ждали нового наступления советской армии на запад и стремились как можно скорее за океан. Всем, казалось, было ясно, что революционная борьба против тоталитарного режима невозможна.

В этих условиях, в 1948–49 годах, НТС снова берет курс против течения и идет навстречу этой армии – в Берлин. Чтобы снять психологический барьер невозможности борьбы, В. Д. Поремский создает "молекулярную теорию": как построить массовую, неуловимую революционную организацию, которая в тоталитарной разобщенности даст людям чувство плеча, разрушит миф о всемогуществе власти и создаст предпосылки для всенародного восстания.

Семь лет, с 1950 по 1956, идет последовательное осуществление молекулярной теории. Радиостанция "Свободная Россия", просуществовавшая до середины 1970-х годов. Шаровые акции, которыми было заброшено в страну 97 миллионов листовок и 8,6 миллионов газет и брошюр. Работа в армии; в связи с восстанием 17 июня 1953 года в Берлине и Венгерской революцией – призывы не стрелять в народ! Подготовка и засылка в Россию для отстройки "каркаса" молекулярной организации одиннадцати членов НТС.

Памятью это время расстрелом четырех из них – Горбунова, Лахно, Макова и Ремиги, похищением Александра Рудольфовича Трушновича из Западного Берлина, попытками убийства Околовича и Поремского и еще примерно пятнадцатью актами чекистского террора против зарубежной базы НТС.

4. Переломным для нашей стратегии стал 1956 год. Стало ясно, что ростки независимого общественного мнения в стране требуют более дифференцированного подхода, чем листовки с воздушных шаров, и что молекулярная организация не будет массовой. Зато XX съезд КПСС открыл новые перспективы демонтажу тоталитарной власти, а Венгерская революция показала, что всенародное восстание в тоталитарных условиях действительно возможно, но поддержки извне не получит.

Собравшись в Кидрихе–на–Рейне в июле 1956 года, Совет НТС издал свою, пожалуй, наиболее дальновидную резолюцию:

"правящий слой, по мере привлечения его к соучастию во власти /.../ сталкивается с проблемой ответственности, которая неизбежно раскроет его. Одна его часть будет /.../ стремиться закрепить свое положение и оставить нетронутым основной фундамент коммунистического режима. Другая будет добиваться реформ и постепенной эволюции режима к некой форме правового государства, которая в идеале часто приближается к одному из вариантов западноевропейского социализма".

Затем, определяя явления пассивного, умеренного и радикального реформизма, резолюция говорит, что этот последний

"по мере нарастания революционной ситуации объективно станет союзником революционных сил в общей борьбе за единые конечные цели".

Слов нет, для многих за рубежом это был очередной энтезесовский блеф: "уж какие там могут быть среди большевиков реформи-

сты, тут пахнет новым сменевеховством!". Но из резолюции следовал ряд далеко идущих выводов.

Во-первых, широкий разворот так называемой зарубежной оператики: встреч с туристами, моряками и прочими советскими гражданами за границей. Для них создаются специальные издания, встречи с ними дают Союзу возможность держать руку на пульсе страны.

Во-вторых, публикация осенью 1956 года в 31 номере "Граней" обращения к авторам в России с предложением печатать свои произведения в издательстве "Посев", положившего начало Тамиздату. На обращение это три года не было отклика, но с 1960 года начали поступать рукописи. Сначала понемногу, а за десятилетие 1965-75 более тысячи, длинный перечень публиковавшихся у нас авторов из России широко известен.

В-третьих, созыв в 1957 году гаагского "Конгресса за права и свободу в России", последнего совместного действия эмиграции. Конгресс выставил 130 частичных требований, которые, взятые в отдельности, не были "антисоветскими", но осуществленные в своей совокупности, означали бы конец режима. По замыслу и содержанию они предвосхитили правозащитное движение, начавшееся в стране восемь лет спустя.

В-четвертых, так называемые Лорские решения 1958 года, о "создании на территории России организационных предпосылок для открытых революционно-политических выступлений против власти под знаменем НТС". Опять же, подобные выступления начались в стране лишь семь лет спустя и не под флагом НТС. Но практическим результатом решений была отстройка, начиная с 1960 года, обширной системы поездок курьеров НТС в страну под видом иностранных туристов. За 30 лет существования этой системы закрытыми контактами в России было охвачено более 2000 человек.

Шестидесятые годы характеризуются "тактикой широкого фронта" - поддержкой целого спектра диссидентских и правозащитных группировок, контактов с церковными и писательскими кругами. Людей, вступивших в НТС, среди них было немного; посмертно широко стали известны имена Юрия Галанскова и Бориса Евдокимова.

5. Следующий пересмотр стратегии происходит в 1970-72 годах. Стало ясно, во-первых, что смену власти вынудят не одни субъективные оппозиционные силы в стране, но и объективные силы, в частности, мировая научно-техническая революция, за которой тоталитарный строй не способен угнаться; в результате заключительные этапы революционного процесса могут быть разными: вероятно переворот внутри правящего слоя, возможен и разбор режима по кирпичам, а не только народное восстание. И не НТС будет выбирать эти варианты, а исторические силы, которые превыше него. Это не было отказом от революции - это было отказом от претензии, что осуществит ее НТС.

Во-вторых, стало ясно, что НТС не может помочь всем-всем оппозиционным силам, чтобы в них не раствориться, а должен сосредоточиться на создании собственной организации в России. Обслуживание правозащитного движения было в 1972 году передано отдельной организации - Международному обществу прав человека.

Стремление отстроить собственную организацию методами закрытой работы стало на 15 с лишним лет главенствующим, хотя методы

эти в какой-то мере и входили в конфликт с поставленной в 1972 году Советом задачей:

"Главная задача НТС - участие в устройстве российского будущего на основе права, свободы и солидарности. Первоочередная задача - устранение враждебной наряду и губительной для России диктатуры /.../ Во всей своей деятельности НТС видит перед собой постоянно обе эти задачи, так как хотя идеи новой России могут воплотиться в жизнь только после устранения диктатуры, они рождаются и развиваются уже при ней и вопреки ей. В силу противодействия коммунистической диктатуры НТС вынужден важнейшие отрасли своей работы вести закрыто /.../ Однако по своей сущности НТС - организация открытая, уважающая право, стремящаяся к свободному и широкому распространению своих идей".

В 1976-77 годах было проведено несколько открытых выступлений НТС в Советском Союзе - с помощью иностранных друзей, менее подверженных репрессиям КГБ. Но на месте открытые выступления последовали лишь 10 лет спустя, когда вышли из заключения Валерий Сендеров и Ростислав Евдокимов и стали первыми открытыми членами организации в стране.

Тем временем Совет, развивая тезис 1956 года о радикальных реформистах, в 1977 году вводит понятие "конструктивных сил в правящем слое", которые должны "вступить в противоборство с господствующим партаппаратом, добиваясь коренных изменений режима и радикальных реформ". Во взаимодействии конструктивных сил, с одной стороны, и "независимой общественности и подпольного политического движения" - с другой, - "ключ к освобождению и сохранению России". Можно спорить о том, нуждались ли впрямь конструктивные силы в поддержке подпольного движения, но во всяком случае их роль была предсказана верно. За этим логически следовала идея 1980 года о разработке политических альтернатив и формировании независимой общественности.

В 1981-84 годах НТС публикует три предложения альтернатив советской политике: о международных отношениях, хозяйственной реформе и переходе к правовому государству. За ними следует в 1987 году обобщающий документ - "Путь к будущей России".

Если первые три документа и не получили громкого резонанса, то все же задолго до "перестройки" они выдвинули положения, ставшие лозунгами реформ перестройки: приоритет общечеловеческих ценностей перед интересами одного класса (признано Горбачевым в ноябре 1986 года), задачу построения правового государства (о котором заговорили на XIX партконференции 1988 года) и необходимость перехода к рыночным отношениям, о которых официально заговорили в 1989 году.

С другой стороны, "Путь к будущей России" повлиял на ряд оппозиционных программ и способствовал быстрому росту открытой организации НТС в 1989-90 годах. Существенным шагом к выходу на открытую политическую арену были появившиеся в 1989 году возможности размножения журнала "Посев" и другой нашей литературы в стране. В начале 1990 года состоялись первые открытые вечера "Посева" и "Граней" в Москве. Так был начат курс перенесения, шаг за шагом, функций, ранее лежавших на зарубежной организации, в Россию. Курс этот - трудный. Он означает не только перемену географической и политической обстановки, но и смену поколений, и смену задач - от противостояния к созиданию.

Предвоенная обстановка

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Переправка людей через Бессарабию

В прошлый раз – очень коротко и неполно – было говорено о том, как члены НТС шли в Россию “по зеленой дорожке” и как многие из них погибли в пограничной полосе. И о том, как группа членов НТС вместе с польскими офицерами ушла в Румынию, чтобы не попасть в руки к гитлеровским или советским войскам, делившим Польшу между двумя временными друзьями-диктаторами.

Из Румынии часть польских офицеров отправилась дальше, скорее всего во Францию. Известно, что во время немецкой оккупации штабные польские офицеры играли значительную роль в руководстве французским сопротивлением и в сборе сведений о немцах для западных союзников. Некоторые остались в Румынии – тоже для работы. Так Б. Н. Ильяшевич, которого мы уже упоминали, наладил радиосвязь с польским руководством в Лондоне и регулярно переправлял туда сообщения.

Г. С. Околович и еще несколько членов НТС тоже оставались какое-то время в Румынии и смогли оттуда перебросить в Россию целый ряд людей. “Там это было намного легче, – рассказывал Г. С. Околович. – Когда Советский Союз занял Бессарабию, туда переселяли большое количество бессарабцев: баржами, пароходами и т. д. Под видом бессарабцев мы членов Союза и переправляли”.

Немалые потери нес Союз в то время в захваченных странах: в той же Бессарабии, в Польше, а немного позже в Прибалтике. Там захваченных членов НТС расстреливали или приговаривали к многолетнему заключению. Данных об этом трудном отрезке истории Союза, к сожалению, очень мало. Да и живых свидетелей осталось немного. Многое раскроется в свое время из папок с грифом “Хранить вечно” – если их КГБ не успеет уничтожить.

“НТС посылает своих людей под пули”

Закрытую работу Союз вел, естественно, соблюдая правила конспирации. Так, например, когда Г. С. Околович был в России, от него шли из Бельгии подготовленные заранее письма и открытки – поздравления с днем рождения и т. п. Однако в эмиграции вскоре пошли слухи о том, что НТС начал переправку своих людей в Россию. В одном месте проговорились родственники, в другом исчез активный член Союза – и начались догадки. Но главным поставщиком слухов, обработанных соответствующим образом, была советская агентура, получившая задание противодействовать.

Продолжение. См. "Посев" №№ 1-6, 1990 г.

Служ подавался в таком виде: руководство НТС завлекает нашу молодежь в свои сети и посылает ее под пули советских пограничников. (То есть обвиняли в том, чем до этого занимались сами, с помощью "внутренней линии" РОБС.)

И на кого-то в эмиграции это действовало – хотя многие из них вскоре сами пошли на не менее опасные дела в Русский охран- ный корпус, в казачьи части. Обвинения появились и в эмигрант- ской печати. Республиканско-демократический Милюков обвинял руководство НТС в том, что оно "делает ставку на зеленую молодежь, более других склонную к романтике и менее других способную к анализу действительности". Однако тот же Милюков признавал, что Союз пользуется успехом. Правда, по его словам – "в наиболее глухих местах эмигрантского рассеяния".

А Е. Джунковский в монархическом листке "Царский вестник" (от 29.1.1939 г.) писал:

"Мне кажется, что несмотря на то, что этот Союз с его неуклюжим, тяжелым наименованием и бесталанной полусервированной программой усиленно рекламируется, в будущем он успеха иметь не будет. Нужно только надеяться, что и его настоящая работа будет оценена эмиграцией по достоинству. Только бесконечно жаль тех прекрасных загипнотизированных национально настроенных молодых людей, кото- рые вслепую идут за своей амбициозной головкой".

Многие мои друзья, и я в том числе, знали Джунковского по Русскому Соколу. "Брат Джун" снимал на белградских задворках в приземистой хате большую, выбеленную известью комнату с проги- бающимся дощатым полом. Мебель – кровать, некрашенный стол без скатерти, два шатких стула. Было ли какое-либо подобие шкафа – не помню. Но стены бедного жилища были увешаны десятками драгоцен- нейших восточных клинков – играющих узорной сталью дамасских булатов, кавказских шашек, среди которых было две знаменитых гурды! Собирал эти сокровища, платя за них десятками коней из своих табунов, дед, генерал Джунковский, бывший на Кавказе боль- шим человеком. Внук бедствовал, но дедовских клинков не продавал. Узнав, что я член НТС, он пришел в ужас, считая, что и меня за- влекут и погубят. Скорее всего он писал свою заметку искренне, не думая, что повторяет пущенный агентурой слух. Тот же Джунков- ский в сентябре 1944 года, когда титовские отряды стояли в пред- местьях Белграда и уже приближались части советской армии, убеждал меня никуда не уезжать: "В Белград придут англичане, они решили не отдавать Балканы советчикам".

Этот слух был тоже тогда подброшен, и немало эмигрантов лег- комысленно ему поверили и на свою беду остались в Белграде – в том числе и "брат Джун".

Бывший мишенью насмешек и анекдотов, а во время немецкой окку- пации временно вознесенный генерал Скородумов тоже не оставлял НТС в покое. Как-то в Русском Доме в Белграде он произносил до- клад – в черных сапогах, черном френче, черных галифе, перетянутый черной портупеей ("под фюрера"), то и дело выкрикивая: "В таком-то году я писал!" А затем что-то долго цитировал, кого-то упрекал, обвинял. Обрушился он и на НТС: "Эти национальные мальчишки и бес- призорные девочки!". Все мы – и сидевший справа от меня Женья Дивнич, и другие члены Союза – в ответ на гневные генеральские речи беззлбно захохотали. Эмигрантские выпады мы уже тогда привыкли пропускать мимо ушей.

”Нельзя требовать помощи для спасения России от большевизма”

Промежуток между нападением на Польшу в сентябре 1939 года, ставшим причиной объявления войны Гитлеру, и нападением Гитлера на Советский Союз был недолог – всего около полутора лет. И мне очень хотелось перейти сразу к этим событиям, важнейшим в истории России. Важнейшим также в истории НТС. Но, перечитывая конец предыдущего очерка, я увидел, что о том, что там сказано одной или двумя фразами, следует написать несколько подробнее.

Так, может звучать странно решение руководства НТС: что бы ни произошло, надо быть со своим народом, что спасти Россию могут только русские люди, своими силами. А с кем же быть, как не со своим народом? Но дело в том, что эти слова были ответом на волновавшие тогда вопросы, на которые многие находили, по нашему мнению, неверные, а часто просто вредные ответы. Широко были распространены надежды, что цивилизованный Запад не сможет ведь долго терпеть дикарей–большевиков и в конце концов решит их изгнать. Здесь невольно соединились две родственные по духу идеи. Первая: Россию погубили некие ”темные силы” (а мы не виноваты). Вторая: Россию спасут какие-то иные ”силы” (к которым мы, естественно, примкнем). В этом многие были искреннейшим образом убеждены. И это было ошибкой, но еще не большой бедой. Беда была в том, что так оправдывалось собственное ничегонеделание (”ждем, когда призовут”).

Упомянутое заявление руководства НТС означало, что ”призывов” ожидать не от кого и ”примыкать” тоже не к кому (к сожалению). Это решение объясняет многие шаги Союза во время войны 1941–1945 годов. И многие шаги после войны.

И другое решение – искать поддержку у отдельных, любящих Россию людей, а не в ”высших сферах” – проистекало вовсе не из высокомерия, а было следствием трезвого анализа обстановки.

Это решение могло казаться весьма странным, особенно для тогдашнего советского гражданина. Действительно, почему молодой, не имеющей финансовой базы и до крайности в такой базе нуждающейся политической организации не искать поддержки в ”сферах”? Ведь если исходить из того, что тогда внушали советская пресса, радио, докладчики, лекторы, воспитатели в детских садах, – ”сферы” и сами, без всяких просьб должны были бы окроплять золотой росой антикоммунистические организации, в том числе и НТС.

Ведь советским гражданам денно и ночью внушали, что ”враги, как голодные волки, у границ оставляют следы”, мечтая уничтожить ”родину трудящихся” и т. п. Люди знали, что пропаганда лжет, но при отсутствии другой информации что-то оставалось. В особенности, если эти утверждения советской пропаганды многих совсем не пугали, а наоборот, вселяли надежду: а вдруг Запад и в самом деле решит разогнать всех этих мерзавцев? Надежды на приход спасителей извне были тогда немалые не только в эмиграции, но и в России. (”Вот война начнется, подожди, старуха, первый штык придется в сталинское брюхо!” – этот стишок обошел всю Россию, – хотя ”никто, никто никому не доверял”; да и я сам мальчишкой не раз слышал, как отцу кое-кто из его пациентов говорил вполголоса: ”Ох, доктор, хочь бы пушка дэ вдарыла!”)

Лгала нам пропаганда... Картина окружения и голодных волков была придумана для того, чтобы скрыть свои собственные намерения, чтобы внушать людям, что изменяют на стройках, ловить повсюду шпионов, затягивать потуже пояса, отстраивать вооружение надо лишь для того, чтобы огрызнуть врага в решительный час.

Но правительства демократических стран вовсе не намеревались бороться против коммунизма. От борьбы они отказались еще в 1920 году, в тот момент, когда решили, что надо налаживать отношения с новой большевистской властью и предпринимать шаги для скорейшего прекращения гражданской войны.

Демократические страны не только не собирались нападать на Советский Союз, — они почти не защищались от его подрывной деятельности. Большевики активно вели работу по подготовке мировой революции. Был создан Коминтерн, отстраивавший и содержавший коммунистические партии, готовившиеся к захвату власти в своих странах — самостоятельно или вовлекая в это дело другие левые организации. Создавались "Народные фронты", коалиции между левыми партиями и коммунистами. Правительства "Народного фронта" были в Испании, во Франции (Леон Блюм). Надо ли пояснять, что в "высших сферах" стран, у кормила которых стоял "Народный фронт" или подобные ему группировки, НТС мог ожидать отнюдь не помощи, а только неприятностей?

"Нельзя /.../ требовать от Бельгии и бельгийцев помощи для спасения России от большевизма, — писала за несколько месяцев до того, как в Бельгию вошли гитлеровские войска, фламандская "Де Ниеве Газет". — Новое Поколение (так называли они НТС. — Я. Т.) рискует попасть под действие закона о попытках со стороны иностранцев втянуть население, то есть Бельгию, в их внутренние ссоры и войны".

Неприятности были у Союза до этого и в других странах. Так, в Болгарии под давлением советского посла (Ф. Раскольников, который впоследствии остался на Западе) газету НТС "За Россию" несколько раз закрывали и приходилось выпускать ее как бы заново, под другим названием. За несколько лет до войны в Чехословакии полиция явилась на собрание Союза и арестовала всех присутствовавших (около 30 человек), обыскала квартиру К. Д. Вергуна и других членов НТС. Следствие велось три недели, и советские представители, требовавшие, чтобы их допустили к следствию, не были допущены только благодаря протестам общественности...

Неумение демократических стран противостоять натиску коммунизма, кризисы, политические интриги, постоянная смена правительства и т. п. — тогда вызывали у многих сомнение в правильности самой демократической системы. И многие стали обращать свое внимание на европейские страны с недемократическим образом правления. Изучали итальянский и португальский опыт. Надеялись получить поддержку от Германии.

Не следует задним числом всех этих людей презирать: в то время ни фашисты, ни национал-социалисты еще не совершили всего того, что нам известно сегодня. Поведение же какого-нибудь Леона Блюма или Бенеша было способно оттолкнуть человека далеко за "среднюю линию".

Говорят, что НТС в свое время "увлекался" некоторыми фашистскими теориями. Увлекаться не увлекался, а изучал — в особенности попытки синдикализма преодолеть марксову теорию классовый борьбы.

Но вскоре Союз пришел к заключению, что это, как сказал М. А. Георгиевский после своей поездки в Рим, – "все тот же порочный круг". Что духовные истоки у них общие: идолопоклонническая абсолютизация у одних – класса (марксизм), у других – расы (национал-социализм), у третьих – государства (фашизм). Живой человек во всех этих схемах отсутствовал. Вставал трагический вопрос:

"...неужели... все зачеркнуто, и, круто повернув назад, мы снова у истоков двадцативекового пути, в лесах и делях первого дикого человека?" ("Европа у края бездн". "За Новую Россию", июнь 1935 г.).

Затем приводились иллюстрации: собрание неоязыческого движения в большой мюнхенской пивной; намерение фашистов поставить над Римом изваяние Муссолини, одна лишь рука которого будет достигать длины 25 метров; "мощи" Ленина в мавзолее у кремлевской стены.

Вплоть до наступления благоприятных условий...

Руководство НТС закрыло Отдел Союза в Германии более, чем за год до нападения на Польшу, в августе 1938 года. Вот текст этого решения.

"Ввиду выяснившейся невозможности самостоятельной и независимой работы нашего Союза в пределах Германии Исполнительное Бюро постановило, не дожидаясь официального закрытия групп НТСНП в Германии, приостановить работу этого Отдела вплоть до наступления более благоприятных условий.

Деятельность этого Отдела считать этим распоряжением прекращенной и Отдел НТСНП в Германии распущенным".

Разумеется, Союз вовсе не прекратил работу в Германии, а только стал ее вести осторожнее. Встречи продолжались, печатались и переправлялись в Россию листовки. В связи с этими листовками однажды возникла непростая и непредвиденная ситуация: если ранее мы думали, как бы нам добиться необходимой помощи, то теперь пришлось думать о том, как с наименьшим риском от предложенной помощи отказаться.

Об этом случае подробно рассказывал ныне покойный Виген Арамович Нерсесян, старый член Союза и один из руководителей работы с молодежью. Его рассказ был напечатан в "Посеве" (№ 6 за 1981 год), и я его вкратце перескажу.

Месяца через три после официального закрытия Отдела к В. А. Нерсесяну подошел немец и пригласил "для разговора". На вопрос, не из гестапо ли он, тот возмущенно замахал руками и вынул удостоверение военного министерства.

Собеседник показал В. А. Нерсесяну листовку НТС и сказал, что немецкая разведка доставила ее из Москвы. Им известно, что напечатана она в Берлине. Следовательно, у НТС есть возможность действовать в России. "Наше министерство, – сказал он, – может предоставить вам неограниченные финансовые и технические средства для расширения вашей работы. При одном условии: политическая информация вам, военная – нам". В. А. Нерсесян ответил, что он не уполномочен отвечать на подобное предложение и что такой важный вопрос может решить только центр НТС в Белграде, куда и был послан спешный вызов.

Между тем руководство берлинской группы НТС принялось обсуждать создавшееся положение. В возглавлении немецкой армии было немало людей, презиравших Гитлера и не разделявших идей национал-социализма. Однако незадолго до этого засекреченный член НТС, работавший в типографии военного министерства, вынес оттуда брошюру, пока что не подлежащую оглашению, напечатанную тиражом в полтора миллиона экземпляров. Ее цель была – психологическая подготовка войны против СССР; это было за год до подписания договора о ненападении между Гитлером и Сталиным! Из брошюры члены НТС впервые узнали о существовании слова "унтерменш", о том, что русские еще не достигли человеческого уровня и к ним необходимо массовым образом применять жестокие меры...

Пошли, как это часто делали, советоваться к другу НТС, проф. И. В. Ильину и вместе с ним сформулировали проект ответа: До тех пор, пока во вторую главу "Майн кампф" не будет внесено поправок, ни один русский, обладающий собственным достоинством, с национал-социалистической Германией сотрудничать не сможет.

На праздновании дня рождения члена НТС Гефдинга (сына корреспондента "Нойе цюрхер дайтунг") устроили "игру": провели тайное голосование по вопросу "что отвечать, если немцы предложат нам сотрудничество для работы на Россию?". Все 15 присутствовавших (которые, надо думать, поняли, что это совсем не игра) проголосовали "против".

Надо сказать, что в НТС самыми большими противниками национал-социализма были члены Германского Отдела; им Гитлер был виднее, чем членам НТС в Париже или руководству организации в Белграде.

Через несколько дней в Берлин прибыл М. А. Георгиевский, который, совместно с В. А. Нерсесяном и главным образом С. А. Субботиным, вел в немецком Штабе довольно долгие переговоры. Георгиевский упорно отстаивал выработанную руководством линию: Россия должна освободиться от большевизма своими собственными силами, и в этом ей можно и нужно помочь. Если же вспыхнет война с СССР, то ее необходимо вести в союзе с русским народом против Сталина. Другая политика приведет к трагическим последствиям. В этом же духе был выработан меморандум, который и был передан. И, конечно, остался без ответа.

В. А. Нерсесян рассказывал: мысль о том, что от сотрудничества надо будет отказаться, вызывала у него немало беспокойства: не попасть бы после этого в "места не столь отдаленные"... Однако немец, с которым он в первый раз встретился, узнав об отказе НТС от сотрудничества, вдруг вскочил и стал жать В. А. Нерсесяну руку, говоря, что он все очень хорошо понимает. А затем от некоторых офицеров Штаба поступило предупреждение: если референтом по "восточным делам" станет Розенберг, то руководителям НТС в Германии следует как можно скорее, до объявления мобилизации, выезжать за границу. Этому совету они и последовали: Субботин перебрался в Голландию, Нерсесян – во Францию, где участвовал в движении сопротивления.

И в этом случае поддержку Союзу оказали не враждебные России "высшие сферы" страны, а отдельные честные люди той же страны. Так нередко бывало и впоследствии, во время разразившейся вскоре большой войны.

Наши нравственные устои

В. ПОРЕМСКИЙ

Начало пути

В качестве нравственного ориентира хочу привести выдержку из письма мне Председателя Союза (НТСНП) Виктора Михайловича Байдалакова. Письмо написано в Белграде 6 апреля 1933 года.

"Читали ли Вы все конспекты, изданные Исполнительным Бюро? В них мы ведь и вкладываем наше мировоззрение. Я знаю, что парижские доклады Левитского бесплодны и ничего дать не могут (сужу о нем по его бюллетеням). Нужно самим браться за эту работу. В Белграде, Загребе, Скопле, Софии и др. местах во внутренней работе орудут исключительно молодые члены. Уже созданы серьезные кадры таких своих молодых работников.*

Вот только вчера мы послали в Крагуевац, где сформировалась сейчас большая наша группа, инструктора для организации и налаживания внутренней просветительной и идеологической работы. Этому инструктору 22 года, студент, но он глубже, идейнее и духом сильнее Струве, Левитского и других. Наши группы во внутренней работе должны быть академиями-фабриками новых общественных работников и борцов...

Наша задача во внутренней работе оформить, закрепить и развить новое мировоззрение, родившееся в молодых умах и сердцах.

Я знаю, что таковая работа не всюду еще налажена. И когда мне говорят о необходимости разработки и уточнения программных пунктов, я знаю, что людям по существу нужна лишь словесная аргументация своей веры. И вызывается эта потребность не действительным личным стремлением разрешить именно сейчас вопрос, скажем, о волостном земстве, но нападками врагов, требующих в полемике этой злосчастной эмигрантско-специфической "детальной программы". Идеологическая слабость не порождает аргументов своей веры и заставляет прятаться под щит умственных программных софизмов.

Я глубоко убежден, что эмиграция выявляет свою духовную нищету особенно ярко в своих программных спорах и выдумываниях. Вот это стремление найти какое-то магическое слово, комбинацию мыслепостроений заменяет всегда основное и главное - идею и личность, превращаясь из орудий последнего в самодовлеющую цель.

...Хочется пожелать Вам сразу же основного в нашей работе - 1) сознания полного "самостояния" и "самодовления" в своей деятельности, мыслях и устремлениях у членов Союза; 2) творческого внутреннего горения и 3) жертвенного порыва в борьбе. В нашем понимании и ощущении, мы (Союз) - орден, братство... Мне хочется Вас познакомить с нашими уже отработанными кадрами, показать Вам их глаза, рассказать о их жизни, работе и делах. Союз для них, борьба и работа в нем - цель жизни. Показать Вам рабочих в Крагуевце и Белграде, после тяжелого трудового дня ежедневно до полуночи ведущих большую работу над собой и с собой. Познакомить Вас с студентами, отрешившимися от всего, бывшими офицерами, сдающими экзамены по политерамоте у 20-летних наших уже готовых инструкторов и руководителей... Чтобы почувствовали Вы весь жар их, поняли высоту взлета их духа и оценили силу и ценность их.

* Речь идет не о философе С. А. Левицком, который в 1933 году был еще молод. - *Ред.*

...Вопрос ведь не в количестве прочитанных докладов, а в единстве души, их нелюбимом служении, вере в себя и ощущении долга. При наличии таковых - тяжелая и кропотливая внутренняя работа претворяется в естественное и свободное творчество".

Как мы жили

Приведенные выше слова не воспринимались нами как пустая декламация, они западали глубоко в душу и для многих из нас становились ориентиром на всю жизнь. За пять лет до этого письма, еще в Белграде, Виктор Михайлович на мой вопрос: "что значит бороться за Россию?", ответил: "живи и поступай так, как если бы только от тебя зависела судьба нашей страны". Следуя этому призыву, члены Союза шли в Россию через наглухо закрытые на проволочные заставы границы СССР. Одни гибли при переходе, другие достигали места назначения и там попадали в руки палачей, третьи растворялись в народной массе, и лишь единицам удавалось вернуться обратно. Среди них Г. С. Околовичу.

Союз, который выдвинул такие идеи и сформировал таких людей, можно сравнить с живым организмом, например, с растением. Семена, одухотворенные идеями организации, пускали корни, очень глубоко уходящие в почву. Набираясь влаги и сил, они выпускали ростки, сначала тоненькие стебельки, затем, по мере роста и мушкетирования, стебельки вырастали в дерево, обрамленное ветвями и листьями.

Шли годы, десятилетия. Дерево качалось от ветра, гнулось, сгибалось, но не ломалось, хотя почва и климат российского зарубежья далеко не благоприятствовали безболезненному развитию. Из-за непогоды и заморозков одни листья хирели, желтели и опадали, другие, пройдя через сомнения и испытания, скручивались и темнели, но упорно держались за ветки. Еще совсем недавно на деревце появлялись новые побеги, но они уже не столько украшали его, сколько контрастом свежей зелени лишь подчеркивали неминуемость биологического увядания.

Однако на деревце росли не только ветки и листья, но и цветы, дающие плоды и семена. Попутными ветрами эти семена миллионами уносились в Россию. До недавнего времени, попадая на бесплодную почву, семена гибли, не давая ростков. Лишь очень немногим из них удавалось проникать в глубь расселин, где еще сохранилась влага и возможность пустить корни. Увы, отсутствие солнечного света не позволяло семенам давать ростки, проросшие же были осуждены на подпольное существование.

Что нас ждет

Но вот случилось чудо: наступил 1985 год, в стране началась революционная оттепель, пошли дожди гласности, разрослись неформальные ручейки и реки. Благотворная влага стала размывать земной покров, ставший за годы лихолетья сухим и каменистым. Наши семена стали легко находить место посадки и давать всходы. Так началась новая жизнь Союза на родной земле. Но не рано ли радоваться?

Дело в том, что родная почва стала благоприятствовать любым семенам. Страна покрылась пестрым ковром, но, к сожалению, не только полезными растениями и злаков, но также и колючих кустарников с красивыми, но ядовитыми плодами. И это не мудрено – ведь вся почва страны десятилетиями обрабатывалась сталинскими ядохимикатами. Потребуются годы и годы, чтобы внешние воды выполоскали из почвы большевистский яд и унесли остатки зла, насилия и ненависти в океан уходящего в прошлое времени.

Нашей поросли в стране предстоят тяжелые годы становления. Чтобы избежать соблазнов и опасностей, надо набраться сил для выхода на большую дорогу. И нужно время, чтобы корни проросли в глубь нашей истории, к истокам веры наших предков. К солнцу и свету надо выходить осторожно и осмотрительно, ориентируясь на блеск далекой путеводной звезды.

Тот, кто пойдет по легкому пути, кто соблазнится временным успехом, кто захочет шагать в ногу с теми, кто, расталкивая соперников, стремится к власти любыми способами, тот приведет лишь к возрождению в России большевизма – иного по форме, но столь же зловредного по содержанию. К сожалению, мы не застрахованы от этой опасности.

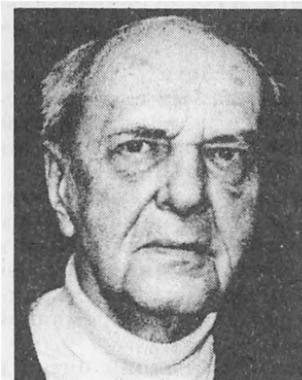
Другая опасность состоит в том, что у Союза имеются две ипостаси – разрушительная и созидательная. Вплоть до недавнего времени разрушительная (деструктивная) деятельность в борьбе с режимом преобладала в нашей пропагандной литературе, а созидательная (конструктивная) соотносилась лишь с тем будущим, которое настанет после устранения большевистской власти. В сталинские времена этот перекос в сторону борьбы со злой силой был морально оправдан, но уже во времена Хрущева в эту крайнюю позицию пришлось внести коррективы. С 1985 года это стало необходимостью, так как в стране открылись реальные возможности для созидательной деятельности, стремление к которой было заложено в Союзе с самого его основания.

Перейти на позицию, отвечающую нынешним возможностям конструктивной деятельности, было бы сравнительно легко путем преодоления инерции мышления наших зарубежных кадров. Но не эти кадры будут определять будущее нашей организации, а те, кому мы передадим эстафету на родине. Они будут комплектовать ряды по своему усмотрению, что не гарантирует прием в Союз людей, полностью усвоивших наши основные идейные положения, которые мы называли союзным духом. В ряды Союза будут скорее вступать те, кто видят в нас решительных и непримиримых врагов власти. Это те, кто ориентируются на образ Союза, создававшийся десятилетиями советской пропагандой, основанной на сфабрикованной КГБ дезинформации о нас.

Эта ориентация может стать главным импульсом для вступления в наши ряды, так как в стране наблюдается не уменьшение, а усиление ненависти к режиму. Заполнение наших рядов такими противниками режима будет означать ставку на самые решительные меры. Это, в свою очередь, может способствовать гражданской войне, победителями в которой неизбежно окажутся не люди нашей породы и нашего воспитания, а люди "без страха и совести", то есть подобные тем, которые победили в 1917 году.

Вопрос о том, как избежать этих опасностей, должен был бы стать главным предметом наших забот и размышлений.

А. П. Столыпин

11 декабря 1990 года в Париже, после продолжительной болезни, скончался старейший член Народно-Трудового Союза российских солидаристов, долголетний член Совета и председатель Высшего суда совести и чести НТС, сотрудник и член Редакционной коллегии журнала "Посев" Аркадий Петрович Столыпин.

Аркадий Столыпин, сын крупнейшего государственного деятеля, премьер-министра России П. А. Столыпина, родился 20 июля (2 августа) 1903 года в имении Колноберже Ковенской губернии. Учился в гимназии с перебоями и не успел закончить из-за революционных событий.

После захвата власти большевиками семья оказалась в усадьбе близ Винницы.

Там чекистский трибунал в январе 1920 года приговорил всех Столыпиных к смерти. Аркадию удалось вывести мать из усадьбы. Двухлетнюю сестра была захвачена и зверски умучена. Другим членам семьи удалось спастись. Аркадия спас землемер, взявший его под видом помощника, с поддельным паспортом. "Помзем" разъезжал на телеге по "вверенным" деревням, помогал крестьянам в разделах земли, изучал их быт, порой встречался с начальством, включая чекистов, оставаясь неопознанным.

В том же 1920 году семья Столыпиных воссоединилась, была вывезена польским Красным Крестом в Варшаву, откуда перебралась в Берлин. Затем Аркадий переехал в Рим, где закончил среднее образование и получил аттестат зрелости. В 1924 году во Франции он поступил в Сен-Сирскую военную школу, но прервал учебу из-за болезни. Далее – банковская служба во Франции до 1941 года.

В 1935 году вступил в НТС (тогда Национальный союз нового поколения), занимал ответственные посты и выполнял важные задания (до поездок в лимитрофы для содействия созданию оперативных баз по работе на Россию). В 1941 году – разносторонняя помощь потоку членов НТС, направлявшихся из Франции через Германию и Польшу в Россию.

В 1942–1949 годах А. П. Столыпин – председатель отдела НТС во Франции. В годы войны руководит конспиративной работой по материальной и юридической помощи беженцам, бывшим пленным и др. из России. По окончании войны в качестве политического представителя Исполнительного бюро НТС в Западной Европе способствует восстановлению связей с группами НТС по всем континентам, организует защиту советских беженцев от насильственного вывоза в СССР, содействует возрождению свободной русской прессы.

В 1946 году А. П. Столыпин избран членом Совета НТС, в 1955 году назначен руководителем Сектора иностранных дел и более пяти лет работает в центре НТС во Франкфурте. Владеет французским, английским, немецким и итальянским языками, осуществляет на высоком уровне важные политические задачи организации.

С 1956 по 1984 год - бессменный председатель Высшего суда совести и чести НТС; пользуется непререкаемым моральным авторитетом в Союзе и эмигрантской общественности. В 1984 году по состоянию здоровья выходит из состава Совета НТС, ограничиваясь деятельностью в области журналистики и публицистики на русском и французском языках.

А. П. Столыпин - автор книг "Поставщики ГУЛага", "Монголия между Москвой и Пекином" на французском языке, "На службе России" (очерки по истории НТС) на русском языке, а также множества статей в русской и иностранной прессе. С 1969 года и до последних дней состоял членом Редакционной коллегии журнала "Посев".

Авторитет А. П. Столыпина признавали крупные политики, например, маршал Маннергейм, с которым он в 1939 году вел переговоры об облегчении судьбы советских военнопленных, попавших в плен к финнам. Его любили и уважали самые незаметные из так называемых простых людей. Он был подлинным аристократом духа, с характерной для таких людей скромностью, обаятельностью и одновременной непоколебимостью в своих убеждениях.

Предчувствуя свою недалекую кончину, А. П. Столыпин писал в центр НТС во Франкфурт:

"Пусть никто не приезжает на похороны - лучше сэкономить на более полезное. Пусть не будет ни венков, ни цветов... Пусть гроб будет покрыт лишь нашим национальным флагом - это символ всей нашей жизни. Если кто из наших молодых будет в это время в Париже, пусть он будет одним из несущих гроб в Сент-Женевьев де Буа - там я лягу в могилу, где уже покоится моя мать".

Кончина Аркадия Петровича Столыпина - большая утрата для НТС и для всего российского освободительного движения. Утешение - в том, что ему суждено было видеть осуществление его мечты: открытое развитие дела, которому он служил, на родной земле.

Совет Народно-Трудового Союза российских солидаристов с прискорбием извещает о тяжелой потере - кончине 11 декабря 1990 года

АРКАДИЯ ПЕТРОВИЧА СТОЛЫПИНА,

одного из основателей и старейших членов Народно-Трудового Союза,
долголетнего члена Совета НТС
и председателя Высшего суда Совесть и Чести НТС.

Его жизнь - пример верности и любви к исторической России,
служению которой он себя посвятил.

Выражаем искреннее соболезнование семье и разделяем ее горе.

Редакция журнала "Посев" глубоко скорбит о смерти
долголетнего автора и члена редколлегии журнала

Аркадия Петровича Столыпина

О гимне, гербе и исправлении истории

В "Посеве" № 6 за 1990 год была опубликована статья А. Колина "О национальной символике". Наше недоумение вызвало заявление автора, что принятие герба Временного правительства "для новой России было бы оптимальным компромиссным решением, отвечающим требованиям истории и момента". Временное правительство скомпрометировало себя альянсом с большевиками, недееспособностью, сотрудничеством с Советами – всем тем, что в итоге привело к развалу России и Октябрьскому перевороту. Любая преемственность в этом аспекте выглядит политически неразумно и даже смешно. В ходе российской истории двуглавый орел подвергался многочисленным изменениям.

Даже во время Гражданской войны различные Белые армии использовали несколько вариантов герба. При Врангеле в Крыму, например, на бумагах, подтверждающих право владения землей (т. н. "Бумага с орлом"), был воспроизведен дореволюционный герб со всеми монархическими атрибутами. Этим Врангель хотел вызвать у крестьян чувство долговечности и стабильности их прав на землю. В армии Бермонта-Авалова в Прибалтике орел также был при всех регалиях.

В Северной армии генерала Миллера (на банкнотах) орел был без корон, но при щите с Георгием Победоносцем и без графических изменений, которые были сделаны при Временном правительстве: у "временного" орла опущены крылья, снят щит со св. Георгием, опущен хвост, под которым разместилось здание гос. думы с восходящим солнцем над ним. Стоит добавить, что на фоне "раздетого" орла на банкнотах Временного правительства красуется еще и свастика – надеемся, на перенятии этого элемента серьезно никто настаивать не будет?

Думается, что целесообразнее всего было бы принять дореволюционный российский герб без каких бы то ни было изменений – со всеми коронами и гербами покоренных царств.

Основания: этим подчеркивается преемственность российской государственности со всеми ее темными и светлыми страницами. Короны в данном случае имеют чисто исторический смысл. Например – в гербе финляндской республики лев тоже в короне, хотя собственных королей у Финляндии никогда не было. Герб довоенной Польской республики – орел в короне, которую с него сняли после войны пришедшие к власти коммунисты; сегодня ее ему возвращают. Вернули корону и чешскому льву, хотя чешской монархии в ближайшее время не предвидится. Довоенная Венгрия, которая тоже не была монархией, сохраняла герб с короной Св. Стефана до самого коммунистического переворота.

А чем мы хуже? Тем более, что дореволюционный герб, чисто графически, выглядит несравненно выше всех прочих вариантов: чисто вписывается в круг, каждый элемент на своем месте. По поводу возможного возмущения гербами покоренных царств на крыльях – это свидетельства конкретных исторических событий. Многие из этих покоренных территорий сегодня независимые государства, иные

- стремятся таковыми стать. Так что ж, при каждой новой перемене будем снимать или добавлять элементы герба?

По поводу гимна. Автору статьи кажется, что "наиболее подходящей представляется маршевая песня из старого арсенала освободительной борьбы"... "Смело, товарищи, в ногу"! Мотивировка: "Эта песня, с той же мелодией, поется при демонстрациях европейских трудящихся, и пение ее у нас будет вызывать симпатии за пределами нашей родины".

Невольно хочется напомнить, что при некоторых "демонстрациях европейских трудящихся" также поется "Интернационал" - может, его и взять? Тоже может вызвать симпатии за пределами, только далеко не у всех. А в пределах нашей родины это уж точно вызовет совсем иные чувства! Даже выбирая гимн РСФСР, в нашем подкоммунистическом Отечестве обратились не к "революционной романтике" начала века, а к "Патриотической песне" Глинки, написанной в веке прошлом.

До принятия гимна "Боже, царя храни!" российским гимном был "Коль славен", у которого на сегодняшний день есть все права стать государственным гимном. "Коль славен" - гимн не монархический, а религиозный, поэтому никаких протестов у республиканцев вызвать не может. Кремлевские куранты играли его мелодию до 1918 года. Когда же большевики попытались заставить их бить "Интернационал", то единственное, чего они добились, - это окончательно расстроили механизм, после чего они по сегодняшний день бьют что-то невообразимое. Наглядный пример того, к чему может привести неумелое исправление ошибок истории...

*Андрей Васильев, Андрей Окулов
Франкфурт-на-Майне, декабрь 1990 г.*

О выборах в земство

Статья А. Окулова "Земская опора" в "Посеве" № 6 за 1990 год весьма своевременна и дает читателю интересные цитаты из источников. Но, к сожалению, у читателя может сложиться превратное представление относительно выборности земства. Стоит напомнить, как выборы в земство происходили.

Порядок выборов в земство был первоначально установлен "Положением о губернских и уездных земских учреждениях" от 1 января 1864 года. По уездам были созданы "уездные земские собрания", состоявшие из "уездных земских гласных", которые избирались тремя разрядами избирателей:

- 1) дворянами-землевладельцами,
- 2) городскими обществами,
- 3) сельскими обществами.

В 34-х губерниях, где земство было первоначально учреждено, выборы в земские учреждения были в какой-то мере всеобщими, хотя, по обычаям времени, они не были ни равными, ни прямыми. Землевладельцы и горожане обладали правом голоса в соответствии со своим имущественным цензом. Уездное дворянское собрание выбирало гласных от своего сословия непосредственно в уездное земское

собрание. Горожане же, владевшие недвижимой собственностью, избирали выборщиков, которые, в свою очередь, выбирали своих гласных в уездное земское собрание. Среди крестьян равным правом голоса обладал каждый глава семьи. Главы семейств выбирали волостной сход, который уже выбирал гласных в уездное земское собрание.

Уездное земское собрание исполняло две функции. Во-первых, оно избирало, сроком на три года, свой исполнительный орган - Уездную земскую управу. Во-вторых, оно избирало гласных в вышестоящий орган - в Губернское земское собрание. Последнее избирало свой исполнительный орган - Губернскую земскую управу. Выборный председатель уездной земской управы утверждался губернатором, губернский - министром внутренних дел.

Общее число уездных земских гласных было по закону 1864 года ограничено в 13.000, с таким расчетом, чтобы дворяне и крестьяне в нем имели приблизительно паритет: в среднем 48% гласных от дворян, 40% от крестьян и 12% от городских обществ. Проценты эти колебались от уезда к уезду. Поскольку дворянство в то время составляло немногим более 1% населения, а крестьянство - более 80%, ни о каком равенстве голосов - через два года после упразднения крепостного права - не могло быть и речи. Но выборы по этой системе утвердились и проводились в течение четверти века, вплоть до контрреформы 1890 года.

Эта контрреформа ограничила, но не упразднила выборное начало. Число крестьянских гласных было сокращено с 40% до 30%. Кроме того, по новому закону главы крестьянских семейств по-прежнему выбирали волостной сход, но последний выбирал уже не гласных в уездное земское собрание, а только кандидатов в гласные. Из этого списка выборных кандидатов самих крестьянских гласных в уездное земское собрание назначал губернатор, по совету с местной административной властью. Выборы дворянских и городских гласных этой контрреформой затронуты не были, так что не следует все земство после 1890 года характеризовать как невыборное.

Однако факт: попытки либерализовать земское законодательство в 1911-12 годах имели лишь частичный успех. Государственный Совет блокировал введение бессословного земского самоуправления на уровне волости, к которому стремился Столыпин, земство удалось распространить лишь на три новых губернии, и губернаторское вмешательство в выборы гласных от крестьян было упразднено лишь частично.

*Б. Сергеев
Нью-Йорк, декабрь 1990 г.*

"Мы стоим за демократию в России. Демократию без прилагательных. Обусловленная демократия («народная», «социалистическая» или иная) уже не демократия. Демократия - это народоправство, это руководство, ответственное перед народом, это управление с согласия управляемых; это и равное достоинство каждого гражданина, отсутствие партийных или сословных привилегий. В кризисах XX века демократия доказала свою жизненность, способность перестраиваться и впитывать новые идейные элементы. В солидаризме мы видим идейное обеспечение демократии на будущее".
("Путь к будущей России". Политические основы НТС. "Посев" № 2, 1987)

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, Р. Б. Евдокимов, В. Г. Ламздорф,
Б. Г. Миллер, Е. Р. Миркович, М. В. Назаров,
Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров, А. П. Столыпин

Адрес редакции:

Possev-Redaktion

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. 101000 г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54
Тел. 207 79 48

МАЗУРИН А. 603016 г. Нижний Новгород, ул. Лескова, дом 9-а, кв. 27
Тел. 59 40 86

ЕВДОКИМОВ Р. Б. 191028 г. Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, дом 5,
кв. 24. Тел. 273 43 03

ДЕРЕВЯНКИН А. Н. 413101 Саратовская обл., г. Энгельс-1, д. 28, кв. 15
Тел. 2 39 57

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1991 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. В. Miller, 83 Baring Rd., London SE12 0JS

БЕЛЬГИЯ. В. Р. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. О. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, India-
napolis, 04515 Sao Paolo

ВЕНГРИЯ. Bartok Béla, ut 16. 1. em. 11.1111 Budapest.
Tel.: /361/ 186-2527

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassella Postale 630, Roma-
Centro

ПОЛЬША. Sławomir Nazaruk. 15-959 Białystok 2.
Skr. Poszt. 117

СССР. В. Батшев. Москва 129010 Абонентный ящик 72.
Тел. 465 05 05

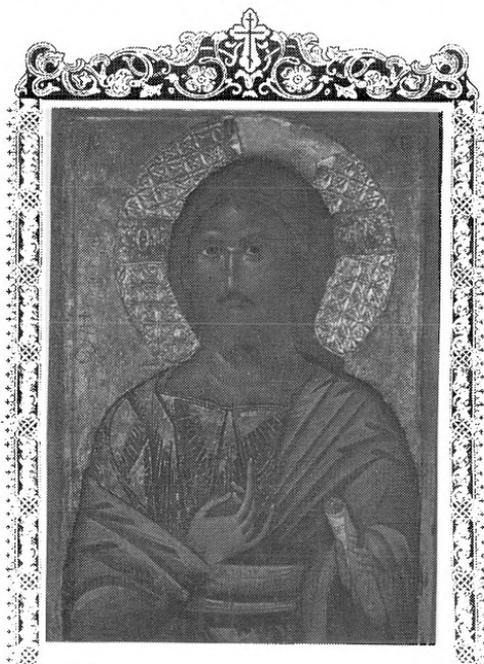
США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118
S. Golubov, P. O. B. 18, R. D. 4, Jackson NJ 08527
Tel. 201-928-2125
"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272
G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017
A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Möslweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertalje

ИКОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1991 ГОД

1991

ROSSA
101435

Большой ежемесячный настенный календарь с 13-ю первоклассными репродукциями икон с кратким объяснением.

Весь текст календаря пятиязычный - русский, английский, немецкий, голландский и французский.

Размер: 41 x 30 см. Печать репродукций икон - многокрасочная. Календарь покрыт защитной пленкой.

Розничная цена без пересылки 40 н. м.